

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство жилых домов в Юго-Западном районе Москвы.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: Звеньевая колхоза имени Ворошилова (Новогрудский район, Гродненской области) Надежда Красовская и члены ее звена на сортировке льноволокна.

Фото М. Ананьина.

На последней странице обложки: Искусственное опыление подсолнечника в колхозе «Россия», Алексеевского района, Белгородской области.

Фото Ф. Коротневича.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 35 (1576) 25 АВГУСТА 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Соревнуясь в честь 40-летия Великого Октября, коллектив Ленинградского завода подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова досрочно завершил план семи месяцев. На снимке: установка фермы 75-тонного балочного крана в цехе металлоконструкций.

В ЧЕСТЬ СЛАВНОГО 40-ЛЕТИЯ

Все тоньше становится пачка листков календаря, отделяющая нас от большой, знаменательной даты — 40-летия Великого Октября. И чем ближе к ней, тем быстрее летит время, принося одну за другой радостные вести: все ярче разгорается соревнование в честь Октября, все больше подарков к историческому дню готовят трудящиеся города и деревни.

На днях вся страна узнала о том, что передовые шахтеры Караганды установили мировой рекорд: соревнуясь в честь 40-летия Великого Октября, бригады комбайнеров 6-го участка шахты № 31 треста «Кировуголь» в июле выдали на-гора одним комбайном 30 524 тонны угля!

Телеграф сообщает о сверхплановой выдаче угля передовиками Донбасса, о том, что Куйбышевская ГЭС уже выработала 6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, о том, что таганрогские металлурги освоили выплавку стали в мартенах на ставропольском газе, о том, что в Жданове сооружена за рекордно короткий срок — 153 дня — новая мощная доменная печь, а в другом месте страны — на Урале — вступает в строй рудный гигант — Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат.

Сколько нового рождают каждый день, каждый час! Едва стало известно о почине ленинградцев, вызвавших на соревнование москвичей и свердловчан, и вот уже свердловчане отвечают: вызов принят!

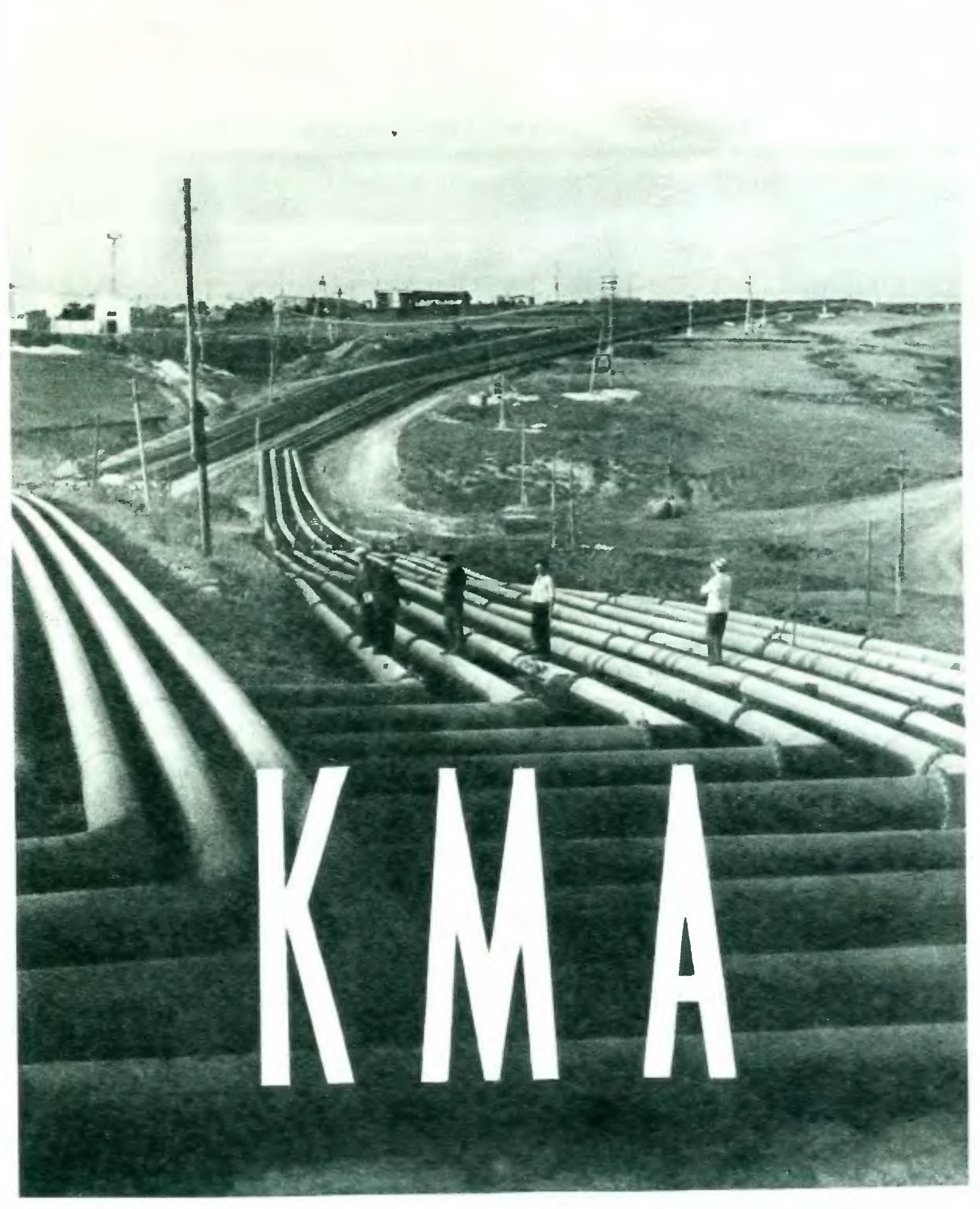
А на колхозных и совхозных полях! С огромным подъемом трудятся хлеборобы, досрочно завершая сдачу хлеба государству. Не смолкает гул комбайнов на просторах целинных земель. Труженики Алтайского края дали слово засыпать в закрома Родины в нынешнем году 300 миллионов пудов зерна, а Новосибирской области — 100 миллионов.

Обязательства в честь 40-летия Великого Октября взяли в каждом районе, каждом совхозе и колхозе. Комбайнер совхоза «Восточный», Чкаловской области, Герой Социалистического Труда С. П. Лычагин решил убрать за сезон 1 800 гектаров зерновых. И он ежедневно скашивает 80—90 гектаров пшеницы сцепом двух комбайнов.

Если бы кто-нибудь попытался записать все обязательства, все подарки Великому Октябрю, только для простого перечисления понадобились бы десятки огромных томов. Так советский народ встречает 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Агрегат Героя Социалистического Труда С. П. Лычагина убирает пшеницу в совхозе «Восточный».

КМА

Прокладка труб для гидромониторов, которые будут работать на вскрыше карьера.

Василий ТИТОВ

Фото Ф. КОРОТКЕВИЧА.

Вот он какой, Оскол! Не торопкий, не широкий, а все же могуче вспорол многометровые толщи меловых и мергелистых круч, раздвинул дорогу себе пошире да из-под Курска через Белгородскую область махнул на юг, к Северному Донцу в гости. Не роскошен, как северные большие реки, но зато со своим лицом, со своими повадками. Бежит, вьется среди степных полей и увалов, весь в луговых цветах. По берегам большие и малые села стоят, избы и дворы мелом белены и слепят до боли в глазах, а он промеж сел, хлебных полей и белых увалов спокойной голубой лентой режет долгий простор и бежит все на юг, на юг. Таков Оскол. Таково и все Поосколье.

Оттого, что Оскол так красив и приволен, залюбовавшись им, и не разберешь сразу, что́ сказал возница, к которому подсел в телегу:

— А Оскол-то наш белокаменный и прямо молодец! Богатую дорожку себе выбрал, по золотому донушку бежит!

— Это как же понимать: «по золотому донушку»? — спросишь тут спутника.

— А то как же! — ответит он.— Или ничего не знаете? Под нами же КМА лежит! Мы прямо по золотому дну едем.

— КМА? А что оно такое, КМА?

— Да вы что, в самом деле про кму не знаете? Да руды же, руды под нами лежат! Тут Донбасс, говорят, своим угольком под нас подлез, а мы, говорят, рудою под него из-за самого Курска подкатили. Вот и смекайте, чему тут быть на свете скоро. Заводская сторона в недалеком будущем встать должна.

И поглядит на тебя так, как будто смекает, шутишь ли ты или в самом деле про КМА ничего не знаешь. И, помолчав, продолжит:

— Тут у нас был только один маленький городок Губкин, где по малости руду ковыряли. А теперь такие урождения нашли, что на всю Азию и Европу на пятьсот лет вперед хватит. Яковлевское урождение, например. Руда там, говорят, прямо на три километра вглубь лежит. Есть места на КМА — маленько глину сверху пошевели — и черпай руду лопатой. Прямо на железе живем. А вы: «Что такое КМА?».

Я много дней езжу по Осколью, по местам, где найдена или уже добыта руда, и везде слышу разговоры о КМА, о золотом дне.

Но что такое КМА? Это знаменитая Курская магнитная аномалия, до недавнего времени загадка и великое поле деятельности для ученых и геофизиков, а теперь практически величайший в мире железорудный район, где руда лежит и глубоко и неглубоко под землею. Здесь немало открыто за последние годы и таких месторождений железной руды, которые вступят скоро в строй «снабженцев» огромных наших металлургических предприятий, и таких, которые, видимо, сами по себе поставят вопрос о создании заводов и доменных цехов у себя «под боком». Люди здесь почти на каждом шагу говорят о КМА как о своем будущем и думают о ней хорошо, далеко. Будто жителям этой большой степной стороны вручили новый, неожиданно прекрасный подарок, открыли для них большой драгоценный клад, и теперь всем им надо побеспокоиться, чтобы поднять его под солнце из глубокого тайника земли. Ждут его здесь и для себя: два больших экономических района образовались на Осколе и на Сейме — Белгородский и Курский; ждут его и для других, упоминая домны Череповца, Тулы, Липецка, Донбасса. Слово «КМА» теперь уже не загадочное. КМА теперь — четкий синоним рудных богатств, будущих домен, металлургических предприятий.

...Удивительное дело эти Поосколькие железорудные месторождения! Ни гор, ни пропастей, ни стремительных круч вокруг. Вон в низине в куге да осоке бежит Ворскла, асфальт автомагистрали Москва — Симферополь прямым тугим поясом перепоясал ее. По сторонам от дороги избы, за ними бесконечными морскими волнами стелется рожь, рожь и рожь. Шофер, что взял меня у Белгородской заставы в «попутчики», показывает рукою на Ворсклу, на буровые вышки, что разбрелись, как журавли, среди необъятных хлебов, ажурной вязью теряясь в голубизне неба, останавливает машину, слушает с минуту жаворонков, а потом говорит:

— Вот тут! Приехали! Яковлевское месторождение, золотое донушко!

В низине у Ворсклы стоят такие же вышки, что и на поле, гремят под «балаганчиками» какие-то машины, откуда-то качают воду. Ну и что же? Ведь совсем и не пахнет рудой! Не ошибся ли шофер, ссадив меня здесь?

Но нет. Через час, уже в поселке, я беседую о яковлевском кладе с начальником белгородской железорудной экспедиции Николаем Ивановичем Иванченко, а скоро с геологом Людмилой Сергеевной Богуновой мы едем к дубовому ложку Рыково, в хлебные поля. Ссутулясь, стоят по вершинам оврага кудлатые, шумноголовые дубки, под ними, словно где-то здесь полдень книгу читает и растерял все свои очки, в бликах солнца и пятнах тени колышутся голубые, синие, желтые да белые цветы. Покой, исто-

ма, нега, мир! Какая тут руда! Но рядом с лесом и полем работает под вышкой, напряженно вращая штанги, буровой станок.

— Уже 780 метров прошли,— говорит Людмила Сергеевна.— И вот уже третью сотню метров все идем через богатую руду. Поглядите керн. Посмотрите, какая руда.

В ящиках круглыми столбиками — кернами — лежит сырая, черная, рассыпающаяся, как чернозем, мокроватая руда. Самая богатая, самая драгоценная руда! Ее можно везти прямо в домны. В ней 61 процент железа. Уже все месторождение «оконтурено» пройденными буровыми скважинами. Разведанные запасы богатой руды уже сейчас равны двум с половиной миллиардам тонн. Месторождение принято специальной комиссией, руды сданы государству.

Фактически руд больше. Мощной кварцитовой залежью под ними лежат руды победнее. Практически месторождение неисчерпаемо. Оно одно перекрыло все мощности старого Криворожья, которое вот уже восемьдесят лет подряд снабжает рудою металлургические предприятия Юга. Его осушить — и тогда строй рудник и добывай руду. А совсем рядом разведываемые месторождения: Гостищевское, Тетеревинское, Малиновское. Каждое из них может стать базой для крупного горнорудного предприятия. Гостищевское месторождение больше Яковлевского.

Все это я узнаю от Людмилы Сергеевны здесь же, на буровой. «Золотое дно». Меткое, точное определение! И в прямом и в переносном смысле слова. Курская магнитная аномалия! Чудовищно велики размеры аномалии. Разделившись на два подземных хребта, бежит она с севера на юг одним хребтом от Подмосковья — под Орлом, Щиграми, Тимом, Старым и Новым Осколами — до Валуек, другим хребтом откудато из-под Брянщины — под Дмитриевом, Льговом, Обоянью, Белгородом — на Волчанск. Откуда они, как зародились здесь? Ответ у геологов только один: их породило море! Не то наше современное море, что размывает толщи глин, меловых отложений, моет принесенный реками ил. Море, которое сложило кварциты, существовало за гранью геологических эпох, полтора — два миллиарда лет назад. Тогда оно рушило, дробило и перетирало в песок первозданные, содержащие железо горные породы, а волны тащили растворенное в воде железо и кремний на далекие просторы и осаждали там. И рождалось век за веком из железа и кремния новое, кварцитовое дно. Его можно назвать рудным. Тридцать два — тридцать шесть долей железа таит в себе каждый кусок кварцита.

Но откуда же, спросите вы, в керновом столбике, что из этой скважины, взялась шестьдесят одна часть железа? Да море-то жило! Жила и планета. Пришло время, когда какие-то неистовые, тяжкие тиски стали сжимать с боков кварцитовые толщи дна. Могучее железорудное дно выгибалось в мощные вертикальные складки, как лед на реке в январские морозы. Кварциты пучились, вставали горбами «на-попа» и выходили на поверхность моря. Вот тогда и началась великая потайная работа воды, ветра, солнца и окисления. Они высвобождали из породы кварц, дожди смывали и уносили его вновь в море, а железо, «богатея», оставалось на этих вспученных хребтах-стояках. Это было уже второе рождение дна. А потом пошло и пошло. Рушились по-прежнему горы, море мыло пески и глины, закрывая «золотое дно» плотным панцирем наносов, и теперь об этом рассказывают только вот эти столбики пород, добытые из скважины. Взгляните на этот зеленоватый глинистый столбик. В нем целая геологическая эпоха. Это юра. Юрские пески, прослоенные глинами, самые капризные и водоносные из всех. А под ними лежат другие водоносные породы, мощным слоем покрывая богатые руды.

— Эх, стоило бы посмотреть на это донушко оттуда, снизу, какое оно там?

— Проще простого,— отвечает Людмила Сергеевна.— Поезжайте в город Губкин и опуститесь в рудник. А года через два вы увидите «золотое дно» в Лебедях и сверху.

Губкин — маленький городок на Оскольце, от которого рукой подать до Старого Оскола. Прикрыв голову надежной кожаной «шахтеркой», с лампочкой в руках стою с главным геологом рудника Сергеем Федоровичем Борисовым прямо в толще этого «донушка» и глаз не могу отвести от черных сырых глыб. Красиво? Нет, грандиозно! Вот как сжало, как изломало, покоробило это дно! Слои стоят рыже-черные, словно чугунные, тяжелые настолько, что физическую тяжесть их ощущаешь всем своим настороженным телом. И кажется: стукни по ним, по этим «стоякам» кварцита, железным обломком, что лежит у рельсов,— и вся шахта будет долго гудеть, как колокол.

По квершлагу бегут электровозы, везут дробленную взрывами руду к подъемной шахте. В шахте вверх и вниз идут «скипы», доставляют руду на обогатительную фабрику. Она здесь же, наверху, над нами. Тяжелые дробильные машины и мельницы рушат там руду в порошок, мощные электромагниты улавливают и отделяют железо от кварца, и конвейер несет его на агломерационную фабрику. Там умная машина — конвейерная печь — спекает из обогащенной руды «пирог». С высоты нескольких этажей она вытряхивает этот «пирог» к железнодорожной платформе, и бежит потом обогащенная руда к тульским да липецким домнам. В кварците было 32—38 частей железа. В «пироге» — 50 с лишним.

— Не велик наш рудник, да первенец,— говорит Сергей Федорович.— Нелегко он строился, нелегок был почин на КМА. Мы ведь сейчас в кварцитах. Богатые руды лежат над нами. Но они покрыты юрой — водоносным горизонтом. А юру покрывает мел — ненадежная кровля.

— Вероятно, поэтому вы и спустились в кварциты и берете их, хотя они и беднее?

— Да. Но не только поэтому, а еще и потому, что вначале мы не знали такой техники, какая существует сейчас. Это месторождение небольшое, лежит неглубоко, и его теперь можно было бы осушить и вскрыть экскаваторами. Рядом, на Лебедях, более мощное месторождение, но по своему строению примерно такое же, как наше, оно вскрывается сейчас экскаваторами. А тогда...

...Вспомним долгую историю КМА. Курскую магнитную аномалию открыл академик П. Б. Иноходцев. Было это в 1783 году. Тогда шло генеральное межевание российских просторов, составлялась генеральная карта государства. Академика обманывала магнитная стрелка компаса. Она порою давала отклонение почти на пять градусов. Есть места на КМА, где магнитная стрелка вовсе не стоит на месте. Под Белгородом, у Кочетовки, она мечется на оси компаса на все 360 градусов, а свободно подвешенная, становится под прямым углом к поверхности земли. Такое поведение магнитной стрелки ученые называют аномалией — ненормальным поведением ее. Отклонение стрелки от строгого курса на север вызывается присутствием магнитных руд в толще земли. В то время ученые не могли еще объяснить это явление, и академик Иноходцев открыл тогда только это явление, но не само «золотое дно». Предположение, что под просторами курской земли лежит железо, высказал профессор Московского университета Э. Е. Лейст, которому Русское географическое общество поручило исследовать КМА. Но две буровые скважины, поставленные им на каком-то «магнитном максимуме» под Белгородом не дали руды на заданной глубине. Первый кусок курских кварцитов был взят под Щиграми. Землю не бурили — долбили, работали способом «ударным»: крошили породу да вычерпывали по малости металлической тяжелой «ложкой» на поверхность.

В 35 томе Сочинений В. И. Ленина есть такое письмо Владимира Ильича:

«Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже* — 1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?...

Дело это надо вести *сугубо* энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет».

Письмо датировано 6 апреля 1922 года. Адресовано Г. М. Кржижановскому.

Буровые вышки.

Еще на равнинах Юга не утихли битвы гражданской войны, а Владимир Ильич торопил ВСНХ, Особую комиссию по КМА и ее руководителя И. М. Губкина, всечасно ободряя думать о добыче хоть первых граммов курской руды. В двадцатые годы встала та первая знаменитая буровая вышка под Щиграми, что дала первую руду. Но первую промышленную руду дал вот этот рудник, и вошел он в строй всего лишь пять лет назад. Здесь его заложил академик Губкин. Строиться рудник начал перед минувшей войной. Почему же так отдалился срок освоения КМА? Конечно, и по техническим причинам. Но и не только поэтому. Были люди, которые сопротивлялись добыче руд на месторождениях КМА. Они

говорили: «Мы, практики, знаем, что к чему. Зачем нужны курские руды, когда есть Криворожье? Курская руда будет стоить дороже, и как дело там пойдет, неясно. А в Криворожье дело привычное — бери руду, где уже давно берем, и дело с концом». И хоть было ясно, что нельзя надеяться только на один криворожский старинный клад — новые заводы вызовут необходимость думать и о КМА,— люди твердили свое: «Не каплет, подождем, покуда так выгоднее». Таких называли «пенкоснимателями».

Были и другие. Они говорили о себе: «Мы не практики». Они зарекомендовали себя тем, что несколько лет назад в одном очень важном документе записали о КМА: «Вести разработку богатых руд подземным способом небезопасно!». Хотя каждый участковый геолог это знал, но специалисты эти и не искали пути, как вести добычу богатых руд безопасным путем.

И вот сейчас геолог Борисов, рассказывая обо всем этом, вспоминает:

— Вода, юра — кровля ненадежная, утверждали те специалисты. Но ведь вода есть даже и в кварцитах. Вслушайтесь, вон там она шумит в квершлаге. По трещинам сбегает сюда из юры, что над нами. Но мы ее надежно выкачиваем насосами.

— Понимаю! — говорю я.— Для того, чтобы взять здесь богатые руды, надо сначала спуститься в кварциты, пробить горизонтальные выработки — квершлаги, спустить в них по фильтрационным буровым воду из водоносных покрывающих толщ, и когда они осохнут, тогда и строй под ними рудник, бери руду — кровля будет надежной. Так я вас понял?

— Почти так,— подтверждает геолог.— Так именно и возможно взять Яковлевское месторождение, жемчужину КМА. Там слишком велики наносы, и вскрывать сверху рудное тело будет бессмысленно. А в других местах, в Лебедях, где руда близко к поверхности лежит, надо только осушить месторождение и вскрывать его машинами. В Лебедях сейчас так это и делается. КМА удивительно разнообразна по условиям залегания руд. А под селом Михайловским совсем не потребуется осушать клад: там это сделали овраги. И тут я вспоминаю слова академика Губкина, сказанные им одному из старых геологов: «Сколько бы ни было доводов против КМА — она заработает на нас скоро. И наш рудник — первая лаборатория на КМА. Она научит, что и как делать на «золотом донушке».

...Хорошо после долгих часов хождения по железным штрекам очутиться под ярким солнцем! Высоко в небе, прямо над рудником, поют жаворонки. Машина бежит туда, где мирный струится Осколец. Село Лебеди стронулось с места, переезжает ближе к городу. Сразу, едва кончился последний колхозный сад, мы очутились среди разноголосой симфонии работающих механизмов. В гигантской выемке метались стрелы экскаваторов. К ним подходили вереницы машин. Выемка слепит глаза: дошли уже до мела.

— Вот и строится Лебединский рудник,— говорит Борисов.— Строится открытым способом. До богатой руды здесь всего метров семьдесят пять. Более двухсот миллионов тонн лежит прямо на кварцитах. Уже разработан план штурма этого месторождения. Дело пойдет так, что руду будут брать прямо экскаваторами.

Вдруг мой собеседник хмурится и говорит:

— И все-таки скажу: на КМА нет хорошего единого хозяина. Так, как я вам сейчас рассказал, строить рудник предложила очень авторитетная экспертная комиссия. Ее возглавляли видные ученые-горняки. «Южгипроруда», которой была поручена разработка технического проекта, решила добыть здесь руду при помощи воды. Видите вон те «нитки» толстых труб, что рядами тянутся к выемке? Это водоводы и пульповоды. Они уложены для того, чтобы можно было быстро и недорого «взять» рудное тело водой. Мощные мониторы должны размывать породу, а пульповоды — отводить жидкие грунты на «отвал». Построены насосная станция и подстанция. Но воды нет: не построили надежного водохранилища. И вот видите, вынуждены вскрывать клад экскаваторами, породу отвозить на машинах. Можно, конечно, и так до юры поработать. Но это же не талантливо и, главное, дорого!

Борисов умолк, теребя в руках соломенную шляпу, и сказал неожиданно:

— Знаете что, съездите-ка еще на Михайловское месторождение!

...Вместе с главным геологом Льговской железорудной экспедиции Иваном Петровичем Калининым едем смотреть Михайловский железорудный клад.

Здесь на будущий рудник уже назначен начальник. Иван Петрович рассказывает:

— Рудник по плану должен дать скоро руду. Но у нас еще нет ни одной землеройной машины. К нам — сплошное бездорожье. В дождь на «козле» не проберешься. А без дорог же рудник существовать не может. Возникает одно доброе желание: у КМА должен быть единый план освоения его богатств и один хозяин. Но его покуда нет. Есть много хозяев, и по-прежнему много барьеров.

— А Курский и Белгородский совнархозы? — спрашиваю я.

— Курский и Белгородский совнархозы? Но под силу ли им одним поднять такое гигантское дело? Может, следовало бы для освоения КМА создать единую и мощную организацию, которая двинула бы резко вперед это большое народнохозяйственное дело? Над этим следует подумать.

...Мы уезжали с рудника. Едем молча. Хочется сложить вместе, объединить впечатления поездки по КМА. А в памяти картины виденного и слышанного на этой богатой земле. Недалекое будущее ее прекрасно!

Белгород, Ст. Оскол, Михайловское.

НАША ДРУЖБА КРЕПЧЕ СТАЛИ

(Письмо из Праги)

Бывают в жизни народов дни, оставляющие памятный след на долгие годы. К таким событиям, глубоко запечатленным в сердцах трудящихся Чехословакии, относится недавнее посещение страны Партийно-правительственной делегацией СССР.

Цветные фотографии, помещенные на вкладке этого номера журнала, еще раз возвращают нас к этим незабываемым дням.

О том, как встречали советскую делегацию по всей Чехословакии, уже много написано. Но до сих пор вспоминаются отдельные штрихи: то возглас, то фраза, сказанная от души и дающая не меньшее представление о чувствах народа, чем рукоплескания или цветы.

Делегация приехала на завод «ЧКД-Сталинград». Шел проливной дождь. Из боковых ворот одного цеха выбежала немолодая работница в замасленном свитере, в тапочках, вытирая на ходу руки передником. Делегация уже прошла вперед, и, чтобы догнать ее, работница побежала через двор наискосок между штабелями труб, прямо по лужам. Кто-то сказал ей:

— Матушка, вы же простудитесь, смотрите, как промочили ноги-то!

— Человек вы мой золотой! — воскликнула работница.— Я этой минуты, может быть, все двенадцать лет ждала, а ты говоришь мне о простуде. Ведь это же весь советский народ к нам в гости приехал!

Маленький штрих, но как ярко выражает он великую любовь чехословацких людей к нашей стране, к нашему народу!

Уже после отъезда советских гостей мне довелось беседовать с одной крестьянкой, товарищем Краткой, из сельскохозяйственного кооператива под Прагой.

— Вы говорите: друзья. Мало сказать — друзья! Ведь они такие простые, такие близкие, так понимают наши радости и заботы! Это наши люди, наши! Мы всегда любили и любим Советский Союз, советских людей. А теперь, после встречи с дорогими гостями у нас на земле, наша любовь будет еще крепче. И мы все сделаем, чтобы это никогда, никогда не было иначе.

Миллионы людей в Чехословакии присоединяются к этим словам. Дружеские чувства, ярко проявившиеся в дни пребывания советской делегации, отливаются в конкретную форму, претворяются во многие живые дела. В связи с приездом советской делегации новая могучая волна социалистического соревнования прокатилась по стране. Сотни заводских коллективов принимали новые обязательства, пересматривали старые, выискивали резервы. В письме на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии пленум краевого комитета КПЧ Готвальдовского края сообщил, что при обсуждении решений ЦК КПЧ и по случаю приезда советской Партийно-правительственной делегации на всех предприятиях края развернулось широкое движение за эффективность производства.

Долго будут вспоминать жители городов и сел Чехословакии теплые, сердечные встречи с представителями братского народа, их добрые советы, дружеские замечания. Встреча представителей советского народа с народами Чехословакии еще и еще раз подтвердила нерушимость дружеских уз, связывающих наши народы.

П. ПРОНИН

г. Прага.

В колхозе над Неманом

Среди множества населенных пунктов, раскинувшихся по берегам могучего белорусского Немана, есть старое живописное село Щорсы. Его окружают сочная зелень лугов и бескрайние пашни. Кто хоть раз побывал летом на щорсовских полях, тот навсегда остается плененным их особым колоритом: тучностью хлебов, необыкновенно высокими клеверами и, что особенно запоминается, как поэтическая строка, как сказка, голубыми просторами посевов льна.

Щорсовцы одними из первых в республике сами построили гидроэлектростанцию. Они гордятся тем, что и проект ГЭС был составлен своими же, щорсовскими парнями, студентами политехнического института. Жители села объединены в колхоз имени К. Е. Ворошилова. В течение многих лет в колхозе председательствует неутомимая Анна Трофимовна Кумец.

Немало людей перебывало в гостях у Анны Трофимовны с искренним желанием поучиться умению вести коллективное хозяйство. Рассказывая гостям об успехах артели, Анна Трофимовна прежде всего говорит о рядовых тружениках колхоза, о тех, кто обеспечил высокий урожай, кто заботится о стадах скота, возводит новые здания.

Одна из таких — звеньевая-льновод Надежда Ивановна Красковская. Несколько лет назад она,— конечно, в шутку,—называла себя бюрократом и чиновником: Красковская заведовала Щорсовским почтовым отделением. Веселая, быстрая в делах, Надя была на особой прнмете у председателя колхоза. И вот... Надя — слушательница агрокурсов, затем член льноводческого звена и, наконец, его руководитель.

У щорсовских льноводов широкая слава. Познакомиться с ними, поучиться их приемам труда приезжают со всех концов Белоруссии, приезжают и из соседней Литвы. Щорсовцы встречают гостей приветливо. На все вопросы охотно отвечают.

— Ну, как у вас дела, Надежда Ивановна? Чем можете похвалиться?

— Цыплят по осени считают, — смеется звеньевая. — Думаем, что результаты прошлого года превзойдем.

— А как было в прошлом году? Хотя бы по заработкам?

— За прошлый год я заработала девятнадцать тысяч рублей деньгами, девяносто пудов хлеба да продуктов немало...

— А теперь, значит, превзойдете?

— Да! — Звеньевая уверенно рубит воздух ладонью.

А. ДИТЛОВ

Село Щорсы, Гродненской области.

САККО И ВАНЦЕТТИ

Альберт КАН

Тридцать лет прошло с тех пор, когда 23 августа 1927 года, в Чарлстонской тюрьме Бостона были казнены на электрическом стуле Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. Обвиняли их в грабеже и убийстве. Но действительная причина была другая.

«...Помните всегда,— писал Ванцетти незадолго до казни,— что мы — не уголовные преступники; приговор вынесен нам по сфабрикованным свидетельствам... И если после семи лет, четырех месяцев и семнадцати дней невыразимых мук ожидания казни, которые мы перенесли, нас теперь лишат жизни, то это потому, что мы были за бедняков и против эксплуатации и угнетения человека человеком».

«Я знаю,— сказал, обращаясь к судье, Сакко в своем последнем слове,— ваш приговор будет приговором одного класса другому... Мы любили простой народ, мы любили книги, искусство. Вы преследуете простых людей, тираните их, убиваете. Мы добиваемся счастья для людей повсюду. Вы стараетесь провести границы вражды между разными народами... Потому я и сижу сегодня на этой скамье, что я — из угнетенного класса! А вы — вы и есть угнетатели».

Три десятилетия не стерли в памяти человечества чудовищной картины этого легализованного убийства. Много страданий и горя перенесло с тех пор человечество. Но кто из людей, если только у него есть разум и сердце, не содрогнется и сейчас от возмущения, вспомнив отталкивающие подробности этого процесса! Циничное самохвальство судьи, заявившего приятелю за стаканом виски: «Вот гляди, что я сделал с этими ублюдками-анархистами!» Или дикарская предубежденность тщательно отобранных присяжных, глава которых в ответ на сотни заявлений об отсутствии фактических доказательств для обвинения воскликнул: «Черт с ними, так или иначе надо было их прикончить!» Или холодный садизм всей этой долголетней юридической волокиты между приговором и приведением его в исполнение. Или, наконец, тот совсем уже не укладывающийся в сознании факт, что незадолго до казни Сакко и Ванцетти один гангстер, участвовавший в ограблении, приписанном им, публично сознался в своем преступлении!..

Бартоломео Ванцетти — рабочий-эмигрант, торговавший в Америке рыбой вразнос и самоучкой проходивший университетский курс истории, литературы и философии, зачитывавшийся Горьким и Марксом, Ренаном и Дарвином, Данте и Толстым... Широко известный адвокат Уильям Томпсон писал о Бартоломео через два года после того, как согласился вести его дело: «...Я — юрист, вышедший из Гарвардского университета, человек старых традиций. Я взял на себя эту защиту двух бедных чужеземцев потому, что, по моему убеждению, с ними поступили несправедливо... Теперь я пришел к еще более прямому выводу. Я, гарвардский стипендиат, человек старых американских традиций, почти готов сказать, что редко можно найти в душах людей столько благородства, столько блестящего великодушия, как в этом человеке — Бартоломео Ванцетти».

Сакко и Ванцетти на суде (1927 год).

Никола Сакко — молодой, жизнерадостный рабочий-кожевник... Хозяин фабрики, на которой работал Никола, рассказал о нем: «Этот парень уже с четырех часов утра копается в своем огороде, потом до семи работает в цеху, а после ужина — снова в огороде, часов до девяти — десяти — носит воду, поливает овощи. Ему не нужно столько овощей, он часто приносил их мне для раздачи нуждающимся».

Ванцетти любил и ценил своего друга. «Никола — настоящий работяга... Этот человек отдает себя всего без остатка делу свободы и счастья людей...»

Феликс Франкфуртер, профессор прав в Гарварде, а впоследствии член Верховного Суда США, писал в нашумевшей в то время книге о суде над Сакко и Ванцетти:

«Ряд фактов, которые не в состоянии была опровергнуть прокуратура, говорит о том, что процесс Сакко и Ванцетти возник в результате сговора между окружным прокурором и агентами министерства юстиции; цель состояла в том, чтобы убрать из округа этих итальянцев в связи с тем, что они — красные». Однако подлинные убийцы Сакко и Ванцетти — не профессиональные каратели и подкупленные судейские чиновники. Их приказали казнить люди, пользующиеся огромной финансовой и политической властью. Для этих людей уничтожение двух бедняков было незначительной мелочью — ведь их чудовищные состояния выросли на поте и крови бесчисленных человеческих существ.

«Сам существующий в США порядок потребовал казни Сакко и Ванцетти»,— публично заявил даже такой человек, как Роберт Линкольн О'Брайен, миллионер, владелец газеты «Бостон Геральд». И действительно, смерть этих двух символизировала борьбу между умирающим миром и миром рождающимся. Их бросили в тюрьму и судили в те дни, когда мир еще был охвачен гигантскими потрясениями последних месяцев войны, когда Америка сотрясалась от стачек и негритянских погромов, когда вся передовая Европа кипела возмущением против дальнейшего кровопролития, а четырнадцать держав готовили поход против молодой Советской России, которая дала своему народу мир, хлеб и землю.

Вскоре после того, как был вынесен смертный приговор, «Нью-Йорк Таймс» писала в передовой: «По всей Европе сторонники большевиков подымают шум по поводу несправедливого решения суда». Гигантская волна симпатии к осужденным и гнева против их судей поднялась во всех уголках земного шара. Среди протестовавших были писатели и ученые с мировым именем, видные юристы, деятели церкви. Такого широкого протеста мир еще не видал до тех пор, и Ванцетти понял его значение. «То, что было сделано для нас народами мира,— писал он,— то, что сказали в нашу пользу величайшие умы и сердца,— все это без всякого сомнения свидетельствует о том, что идея правосудия — того правосудия, которое считает человека человеком,— пробивает себе путь в души людей... То, что делают для нас, в другое время могли бы делать только для святых или королей. Это — несомненный прогресс».

Америка не осталась в стороне от этого мощного движения. В стране, где было совершено то, что возмутило мир, где репрессии и истерическая травля «красных» достигла апогея, множество людей упорно и непоколебимо долгие месяцы и годы боролось за спасение Сакко и Ванцетти. И чем ближе подходил день казни, тем больше возникало митингов протеста и забастовок по всей территории Соединенных Штатов. Сотни вооруженных до зубов полицейских стерегли тюрьму в тот день, когда осужденных отводили на электрический стул.

«Я не американец,— заявил в печати Ромен Роллан через несколько часов после казни,— но я люблю Америку. И я обвиняю в акте измены против Америки тех, кто запятнал ее этим судебным преступлением на глазах всего мира». Справедливость требует отметить, что если были в Америке люди, надругавшиеся над честью не только своей страны, но и всего человечества, то не было недостатка и в гражданах, поведение которых свидетельствовало о любви к родине и об уважении к человеческому роду. Их пример получает особое значение для Америки наших дней, где кучка людей, занимающих высокие посты, ведет постыдную игру с водородной бомбой, угрожая ее разрушительной силой всему населению земли.

В последние месяцы своей жизни Ванцетти был объят тревогой за судьбы человечества. «Война в Китае, в Никарагуа... Балканы — на вершок от войны,— писал он.— Алчность, ненависть, предрассудки, бесчестность затопляют мир... Чем это все кончится?»

При всей своей личной трагической обреченности он рисовал себе образ того, чем это кончится. Приговоренный к смерти, он сказал судье: «Ваш прах будет развеян временем, ваши имена, ваши законы, учреждения и ваша фальшивая вера сотрутся в памяти людей и лишь смутные следы будут говорить о проклятом прошлом, когда человек был человеку волком».

С глубоким волнением перечитываю я строки заявления, которое сделали Сакко и Ванцетти, когда уже немногие минуты отделяли их от смерти:

«Друзья и товарищи, сейчас, когда трагедия этого суда идет к концу,— будьте все, как одно большое сердце. Умрем только мы двое. Оцените по достоинству наши страдания, нашу боль, наши ошибки, неудачи, нашу мечту о боях будущего, о великом освобождении».

Как далеко шагнул мир с тех пор по путям освобождения! Уже над большей частью планеты сверкает заря нового мира, и все теснее сплачиваются в борьбе за мир и красоту жизни миллионы человеческих существ, бережно хранящих в своих сердцах память о Николе Сакко и Бартоломео Ванцетти.

На торжественном пленуме ВЦСПС. Фото А. Новикова.

ПРАЗДНИК МИЛЛИОНОВ

Не много найдется юбилеев, подобных этому: ведь он касается всех труженнков нашей страны! Пятьдесят лет исполнилось советским профсоюзам — организации, рожденной в огне революционных бнтв 1905—1907 годов.

Поздравляя профсоюзы с знаменательной датой, Центральный Комитет Коммунистнческой партни Советского Союза отмечает, что «за 40 лет Советской власти профессиональные союзы выросли в самую массовую организацию трудящихся, объединяющую в свонх рядах свыше 47 миллионов рабочих н служащих. Под руководством Коммунистической партии профсоюзы превратились в могучую снлу, оказывающую плодотворное влнянние на все стороны производственной и общественной жизни нашего народа. Все более значительной становится их роль в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Возглавляемое профсоюзами социалистическое соревнование стало основным методом строительства социализма, методом коммуннстического воспитания и организации масс, развнтия их творческой инициативы н активности в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране. Советские профсоюзы, по определению Ленина, являются подлинной школой управления и хозяйствованн, школой коммуннзма для миллионов трудящихся нашей страны».

В этн юбилейные августовские дни на заводах, фабриках, в учреждениях, машнннo-тракторных станциях проходят торжественные пленумы советов профессиональных союзов, ветераны рабочего двнжения делятся воспоминаннями.

Они рассказывают о грозовых днях первой русской революции, когда рабочий класс создавал профсоюзы вопреки запретам царских властей. Тогда число членов профессиональной организации трудящихся огромной страны не дотягивало и до четверти миллиона. Демонстрации, стачки, подполье — все было, пока не грянул Великий Октябрь и для профсоюзов открылось широчайшее поле деятельности.

Напомним, что за минувшую пятилетку объем бюджета социального страхования в СССР превысил 118 миллиардов рублей, что за те же годы профсоюзные организации направили в санаторин и дома отдыха почти 14 миллионов рабочих и служащих, что в минувшем году по путевкам профсоюзов в пионерских лагерях отдыхало 2 650 тысяч детей. В настоящее время профсоюзы имеют около одннадцати тысяч двухсот дворцов, домов культуры и клубов, более тысячн ста пятидесятн стадионов и т. д.

Нынешний юбилей особенный: он отмечается в условиях, когда миллионы тружеников осуществляют задачу, поставленную XX съездом КПСС: оживить деятельность профсоюзов, повысить их роль в хозяйственном и нультурном строительстве.

Участникн собраний, отмечая успехи профсоюзов, не забывают и о недостатках в нх работе, говорят о задачах сегодняшнего дня: быстрее провести перестройку, лучше заботиться об удовлетворении бытовых нужд и культурных потребностей трудящихся, активнее защищать права и интересы рабочих и служащих, — одним словом, не забывать ничего нз того, что волнует членов профсоюзов.

Август отмечен на предприятиях Москвы и Ленинграда, Донбасса н Урала, Горького и Риги, Хабаровска и Одессы и многих других мест трудовыми вахтами в честь 50-летия профсоюзов. Повсюду прошли народные гулянья. Особенно многолюдным и красочным был праздник на московском стадионе в Лужниках.

Трудящиеся зарубежных стран тепло отметили 50-летие советских профсоюзов, которые идут в авангарде благородной борьбы за мир. Всемирная федерация профсоюзов передала горячий прнвет юбиляру от имени десятков миллионов трудящихся мужчин и женщин, которые «следят с восхищением и симпатией за непрерывными успехами своих советскнх братьев и разделяют с ними радость этих успехов». Получены также десятки других братских посланий из-за рубежа.

20 августа в Москве состоялся торжественный пленум ВЦСПС с участием представителей зарубежных профсоюзов.

Славнсе 50-летне достойно отмечено и в нашей стране и за ее рубежами.

Строит ТЮС

Не каждому ученику десятого класса выпадает честь быть директором строительного треста. Выпускник Таллинской второй средней школы комсомолец Хельдур Уньт начал недавно работать в этой должности.

Произошло это так.

Когда намечали план политехнизации, выяснилось, что в школе очень тесно — нет места для мастерских. Задуманы же были не только мастерские, но и классы домоводства со швейными машинами и кухни с газовыми плитами. Нужно помещение для занятий автоделом; пора наконец воплотить в жизнь и давнюю мечту ребят — стрелковый тир. Одним словом, рядом со старым зданием надо строить еще одну школу.

— Стоит ли дожидаться, когда эту стройку включат в очередной план? Не можем ли мы сами построить для себя новый дом? — предложил ребятам директор Сергей Алексеевич Цыганков.

На педагогическом совете он дальше развил свою мысль: участвуя в стройке, ученики приобретут строительные специальности.

И во второй школе возник ТЮС — Трест юных строителей. Директором треста единодушно избрали Хельдура Уньта — одного из лучших учеников, твердо решившего поступать после школы на строительный факультет политехнического института.

Уже на второй день жизни ТЮСа директор Хельдур Уньт, заведующая плановым отделом десятиклассница Тииу Ломп, главный инженер девятиклассник Яак Сообик и еще два десятка будущих строителей отправились на учебу к знатному каменщику республики депутату Верховного Совета СССР Кристьяну Кярберу. Учеба началась прямо на стройке, где работал Кярбер.

Однако, прежде чем начать строить, нужны проекты, чертежи. За помощью в этом деле ребята обратились к своим старшим товарищам — немало бывших выпускников школы работает в проектных организациях.

— Конечно, поможем! — с радостью согласились старшие.

Известные в Эстонии архитекторы Петер Тарвас и Феликс Беренс создали проект большого двухэтажного здания. Сотрудники «Коммуналпроекта» — там тоже трудится несколько бывших выпускников — сделали рабочие чертежи. Архитекторы «Сельхозпроекта» подготовили всю техническую документацию. Продторг — шеф школы — поручил своему строительному управлению производство работ. Рабочих на стройке достаточно: ими стали и все ребята старших классов и учителя Олев Маас, Хельга Паннель, Эдит Юсси, Меланне Отс, Хельга Кукк.

Все ученики-строители получают заработную плату, каждый вечер в ТЮСе подводят итоги выполнения программы за день.

Лучшим каменщикам стройки: Хельдуру Уньту — он не только руководит, но и работает сам,— девятикласснику Мати Ыуна и некоторым другим ребятам уже присвоен третий разряд.

Каждый школьник старших классов взялся отработать на стройке 80 часов. Но многие уже перевыполнили это обязательство.

Не остались в стороне и студенты строительного факультета политехнического института — недавние выпускники 2-й школы. В дни летней практики они работают каменщиками на кладке стен нового школьного здания.

Новый дом будет готов к 7 ноября — так решили ознаменовать ребята сорокалетие Великой Октябрьской революции.

Н. ХРАБРОВА

Лучшие каменщики стройки Хельдур Уньт и Мати Ыуна учатся у бригадира Адольфа Лийвера.

Фото С. Розенфельда.

В зале заседаний конгресса.

Фото Б. Градова и И. Пап.

Киев принимает гостей

После гостеприимной Москвы участники Всемирного московского фестиваля молодежи и студентов — делегаты IV конгресса Всемирной федерации демократической молодежи и многочисленные наблюдатели — приехали в не менее гостеприимный Киев.

— Мир! Дружба! — эти памятные по фестивалю слова снова звучали на оживленных улицах столицы Советской Украины.

Делегаты конгресса в широкой и свободной дискуссии обменялись мнениями о задачах федерации в современных международных условиях, в которых молодежи принадлежит веское слово в борьбе за мир, против атомной войны.

Заседания IV конгресса ВФДМ проходили в одном из только что выстроенных павильонов выставки достижений народного хозяйства Украины. Открывая конгресс, президент ВФДМ Бруно Бернини благодарил киевлян, которые своим радушием и заботой создали самые благоприятные условия для работы конгресса.

Приветствуя молодежь пяти континентов, председатель исполкома Киевского городского Совета депутатов трудящихся А. И. Давыдов сказал, что Киев, поднявшийся после войны из руин, ныне широко и дружелюбно раскрывает двери для всех друзей. Это приглашение было широко использовано. Гости познакомились с жизнью Киева, имели много интересных, дружеских встреч с киевлянами.

В. ШУМОВ

ЭСЭСОВСКИЕ ГОЛОВОРЕЗЫ НА СВОБОДЕ

В дни, когда канцлер Аденауэр и его сподвижники без устали разъезжают по городам Западной Германии, пытаясь уверить немецких избирателей в своих «мирных» и «чисто оборонительных» намерениях, под крылышком федерального правительства безостановочно продолжаются «сборы» и «слеты» самых отъявленных представителей агрессивной войны — эсэсовцев.

Карлсбург — маленький городок вблизи Вюрцбурга, в Баварии. В конце июля жители городка были свидетелями очередного «слета» десяти тысяч бывших офицеров и солдат так называемых «ваффен-СС» — отборных головорезов из разгромленного гитлеровского вермахта. Здесь собрались уцелевшие последыши пресловутых эсэсовских дивизий «Викинг», «Германия», танковой дивизии «Мертвая голова», эсэсовских частей, действовавших в Бельгии, Скандинавских странах,— короче говоря, тех войск, которые больше всего запятнали себя кровавыми насилиями над мирным населением.

Слет проходил под старыми нацистскими лозунгами, под руководством эсэсовских генералов, несколько лет назад освобожденных из заключения,— таких, как генерал Биттрих, генерал-полковник Хауссер, генерал Панцермейер и им подобные. Сборище это откровенно провозгласило необходимость «полной реабилитации» всех войск СС и нагло «отвергло» обвинения их в известных всему миру кровавых преступлениях.

Соседний городок, Карлштадт, решительно отказался принять в своих стенах непрошеных «гостей». Жители же Карлсбурга вынуждены были из-за «сговорчивости» своего бургомистра, соблазнившегося доходами от эсэсовского слета, наблюдать, как пьяные гитлеровские выкормыши орали песни о «фюрере, который любит свою гвардию». Вполне в духе сборища была и речь генерала Панцермейера, который призывал эсэсовцев «быть верными старым командирам» и создать в Федеративной республике «новый дух решительности и наступления».

«Выгнать бы их, как бешеных собак!» — сказала корреспондентам девушка, наблюдавшая сборище эсэсовцев.

Слет эсэсовцев почтили своим присутствием некоторые депутаты боннского бундестага. У них не нашлось ни одного слова осуждения. Отпор был оказан только небольшой группой местной молодежи из социалистической организации «Соколы». Молодежь выставила в витрине фотодокументы о кровавых зверствах эсэсовцев во время войны. Некоторое время молодые патриоты стойко выдерживали натиск эсэсовских хулиганов, «мимоходом» разоривших местное кладбище.

Все это происходило в дни предвыборной кампании Аденауэра на глазах у пишущего эти строки и у фотокорреспондента. Все это происходило через двенадцать лет после окончания войны, после Орадура, Лидице, Майданека, где пепел погибших свидетельствует о преступлениях германского милитаризма.

В. КРАУЗЕ,
немецкий журналист

Бывший эсэсовский генерал-полковник Хауссер (в центре за столом) в окружении своих выкормышей.

МАГАЗИН ПЛЫВЕТ ПО РЕКЕ

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото Ф. Короткевича.

Есть универмаги, которые плавают,— это обычное явление на многих речных магистралях.

Нам пришлось совершить рейс по Каме на одном из плавмагов — теплоходе «Очер»,— познакомиться с работой этой своеобразной «торговой точки».

...Магазин плывет вниз по реке. До встречи с первыми покупателями еще несколько часов хода, и Вера Михайловна Касмуля, миловидная женщина со значком отличника советской торговли на отвороте халата, использует свободное время для раскладки товаров, оборудования витрин. А потрудиться есть над чем: на полках обширный ассортимент — костюмы и радиоприемники, швейные машины и часы, обувь, белье...

Первая остановка у землечерпательной машины «Камская-15». Медленно совершает свой круговорот гигантская черпаковая цепь, выбрасывая в баржу подводный грунт.

— «Очер» пришел!—послышались возгласы.

И не успел еще теплоход пристать к брандвахте, опустить сходни, как наиболее нетерпеливые, перевалив прямо через борт, уже скрылись в трюме.

Завидев плавучий магазин, свернули с пути и причалили к нему вспомогательное судно «Ирень», шаландер «Путеец». В магазине вдруг стало тесно. Его заполнили матросы, лебедчики, кочегары, масленщики... Паренек протолкался к прилавку и попросил показать ему форму водника. Это Миша Гилев — самый молодой матрос на «Ирени». Ему только семнадцать лет, и, пожалуй, никто другой на судне не ждал с таким нетерпением появления плавмага. Уже с первых получек были отложены деньги на форму, и теперь Гилев чувствует себя настоящим речником: впору подобраны китель и брюки, лихо сидит фуражка...

Доволен и штурман шаландера «Путеец» Николай Иванович Некрасов. Наконец-то выполнена его заявка: ему привезли швейную машину с электрическим мотором.

— Жена у меня мастерица,— говорит он товарищам.— А обшивать есть кого. Шутка ли! Пять дочерей от семи до восемнадцати лет!

Не меньшее оживление и в продовольственном отделе. В первую очередь отпускаются продукты для «котпита». На всех судах организовано коллективное питание, и закупка необходимого запаса продовольствия — дело весьма ответственное.

— Ты, Георгий Степанович, еще раз список посмотри,— горячится высокая пожилая женщина, обращаясь к командиру земснаряда.— Мука, сахар, консервы — это, конечно, все нужно. Но вот круп на этот раз можно поменьше, а фруктов обязательно побольше. Ребята компоты во как любят!..

Капитан вначале возражает, видимо, не решаясь отойти от установленных норм, а потом, махнув рукой, вносит поправки в длинный список продуктов. И на весы кладется 50 килограммов фруктов.

— Молодец, тетя Нюра, отстояла! — раздался восторженный голос.

Тетя Нюра — как любовно называют здесь Анну Григорьевну Ромашову — уважаемый человек на земснаряде. Уже много лет ведает она питанием команды.

«Очер» продолжает путь. Вот на пустынном берегу показался одинокий домик бакенщика. Раздался призывный свисток, и от домика к плавмагу уже мчится моторная лодка.

— Это Егор Петрович Дедов со Средне-Таборского переката спешит,— говорит Вера Михайловна, направляясь навстречу гостям.

Егора Петровича встречают както особенно тепло. Долго жмут руки, обнимают. А капитан «Очера» Александр Иванович Стулов торжественно вручает ему свежий номер газеты «Камский водник». В ней на видном месте напечатана заметка о пятидесятилетнем юбилее трудовой деятельности старейшего бакенщика Камы.

Заметку громко читают вслух, как приветствие.

Все новых и новых покупателей захватывает по пути «Очер». Теплоход сопровождает уже добрый десяток лодок бакенщиков с различных перекатов. Бойко идет торговля.

Погрузка товара на лодки механизирована. С помощью крана тюки с покупками плавно опускаются вниз. Это почти «с доставкой на дом».

На вторые сутки «Очер» подчалил к водолазному крану № 6. Неожиданно из воды показались фигуры в водолазных костюмах.

— Покупатель прямо со дна реки к нам торопится,— пошутил кто-то из команды.

И действительно, тяжело поднявшись по лесенке, сняв скафандры, водолазы направляются к магазину. У прилавка мы познакомились с подводниками Павлом Логиновым, Михаилом Костаревым, Николаем Кожевниковым. Втроем за свою водолазную жизнь они пробыли под водой более пятнадцати тысяч часов — почти два года.

А вот еще одна любопытная сценка. У прилавка — шкипер Ф. Ф. Попов. Продавец уже взвесил продукты, протянул покупателю. И вдруг:

— Стоп! Воздержитесь. Покупку будем считать контрольной.

Оказывается, и «на воде» действуют общественные контролеры. Механик Виктор Воробьев и матрос Мария Залялова предъявляют удостоверения и приступают к делу. Тщательно вновь взвешивают каждый кулек. Обнаруживается четыре грамма излишка в двух килограммах конфет и два грамма недостачи в килограмме риса. Акт, конечно, составляется. Но все благополучно: «Разницу отнести за счет кренования судна...»

...Более шестисот километров по Каме прошел «Очер» за время своего очередного десятидневного рейса. Он побывал у изыскателей, занимающихся съемкой глубин перекатов, работников многочисленных русловыпрямительных партий, путевых рабочих-бакенщиков, посетил водолазные станции и побережные лесоучастки. Почти на четыреста тысяч рублей промтоваров и продовольствия продано за это время. Две с половиной тысячи покупателей побывали в плавучем магазине...

«Тетя Нюра».

«С доставкой на дом».

Миша Гилев теперь чувствует себя настоящим матросом.

Поленов В. Д. (1844—1927). ОКА. Свердловская картинная галерея.

СВЕРДЛОВСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

На Урале издавна сложилась высокая художественная культура. Еще в XVIII веке Урал становится одним из основных центров художественной промышленности России. Главную роль в развитии искусств на Урале играл Екатеринбург (ныне Свердловск). Здесь была создана Горная школа, где большое внимание уделялось обучению учащихся рисованию, организованы в 30-х годах XVIII века «камнерезные мельницы», которые стали центром художественной обработки камня. Уральские художники, камнерезы, гранильщики создавали подлинные шедевры искусства, поражающие тонкостью рисунка, умелым использованием природной красоты камня, техническим совершенством обработки.

Однако искусство уральских умельцев и художников не становилось достоянием трудящихся масс. До середины XIX века в Екатеринбурге не было ни одной выставки, знакомящей население с творчеством местных художников и достижениями русского искусства. В 1887 году на Урало-Сибирской научно-промышленной выставке демонстрировались картины В. Перова, И. Айвазовского, И. Шишкина, А. Корзухина и других талантливых русских мастеров живописи. В 90-х годах XIX века в Екатеринбурге было организовано Общество любителей изящных искусств. Одним из членов Общества был А. К. Денисов-Уральский (1864—1926 годы), создавший прекрасные произведения, отражающие строгую, неповторимую красоту уральской природы.

В 1901 году в городе на основе прошедших здесь выставок открылся художественный отдел местного краеведческого музея, созданного Уральским обществом любителей естествознания.

С 1902 года в городе начала существовать художественно-промышленная школа, которую окончили многие уральские художники. В ней, например, учился выдающийся советский скульптор И. Д. Шадр (Иванов). С открытием школы художественная жизнь в городе оживилась. Наибольший интерес представляют в эти годы работы живописцев Л. В. Туржанского и его ученика И. К. Слюсарева.

До Великой Октябрьской социалистической революции в России коллекции Екатеринбургского музея, так же как и многих других, были крайне скудны. Даже крупнейшие музеи не всегда могли приобретать выдающиеся работы русских и зарубежных мастеров. Многие картины и скульптуры хранились в частных собраниях и были недоступны даже для ученых и специалистов, изучающих живопись. Только после Октябрьской революции, когда музеи стали всенародным достоянием в них развернулась подлинно научная и культурно-просветительная работа. Художественный отдел Свердловского краеведческого музея получил широкие возможности. Было приобретено много новых произведений русских живописцев. Крупнейшим событием явилось поступление в музей более 2 тысяч изделий каслинского художественного чугунного литья.

В апреле 1936 года на базе художественного отдела Краеведческого музея была создана картинная галерея. С ее организацией возникла возможность серьезной пропаганды изобразительного искусства на Урале.

В настоящее время в Свердловской картинной галерее посетители могут познакомиться с великолепными полотнами русских и западноевропейских художников.

Здесь можно увидеть и яркую, сочную живопись Айвазовского и лирические пейзажи В. Д. Поленова, шишкинский, пронизанный солнцем русский лес, своеобразные полотна А. И. Куинджи, жанровую картину А. Д. Кившенко и многочисленные произведения, посвященные революционному прошлому Урала.

Художественная ценность и значимость экспонатов дают возможность Свердловской картинной галерее участвовать в выставках в Москве, посвященных творчеству Репина, Левитана, Шишкина и других выдающихся русских живописцев.

А. БАЖОВА

Кившенко А. Д. (1851–1895). СЪЕЗД НА ЯРМАРКУ НА УКРАИНЕ. 1882.

Свердловская картинная галерея.

В СКОРОМ ПОЕЗДЕ

Маленькая повесть

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

— Нет, нет, Настасьюшка, что ни говори, а лучшее в мире место — поезд. Удобно, уютно, прелесть как хорошо!

Произнеся эту восторженную тираду, невысокий толстенький мужчина аккуратно пригладил редкий венчик волос, обрамляющий блестящую розовую лысину, и удовлетворенно потер пухлые маленькие руки.

Настасьюшка, полная дама, в модной шляпке, красным черепком примостившейся на круто завитых волосах, деловито, по-хозяйски рассовывала по углам и полочкам купе множество кулечков и свертков. Об удобстве и уюте у нее, должно быть, было собственное, особое мнение.

— Как же быть с чемоданом? Его надо обязательно наверх, — сказала она, оставив восклицание мужа без внимания.

— Сейчас, сейчас, — заторопился мужчина, с готовностью подхватывая чемодан. — Сейчас мы его поставим на место. Р-раз!

Мужчина поднатужился, чемодан нехотя пополз вверх и приостановился, отдыхая на круглом животике хозяина.

— Еще чуточку. Д-два! — скомандовал мужчина себе и чемодану, и тяжелый груз шлепнулся на верхнюю полку. — Вот видишь, как просто, — самодовольно заявил он и полез на полку. Команды «р-раз», «д-два» повторились, и чемодан водворился в багажнике.

— Все в порядке. Что еще надо?

— Сядь уж, отдохни, угомонись, — посоветовала Настасьюшка.

— Сейчас, сейчас, погоди. Самое лучшее впереди. Придут соседи. Проводник чайку согреет. За чайком поболтать можно о том, о сем. Никто тебе не будет рассказывать про свои болезни, просить советов, — мечтательно проговорил мужчина. — Ты уж, Настасьюшка, не говори никому, что я профессор. Скажу вот, что я агент по снабжению. А что, не похож?

— Похож, похож, — равнодушно согласилась Настасьюшка.

В купе вошла высокая девушка. Следом носильщик внес два больших чемодана.

— Здравствуйте! — сказала девушка и улыбнулась чуть смущенно и одновременно ласково.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — дружелюбно откликнулся профессор.

— Чемоданы куда, наверх, что ли? — сурово спросил носильщик.

— Да, пожалуйста. Только они очень тяжелые: там книги.

— Разрешите? — Профессор взял у девушки пальто и повесил на крюк.

— Спасибо. — Девушка сняла беретик, привычным движением руки поправила прическу и осторожно присела на краешек дивана, еще не зная, что делать и говорить: первые минуты дорожного знакомства всегда неловки.

— Вы до Ленинграда? — спросила Настасьюшка.

— Да. Вы тоже?

— И мы тоже,— ответил профессор.— Значит, вместе до конца. Очень хорошо. Люблю, когда никто по пути не выходит. Веселее ехать. Что-то у нас четвертого-то нет? Вечером можно в подкидного переброситься. Посмотрим, а? Может, заблудился? — подмигнул он девушке.

Девушка не успела ответить. Поезд тронулся, и в ту же минуту из коридора донесся глухой, с надрывом, кашель. На откидном стульчике в пустынном коридоре сидел маленький, сухонький человек. Одну руку он прижимал к груди, из которой вырывалось клокочущее, свистящее дыхание, прерываемое кашлем. В пальцах другой была зажата папироса.

— Астматические явления,— шепнула профессору девушка.

Профессор недоверчиво покосился на нее и, недовольно фыркнув, вышел к больному.

— Как же это называется, батенька мой, на что это похоже? Кто разрешает вам курить? Ай-яй-яй, сейчас же бросьте папиросу.

— Я немножко, одну — две папироски, не больше, — виновато улыбаясь, ответил пассажир. Говорить ему было трудно, и он переводил дыхание после каждого слова. — Мне без папиросы хуже, привычка, знаете. А до Ленинграда недалеко, ночь одна.

— Вы домой едете? — участливо спросила девушка.

— Да, да, домой. Ездил в гости к сыну, женился он... невестку посмотреть хотелось. И так, понимаете, неудачно съездил: приехал — и сразу приступ. Сердце у меня больное. Клапан какой-то там зависает, то ли пригорел. Прихватила, понимаете, астма, да еще какая-то особенно злая, сердечная. Едва отходили. Пролежал в больнице больше двух месяцев. Из больницы — сразу домой. Жена очень волнуется, и на работу надо, никак нельзя было задерживаться.

— Простите, как ваше имя-отчество? — Профессор сдвинул лохматые брови, и розовое добродушное лицо толстяка стало строгим и сосредоточенным.

— Павел Иванович Алферов. Я инженер, конструктор.

— Так вот что, дорогой Павел Иванович, папироску-то вы бросьте и идите, батенька, спать. Отдыхать, отдыхать вам надо.

Вы хорошо устроились? Вам не надо помочь? — спросила девушка.

— Нет, спасибо. Билет вот был... на верхнюю полку. Трудно мне забираться, ослаб я очень.

— Идемте к нам. У нас одно место свободное. Я сейчас с проводником переговорю.

— Спасибо, не беспокойтесь. Мне уже уступила нижнее место девушка, соседка по купе. Я сначала мужчину попросил, но он не ответил, не расслышал, должно быть, а девушка сама предложила. Спокойной ночи.

Павел Иванович встал и, медленно пошатываясь то ли от качки, то ли от слабости, побрел к своему купе. Профессор предупредительно раскрыл двери и, не в силах сдержать любопытство, заглянул в купе. Здоровенный мужчина в расстегнутой рубашке, вытянувшись во весь рост, лежал на нижней полке справа, лениво почесывая волосатую грудь. В зубах у него дымилась папироса.

— Павел Иванович, где же вы пропадаете? — свесилась с верхней полки русая девичья голова. — Вам лежать надо, мне ваша дочка приказала за вами следить.

— Это у меня невестка такая. Заботливая. В больнице лежал, тоже все моей дочкой считали, — охотно пояснил Павел Иванович. — Хорошая она! Вообще мужчинам у нас в роду везло на хороших женщин. Вот моя жена. Это человек не от мира сего. Это...

— Из-за вас свет горит, спать невозможно. Надо с другими считаться! — угрюмо перебил его мужчина с нижней полки.

— Постыдились бы в купе курить на ночь глядя, — возмутился профессор. — Женщины у вас тут едут и человек больной.

— На всякий чих не наздравствуешься, — огрызнулся мужчина. — Закройте, гражданин, дверь. Нечего в чужое купе лезть.

— Да, да, простите, пожалуйста, — неловко заторопился Павел Иванович. — Я сейчас же ложусь. Вы тушите свет, тушите, пожалуйста, я и в темноте разденусь.

— Безобразно, бесчеловечность какая-то...— донесся сверху возмущенный девичий голос, и дверь захлопнулась.

Профессор постоял в нерешительности, зачем-то осторожно потрогал ручку двери и сердито покачал головой.

— Такие вот...— Он подбирал наиболее обидное слово.— Такие волосатые... Вот именно волосатые, они всегда плохо слышат, когда к ним обращаются. Ишь ты, не расслышал! Развалился. Хорошо, девушка пожалела, уступила место, а то карабкался бы милейший Павел Иванович со своей астмой на верхнюю полку!

— В купе страшно накурено, как ему, бедному, дышать? В его состоянии показан покой и свежий воздух, — солидно добавила девушка.

— Что вы там в коридоре делаете, полуношники? Идите чай пить,— позвала Настасьюшка.

— Ты понимаешь, у человека астма, только что из больницы, а он курит. Ну, я ему посоветовал бросить курить и ложиться спать.

— Посоветовал все-таки? Что за любовь к

медицинским советам у агента по снабжению? Откуда что берется? Как ты астму-то определил? — лукаво спросила Настасьюшка.

Профессор оторопело глянул на жену, похлопал ресницами, как провинившийся ученик, и вдруг широко улыбнулся.

— Это не я, это наша соседушка астму определила, — хитровато подмигнул он, обрадовавшись своей находчивости. — Ты понимаешь, не успел он кашлянуть, как она и говорит... Простите, как вас величать?

— Клава.

— Клавдия... А по отчеству как?

— Просто Клава, — смутилась девушка.

— Пусть так, значит, Клавочка. Меня зовут Леонид Петрович, а мою супругу — Настасья Дмитриевна. Вот видите, не проехали и ста километров, как познакомились. Так вот, и говорит наша уважаемая Клавочка: астматические явления. Ну что ты скажешь, врач — да и только! — шутливо развел он руками.

— Я и есть врач, — зардевшись, сказала Клава.

— Как? — поперхнулся профессор. — Она, оказывается, вра-ач, — жалобно протянул он. обернувшись к жене. — Что же это, Настасьюшка? А?

— И давно вы врачуете? — пришла ему на помощь Настасьюшка.

— Да нет, я, собственно, первое назначение получила, — призналась девушка.

— М-да, врач, — пробурчал профессор. — Почему именно в поезде — и обязательно врач? Разве нет других профессий на свете? Есть, сколько угодно, и с пафосом и с романтикой. Врач, доктор, серые будни...

Чувствуя, как рушатся его мечты об отвлеченном дорожном разговоре, профессор все более и более раздражался.

Девушка, ничего не понимая, растерянно, почти с испугом смотрела на недавно еще такого добродушного, розового толстячка, ставшего вдруг мрачным брюзгой.

— Что это ты, Леонид Петрович? — укоризненно сказала Настасьюшка. — Человек институт закончил... Будет тебе свой характер показывать. — И добавила примирительно: — Вы, Клавочка, не сердитесь, мы с мужем мало связаны с медициной.

— Да, да, очень мало. Я, видите ли, агент по снабжению. Где уж мне понимать высокие жизненные назначения! — буркнул профессор. — А вы-то себе ясно, до конца представляете, что такое быть врачом?

— Конечно. Я еще в школе об этом мечтала.

— Вот я вам сейчас расскажу, что такое врач. Есть у меня товарищ, профессор, хирург, и, смею вас заверить, весьма неплохой хирург. Да! Так вот, когда он был молод, как вы, такую же ахинею нес: врачевать, бороться с недугом, заботиться о ближнем. Тридцать лет поборолся и понял, сердешный, что такое врач.

Обыкновенные люди на все имеют право: на семью, на свободный вечер в домашнем кругу, на мирный часок в поезде с беседой о луне и о погоде. А врач? Это бог знает что в представлении людей. Он двужильный, ни днем, ни ночью не знает покоя. Телефон и автомашина — элементарные удобства, создаваемые техникой двадцатого века, — для него зло. Они выхватывают его из постели, как черные демоны, и влекут по срочному вызову в ночь, в дождь и снег за тридевять земель. Да что там говорить! Приходилось даже с парашютом прыгать. Значок вот даже дали, как почетному парашютисту. Ладно, поживете, узнаете. Врач — это... это вроде как у Чехова дачный муж.

— И это вы называете серыми буднями?! — воскликнула Клава. — Нет, нет, вы меня не разубедите! Врач всю жизнь рядом с человеком, с начала и до конца. Первым вносит в жизнь маленького человека кто? Врач.

— Ну, положим, мамы, — подзадорил ее профессор. Он с любопытством наблюдал за девушкой.

— Но принимает-то врач! И потом многие годы со всеми своими горестями человек бежит к врачу. Ведь если врач хороший, уважаемый, к нему идут не только, чтобы лечить больную печень. Ему доверчиво несут свои волнения и тревоги, радости и печали. Посидели бы вы на врачебном приеме!

— Это у вас врач получается что-то вроде исповедника, как в храме божьем, — усмехнулся профессор.

— Нет, здесь вера выше и чище. Человек верит в человека. До старости лет в трудную минуту человек невольно призывает на помощь мать, а если болен, ранен, — доктора. Понимаете, доктора и мать. Мне жаль вашего друга профессора, он не сумел увидеть в своей работе главного.

Лохматые брови профессора поползли было к переносице, но новой вспышки раздражения не последовало.

— Знаете что? Давайте-ка лучше ложиться спать. Пора уже, — произнес он тихо, словно внезапно почувствовал усталость. — А вам, Клавочка, на сон грядущий надо выпить капель и прополоскать горло. У вас насморк начинается, и в горлышке, наверное, першит. Простудились немного?

— Правда. Немножко болит горло. Но у меня ничего нет, никаких лекарств.

— Врач должен возить с собой лекарства, — назидательно сказал профессор. — Вдруг потребуется помощь? Одними красивыми словами о желании бороться с недугом не отделаешься. Вот, возьмите. — Профессор протянул девушке пузырек.

— О, это замечательные капли — профессора Овсянникова! — воскликнула девушка.

— Вы его знаете?

— Конечно. Его все знают. Он же знаменитый хирург. И вообще профессор Овсянников — настоящий ученый, он все умеет и все знает. Ну вот... ну хотя бы... Вот! — Клава торжествующе потрясла зажатым в кулаке пузырьком: — Видите? Капли. Хирург, а придумал. Утер нос отоларингологам не фигурально, а буквально.

— Для хирурга какие-то капли не велика заслуга, — пожал плечами профессор. — А каков он как хирург, этот ваш знакомый?

Клава запнулась, будто ей пришлось на бегу резко остановиться перед внезапно возникшим препятствием: в голосе Леонида Петровича ей послышалась скрытая насмешка.

— Вы, наверное, думаете, что я хвастаюсь знакомством со знаменитостью? Да?.. Что вы! Я с ним вовсе не знакома. Я его даже никогда не видела. Он у нас не читал, а практику я проходила в терапевтической клинике. Но я не могу сказать, что я его не знаю, если все, что я думаю... если все, что я вам говорила о человеке и враче, — это его мысли. Я даже могу... Вот послушайте. «Человека через всю его жизнь сопровождает врач, от рождения до смерти. Легким шлепком по мягкому месту врач вызывает первый крик ребенка — требовательную заявку на жизнь принятого при родах маленького человечка; врач держит руку на пульсе человека всю его жизнь; врач же отсчитывает последние удары его сердца», — наизусть, как стихи, продекламировала Клава. — Это дословно, — пояснила она. — Студенты прямо-таки стенографировали лекции профессора Овсянникова. Да, кстати, он же ваш двойной тезка: тоже Леонид Петрович!

— Кхм, да...— Профессор, уткнувшись в стакан, занялся пристальным изучением остатков чая.

— Он, наверное, очень хороший человек, этот ваш профессор, — неожиданно сказала Настасья Дмитриевна.

Профессор растерянно и с укором глянул на жену: вместо ожидаемой помощи такое коварство!..

— Замечательный! — откликнулась Клава.

Теперь во взгляде профессора была явная мольба. Но Настасьюшка, видимо, решила, что самозванный агент по снабжению должен испить свою чашу до дна.

— И, наверное, он никогда не сказал бы, что врач похож на дачного мужа, — как бы невзначай сказала она.

— Что вы?! Конечно, нет! Правда, студенты, которые проходили практику в его клинике, жаловались, что он часто понапрасну сердится. Что ж, пусть и поворчит, не это ведь главное, — у всех свои недостатки. Главное — сердце у него хорошее, большое-большое!

— Ну, это уже ни к чему! — Профессор решил спасаться самостоятельно. — Увеличение размеров сердца — явление болезненное. Давайте-ка лучше спать, голубушка. Спите, врачеватель, — мягко усмехнулся он. — А недостатки характера нельзя прощать даже профессору. С ними надо бороться, да-с, бороться. Излишняя брюзгливость — порок, присущий старости. А стариться нельзя, нельзя. Надо уметь быть молодым. Молодым до седых волос, и не сбивать молодежь с толку. Спокойной ночи.

* * *

«Спать пора. Спать пора. Спать пора», — выстукивают колеса вагона засыпающей Клаве.

«Завтра отпуск. Завтра отпуск. Отпуск, отпуск», — стучит под самой щекой профессора.

«Скорей бы. Скорей бы. Скорей бы...» — тревожно твердят колеса Павлу Ивановичу.

Такая уж у них особенность, у вагонных колес: всегда выстукивают в такт мыслям и настроениям. Простучали они что-то свое и Настасье Дмитриевне, не забывшей закрутить на ночь такие тугие папильотки, что кожа на висках чуть подалась кверху и приподнялись уголки глаз. Чего не вытерпит женщина, если хочет казаться красивой!

«Все в порядке. Все в порядке, порядке, порядке...» — слышится и начальнику поезда, осматривающему свое хозяйство. Он неторопливо проходит по вагонам. В служебных купе проводники домывают после вечернего чая стаканы; буфетчицы подсчитывают выручку; в коридорчике, втиснувшись между входной дверью из тамбура и окном, на ящике с надписью «Для мусора» сидит пассажир; он жадно курит, уставившись безразличным взглядом в пол.

Все обыкновенно и привычно. Не было случая, чтобы среди пассажиров не нашлось хотя бы одного страстного курильщика или просто страдающего бессонницей. Начальник поспешно проходит мимо: кто его знает, а вдруг одинокая в сонном поезде пассажирская душа именно в эту минуту ищет общества? Меньше чем получасом не отделаешься.

Вот еще один пассажир. И такие бывают почти всякий рейс. Доверчиво и почти нежно склонив голову на плечо проводнику, он покорно позволяет вести себя к своему купе, дорогу к которому он потерял на пути из буфета.

— Нехорошо, гражданин. Выпивали бы дома. Поезд — место общественное, люди спят. Зачем людей беспокоить? — не удержавшись, сказал начальник.

— А тебе что? Ты им кто, этим людям? Кум? Сват? Дядя? — с пьяной готовностью к любому отпору возразил пассажир, пытаясь принять независимую и гордую позу.

— Сам ты дядя, — обозлился начальник. Впрочем, сердит он был на себя: «Надо же было пьяного затронуть! Тьфу ты!..»

«Вот же как в жизни бывает,— с досадой думает начальник поезда, продолжая свой обход.— Встретишь гражданина — и костюм на нем хороший, и шляпа, и все такое. Может, инженер какой, а может, и артист знаменитый. По всем статьям уважения достойный. И в своем деле, видать, человек почтенный. А вот сел в поезд, дождался третьего звонка — и в буфет. И приключается с ним эта самая, как ее... фантасмагория. Становится этот самый уважаемый гражданин черт знает кем. Ни человек, ни свинья, так — создание бессмысленное и бессовестное. И никакого ему уважения. И ты ему «ты» говоришь без всякого зазрения совести, и подталкиваешь его под всякие места, и волочишь его до места по билету, как мешок с... тьфу ты, дрянью набитый».

— Фантасмагория! — с сердитым удовольствием повторил он вслух понравившееся ему непонятное слово.

«Пойду-ка в мягкий к Михалычу, у него, небось, чаек еще не простыл. Умеет заваривать. Моя жинка на что чаевница, и то эдак не может. Один запах чего стоит!» — Начальник даже втянул носом воздух и причмокнул.

Предвкушая удовольствие, он ускорил шаг, миновал два вагона, отделявших его от цели, вошел в мягкий и оторопел на пороге: Михалыч, проводник, с которым он ездил много лет вместе, Михалыч, который его, начальника, много лет назад, еще молодого тогда проводника, учил быть добросовестным, честным и к пассажирам внимательным, этот самый Михалыч стоял около четвертого купе, прижавшись ухом к закрытой двери, и так увлекся, что не заметил появления в коридоре нового лица.

— Ты что, старик, спятил? Подслушиваешь?— злым шепотом сказал начальник, дернув проводника за рукав.

Проводник испуганно отпрянул от двери и, увидев начальника, виновато забормотал:

— Понимаете... человек там... больной шибко... Дочка просила присмотреть, если что... Слушаю вот, дышит тяжко... кашель мучает.

— А-а, больной, значит... — неуверенно проговорил начальник, не зная еще, что ему следует делать. — Больной, говоришь? — повторил он и задумчиво, всей пятерней, почесал в затылке. Жест этот, видимо, выручавший его не раз, помог.

— Если просили присмотреть, значит, надо смотреть, а не подслушивать. За такие дела, знаешь, и выговор схватить — пустое дело.

— Боязно заходить-то. Может, только понапрасну обеспокоишь. Там и пассажир один попался — очень серьезный мужчина. Давеча просил перевести на другое место: больной спать ему мешает. Я б его перевел, да мест не было. И посуда у меня не помыта, а отойти от этой купе не могу. Может, так обойдется, перекашляет да и заснет?

— М-мда... Может, так оно и верно. Какая болезнь-то у него?

— Сердце, сказывали, плохое. Дочка очень просила... Грудь ему сдавливает, в который раз так сдавит, что и дух вон.

— Посмотрим, а? — неуверенно предложил начальник.— Сердце, брат,— штука особая, может так скрутить — и позвать не успеет...

Не то приглушенный крик, не то стон донесся из купе.

— Черт знает что, спать не дают! — последовал возмущенный возглас, и тут же что-то тяжелое ударилось о пол.

Начальник и Михалыч одновременно схватились за ручку, но дверь сама распахнулась, и на пороге появилась девушка с растрепанной русой косой, перекинутой на грудь.

— Проводник, пожалуйста... скорее помогите: больному плохо.

— Что, что там упало? — спросил начальник.

— Это ничего. Это я в темноте неудачно спрыгнула, — смутилась девушка, потирая ушибленную коленку. — Ах, да какое это имеет значение! Доктора надо скорее. У вас есть при поезде медпункт?

— Нет.

— Так что же делать? Ведь он... — девушка опасливо оглянулась и, сделав шаг вперед, захлопнула у себя за спиной дверь. — Он может умереть, — зашептала она. — Понимаете? Умереть!

— Телеграмму бы дать, — вставил Михалыч.

— Немедленно даю телеграмму на станцию! — подхватил начальник и заторопился к выходу.

— Скорее только. Пожалуйста, скорее... — попросила девушка.

— Телеграмма — дело хорошее, да станция, почитай, не раньше как через два часа будет, — задумчиво проговорил Михалыч.

— Товарищ начальник! Как же это? Ему сейчас, теперь плохо. Через два часа поздно будет! — воскликнула девушка.

— Не волнуйтесь, гражданочка. Ваше дело — подать сигнал, наше — принять меры. Мы на службе находимся и долг свой понимаем как следует. Вы-то сами не доктор?

— Нет.

— Тогда ложились бы вы спать, гражданочка. И не задерживайте меня разговорами. Сами знаете, человеку плохо,— нетерпеливо возразил начальник и исчез за резко хлопнувшей дверью.

— Сухарь какой-то, а не человек. Поговори с таким! — воскликнула девушка и вернулась в купе.— Павел Иванович, выпейте хоть водички. Потерпите, дорогой. Сейчас дадут телеграмму на станцию. Придет врач, он вам поможет.

— Спасибо. Я как-нибудь... Может быть, обойдется... Не беспокойте людей...— стараясь подавить кашель, задыхаясь, прошептал больной. — Мне бы вот только... мне бы хотя бы кофеину...

— Кофеину? Это, наверное, нетрудно достать. — Девушка обернулась к проводнику, стоящему в дверях, тот безнадежно развел руками: дескать, где его взять?

На лице девушки вспыхнувшая было надежда сменилась испугом. Больной, задыхающийся, может быть, даже умирающий человек в поезде, мчащемся в ночь! И ничего нельзя сделать. Ни остановить поезда, ни подогнать его скорее к той станции, где уже, наверное, ждет врач, вызванный телеграммой начальника. Плотно закрыты двери соседних купе. Безмятежно спят пассажиры, не ведая, что одному человеку очень худо, и, наверное, у кого-нибудь есть кофеин, в спасительные свойства которого так верит Павел Иванович. Верит?.. Девушка упрямо встряхнула головой:

— Павел Иванович, дорогой, потерпите еще чуточку. За кофеином уже пошли. Тут, в поезде, аптечка есть, сейчас принесут.

— Слушайте, перестаньте вы причитать! На душе тошно делается, — оборвал ее грубый окрик.

— Как вы можете! — вспыхнула девушка и осеклась: что-то забормотало, захлюпало, как застоявшаяся вода в водопроводной трубе, захрипело. Девушка присела на корточки, в тревоге схватила руку больного, прижала к своей щеке.

— Павел Иванович, ответьте! Что с вами, Павел Иванович?..

Шипение и клокотание внезапно прекратились, и твердый мужской голос громко произнес:

— Товарищи пассажиры! Просим прощения за беспокойство. Случилось несчастье: пассажиру в четвертом купе мягкого вагона плохо. Граждане пассажиры, если среди вас есть врач, просим немедленно прийти в пятый вагон. Просим прощения, товарищи пассажиры,— человеку плохо.

— Слышите? Слышите? Павел Иванович, вы слышите? Сейчас врач придет, сию секунду! — вскрикнула девушка.

— Кончено. Ночи, считай, не было,— проворчал «волосатый» и полез за папиросами.— Новое дело придумали — весь поезд перебудили. — Он чиркнул спичкой, прикурил.

— Бросьте папиросу! — прикрикнула на него девушка.— И вообще, знаете... подите вы вон отсюда.

— Что-о?! Командирша какая нашлась! Грубиянка! Где проводник? Это — мое место, у меня билет.

— Гражданин, гражданин, минуточку, спокойно. Пойдемте в служебную купе. Я вас там устрою. Как дите в колыбели, спать будете,— примирительно вмешался Михалыч.

— Безобразие! Ездят всякие припадочные. Я тоже сознательный, но и ко мне надо сочувствие иметь... — бормочет «волосатый», собирая в охапку свою постель. — Куда идти?

— За мной, пожалуйста. Давайте, я вам подсоблю.

— Вы больной? — распахнув дверь своего купе, Клава оказалась нос к носу с недовольным пассажиром.

— Больной в той купе, — ответил за него Михалыч.

— А этот гражданин как же? — спросонья еще плохо соображая, недоуменно спросила Клава.

— У них нервность не вполне. Им отдыхать надо, — охотно пояснил проводник.

— Еще одна сумасшедшая кидается, — зло буркнул раздражительный пассажир, подбирая волочащееся по полу одеяло и роняя подушку.

— Э-э, дорогой товарищ, поездили б вы с мое, всяких бы людей насмотрелись. Всякие попадаются — и грубые, и тихие, а то и которые человеческого обращения не понимающие. Но эти в редкость. Хотя встречаются, встречаются...

«Волосатый» поднял подушку, подозрительно покосился на разговорчивого проводника, но промолчал.

* * *

— Леня, Леня, вставай скорее! — тормошит профессора Настасья Дмитриевна.

— Что такое? Подъезжаем? Ленинград?

Еще не совсем проснувшись, профессор таращит заспанные глаза.

— Да нет же. До Ленинграда далеко. В соседнем купе человеку плохо. Говорят, сердечный припадок.

Настасья Дмитриевна пошарила по полу и, отыскав ботинки мужа, сунула ему их в руки.

— Одевайся, Леня, одевайся.

— Иду. Кстати, где наш юный врачеватель?

— Клавочка побежала к больному. Одевайся, скорее же! Иди, Леня! Ну, что ты медлишь?

— Не торопи ты меня! — рассердился профессор.— Не могу я идти к больному с болтающимися подтяжками!

— Ле-еня...— изумленно и укоризненно протянула Настасья Дмитриевна.— Разве сейчас до правил хорошего тона?

— Дело не в правилах, а во врачебной этике,— назидательно проговорил профессор, тщетно ловя у себя за спиной ускользающую подтяжку.— Посуди сама, каково больному человеку увидеть перепуганного, взъерошенного врача чуть ли не в подштанниках. Этак, он до смерти может испугаться.

— Ладно. На́ подтяжки.— Настасья Дмитриевна поймала непокорную деталь мужнего туалета.— Не забудь тогда и пиджак.

Профессор, одернув полы пиджака, вышел в коридор.

— Э, да это никак с милейшим Павлом Ивановичем неладно!

В коридоре, около купе, стояли трое пассажиров и начальник поезда. Они тихо переговаривались, то и дело заглядывая в купе.

Все они были из другого вагона — профессор не видел их при посадке. Один, долговязый, в короткой, выше щиколоток, полосатой пижаме, переминался с ноги на ногу, то и дело наступая на собственные шнурки. Второй, низкорослый и узкоплечий, придерживал у самого подбородка борта́ пиджака, тщетно пытаясь прикрыть голую костистую грудь. Только третий, плотный мужчина с кудрявой седой головой и маленькими усиками в ямочке над верхней губой, был одет так, будто сейчас совсем не ночь, а день и даже не день, а вечер и он собирался, по меньшей мере, в театр: так тщательно был завязан его галстук и безукоризненной белизной сверкала сорочка из-под застегнутого на все пуговицы пиджака.

«Даже в поезде никуда не денешься от любителей сенсаций. Как это еще дамы не сбежались?» — с раздражением подумал профессор.

— Позвольте, граждане,— привычным тоном, не допускающим возражений, сказал он, отстраняя рукой долговязого мужчину.— Здесь больной человек, посторонних прошу удалиться.

— Мы не посторонние,— возразил долговязый.— Мы врачи.

— Как, все трое?

— Ну да, все.

— Тогда почему это вы, уважаемые коллеги, извиняюсь, топчетесь в коридоре?

— Видите ли,— замялся маленький доктор, еще крепче прижимая к горлу ворот пиджака.— Там около больного девушка, она пришла первой, у нее стетоскоп, она и завладела больным.

— Кгм, да... Медикаменты... У меня кое-что есть. Впрочем, посмотрим.

Тонкое с жестким ворсом бурого цвета одеяло едва возвышалось над постелью в том месте, где лежало щуплое, высохшее тело человека. На плоской белой подушке четко выделялось лицо Павла Ивановича, желтоватое, с двумя тонкими полосками посиневших губ. Больной жадно ловил ртом воздух, глотал его, давился, все тело его содрогалось в мучительном приступе кашля. Больной упирался ладонями о постель, пытался приподняться и тут же снова падал навзничь. Глаза Павла Ивановича были широко открыты, в них не было ни мольбы, ни испуга, только чувствовалась невыразимая боль и покорность этой боли.

Клава, пристроившись на раздвижной лесенке, держала руку больного. Увидев Леонида Петровича, девушка удивленно приподняла брови, но губы ее продолжали беззвучно шевелиться: она считала пульс.

— Может, у вас есть... хотя бы кофеин? — увидев нового человека, прошептал Павел Иванович.

— Сейчас, батенька мой, сейчас. Все найдем — и кофеин и все, что нужно,— ласково ответил профессор.— Дайте-ка мне ваш стетоскоп, коллега,— обратился он к Клаве.

Клава машинально протянула ему стетоскоп и тут же отдернула руку:

— Зачем вам? Зачем вы здесь, Леонид Петрович?

— Кто? Я зачем?.. Ах, да. Я что-то болтал вам с вечера. Видите ли, уважаемый доктор, я... моя фамилия — Овсянников. Так что я думаю, вы можете мне довериться.

Лицо девушки залил горячий румянец.

— В-возьмите, про-профессор.

Сейчас Клаве больше всего на свете хотелось куда-нибудь убежать. Но именно потому, что ей этого очень хотелось, она осталась и, неловко переминаясь с ноги на ногу, стояла за профессорской спиной.

«Что я ему вчера наговорила?! Я его же цитировала! Как теперь в глаза посмотрю? Как?..»

— Клавочка, подите, пожалуйста, сюда,— позвала из коридора Настасья Дмитриевна.

Клава вышла из купе.

— Клавочка, тут вот товарищ хотел с вами поговорить.— Настасья Дмитриевна указала на начальника поезда.

— Это я интересуюсь. Скажите, товарищ доктор, довезем его до станции? Еще час остался.

— Почему до станции? До Ленинграда довезем,— ответил за Клаву профессор, выходя из купе.— Настасьюшка, погляди хорошенько, голубушка, не помню, есть ли там кофеин, а кардиамин должен быть. Так вы говорите, до станции? А что нам даст станция?

— Как что? Врач придет. Если надо, снимем больного, направим в больницу.

— Ну, врачей, как видите, и здесь достаточно. Сколько нас тут? Раз, два...

— Пять докторов и еще ваша супруга,— подсказал проводник.— Я уже чаек приготовил, шесть стаканчиков.

— Чаек? Это вы правильно придумали, батенька мой, очень правильно! — с удовольствием потер руки профессор.— Воспользуемся приглашением, коллеги. За чайком и обсудим, как будем везти дальше Павла Ивановича.

— Около больного должен кто-то остаться,— возразил доктор в полосатой пижаме.

Леонид Петрович не любил, когда вмешиваются в его распоряжения относительно больных, и именно потому, что замечание долговязого доктора было справедливым, сам он вызвал у профессора чувство неприязни. Доктор был так высок, что казалось, не пижама ему коротка, а он из нее вырос, весь тянулся куда-то вверх, даже шея его, худая и жилистая, с остро выступающим кадыком, будто нарочно высовывалась из плеч. Маленький профессор вынужден был невольно смотреть на этого самоуверенного доктора снизу вверх...

— А вы, собственно, кто? Терапевт? — стараясь под подчеркнутой строгостью скрыть нахлынувшее раздражение, спросил профессор.

— Я? Нет. Я патологоанатом.

— Ну, тогда еще рано отдавать вам в руки больного. Пусть кто-нибудь другой...

— Разрешите мне?..— прервал профессора мягкий, грудной женский голос.

Врачи обернулись. К ним подходила немолодая, чуть полная женщина в длинном шерстяном жакете. У нее были гладко зачесанные волосы, собранные на затылке в небольшой аккуратный узел, и серые глаза, от взгляда которых становилось тепло и уютно: в них было что-то матерински-ласковое и простое.

— Вы тоже врач? — недоверчиво спросил долговязый доктор.

— Нет, я сестра. Но вы не сомневайтесь, я двадцать лет работаю в специальной сердечной клинике.

— Где же вы были до сих пор? Из всех нас вы самый нужный ему человек,— обрадовался профессор.

— Чай простынет,— осторожно напомнил проводник.

— Кардиамина нет. Кофеин нашла. В ампулах. Вот,— преградила врачам дорогу Настасья Дмитриевна.

— Что ж, разобьем две ампулы и дадим больному выпить,— решил профессор.— Сестрица. Простите, как ваше имя-отчество?

— Мария Прокофьевна.

— Так вот, Мария Прокофьевна, дайте больному принять кофеин и заберите из нашего купе все подушки, приподнимите больного, устройте поудобнее: ему легче будет в полусидячем положении.

— Лучше бы внутримышечно,— задиристо, как показалось профессору, дернул кадыком долговязый патологоанатом.

— А где взять шприц? — возразил профессор.

— У меня есть. Он совсем новый, только прокипятить не в чем,— сказала Клава.

— Вот. Учитесь у молодых специалистов: все при себе. Умница, врачеватель! — похвалил профессор.

Скажи он это десять минут назад, когда Клава с замиранием сердца и отчаянной решимостью ждала «профессионального разговора», девушка, наверное, почувствовала бы себя безмерно счастливой. Но все пришло само собой, так естественно и просто, как, впрочем, все заветные свершения в жизни, и Клава даже не ощутила той минуты, в которую она из вчерашней студентки стала равноправным членом врачебного коллектива.

— Может, шприц в спирт да опалить огнем? — несмело предложил низенький худощавый доктор. У него были очень узкие плечи, на которых, как на вешалке, болтался потертый пиджак, и торчала непомерно большая голова с редкими кустиками волос, маленькими ввалившимися глазками и большим мясистым носом.

— А спирт где взять? — не унимался долговязый.

— У меня, понимаете, кажется, есть. Вожу, знаете, для компрессов...

Профессор покосился на сизый в прожилках нос собеседника:

— Несите скорее, и побольше.

Доктор с сизым носом принес бутылочку спирта-ректификата.

Маленький стеклянный шприц продезинфицировали, больному сделали укол. Но это не принесло ему облегчения. Врачи, каждый посвоему, несколько минут наблюдали за тем, как вздрагивают опущенные веки больного, желтоватые и прозрачные, как пергамент: Клава со страхом, смешанным с состраданием, Мария Прокофьевна с привычным спокойным сочувствием, долговязый доктор в полосатой пижаме строго и задумчиво, профессор, сердито хмурясь. На губах больного выступила розоватая пена...

— Пойдемте, товарищи. Надо поговорить, подумать,— сказал профессор и зашагал к служебному купе.

(Окончание следует).

ХРАНИМОЕ ПАМЯТЬЮ

Генерал армии
И. В. ТЮЛЕНЕВ

ХОДОКИ ИЗ ОКОПОВ

Когда человек порядочно насидится в окопах, он становится злым и решительным. А мы, солдаты 5-го Каргопольского кавалерийского полка, торчали в окопах под Двинском (теперешний Даугавпилс) долго, без всякого движения вперед или назад, и осточертело это до невозможности. Сверху вода, снизу вода, грунт расползся, до того вязко, идешь — подметки у сапог отрываются.

На дворе стоял март. Март семнадцатого года.

Считают, что солдат обо всем узнает раньше своих командиров. Мы же в марте ничего не знали ни о Февральской революции, ни вообще о положении в России. Только с некоторых пор стали замечать драгуны, что офицеры наши сделались будто какими-то нервными. У кого усики были, тот усики покусывает, у кого борода, тот бороду щиплет. И отношение к солдату странно изменилось. Взгляд у офицеров такой, словно они должны каждому из нас по червонцу, а отдать пока что не могут. Не при деньгах, как говорится. Кое-кто из драгун объяснял это тем, что офицеры и на самом деле в большом долгу перед нами: из нашего фронтового приварка воровалась заметная часть крупы. Солдаты поумнее догадывались, что не в «крупяном вопросе» здесь дело: ведь обкрадывали нас уже не первый год, а между тем до последнего времени это не мешало офицерам держать голову гордо. Значит, причина в другом. Но в чем? Вот вопрос, который не давал покоя. Непременно надо было его выяснить.

Тут как раз подошел срок очередной смены: драгун отводили из окопов в тыл, на отдых, а в окопы залезал другой полк дивизии. Нас разместили в уединенном поместье далеко от железной дороги. Глухомань, даже птиц не видно.

Радио тогда у нас не было, газет мы не получали. Единственное средство солдатской информации — полевой телефон тоже ничем в данном случае не помог. Обычно новости узнавались или от штабных телефонистов, или от дежурных по подразделениям. Но тут, сколько ни подслушивали солдаты телефонные разговоры, ничего узнать не удалось: офицеры говорили больше по-французски, а если по-русски, то «темнили».

Однажды — по старому стилю это было числа 10 марта — сидим на бревнышке в своем расположении, курим махру и ломаем головы, как бы разжиться «разведданными» о событиях на земле (мы считали себя живущими «на том свете»). Видим, едет наш ротный фуражир по направлению к железной дороге. Мы его остановили.

— На станцию?

— На станцию.

— Обожди минутку!

Наша компания быстро посовещалась, потом я подошел к фуражиру, дал ему три рубля и попросил купить (сколько бы ни стоила) хоть какую-нибудь газету. Фуражир уехал.

Надо сказать, три рубля были для солдата большие деньги. Рядовой получал полтинник в месяц. Я, как полный георгиевский кавалер, имел за свои четыре креста двенадцать рублей в месяц и считался богатеем.

Кажется, в этот день мы не ели, не пили в ожидании фуражира с газетой. Наконец он приехал: «Нате вот вашу газетку. На подтирку только и годится, а спекулянт трешку содрал!» Забыл, что это была за газета, какая-то правительственная, да и не в названии дело. Мы как прочитали: «2-го марта Николай Второй Романов отрекся от престола в пользу своего брата Михаила»,— так и рты разинули. Газетка была за 4 марта. Ниже читаем: Михаил также отрекся от российского престола на следующий день, 3 марта.

Что это значит? Как отрекся, почему отрекся? Не по доброй же воле: что он, сам себе враг, что ли?

Все перемешалось в голове. Кто объяснит, в чем дело? К кому пойти?

Я и еще несколько солдат, посовещавшись, пошли к нашему эскадронному командиру Козлову. Он был служака, неразговорчивый и строгий, но солдаты его уважали за справедливость.

Встретил он нас хмуро. На первый вопрос ответил вопросом:

— Откуда узнали?

Говорим, из газеты. Он поглядел на нас исподлобья, скривил губы.

— Это все политика. Я человек военный, в политику не вмешиваюсь. И вам не советую.

С тем мы и ушли.

Весь следующий день мы шарили глазами по столбцам, по строчкам. Хотя и туманно было написано, но поняли мы, что в Питере произошли небывалые события. Короче говоря, революция. Что это все означало, мы плохо себе представляли, но думали так: хуже, чем при царе, не будет.

Среди нас не было большевиков, но, видно, ветер свободы, гулявший по России, прилетел и в нашу глушь.

У всех сразу зачесались руки: надо что-то делать, надо действовать! Но стремление это было еще неосознанным, оно возникло стихийно.

Как-то собрались мы на лужайке, смотрим друг на друга, и кому-то бросилось в глаза, что очень уж много среди нас георгиевских кавалеров. На кого ни посмотришь — то медаль на груди, то крест, то два креста, а то и все четыре. И не удивительно: не один год воевал наш полк на фронтах первой мировой войны. Вот и пришла мысль: раз царя больше нет, к чертям царские награды! Но, конечно, не выбрасывать же кресты: они, как-никак, сделаны из серебра и золота, могут принести пользу. Решили сдать их в фонд революции. Притащили мешок, и тут же посыпались в него упраздненные нами регалии...

Отныне главной солдатской заботой стало достать газету. Каждый день снаряжали на далекую станцию посыльного, и он приносил то, что удавалось найти, — обычно это были потертые на сгибах, уже зачитанные газетные листы.

Так как газеты покупались разные и события в каждой толковались по-своему, сумбур в наших головах не рассеивался, а, наоборот, усиливался.

Однажды встречаю Костю Рокоссовского — он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идет мрачный, злой. Остановились, закурили. Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, у них в эскадроне тоже никто толком ничего не поймет. «Надо что-то делать!» — вот общее настроение.

В конце концов мы вычитали из газет очень важную вещь: повсюду создаются Советы рабочих и солдатских депутатов. Значит, и нам надо объединиться.

В апреле в нашем полку были созданы солдатские комитеты. На собраниях солдаты требовали установить тесную связь с соседними частями, с комитетами высших подразделений и, конечно, с Петроградом. На общем полковом собрании было решено послать в столицу делегацию, чтобы она все там выяснила и по возвращении доложила собранию.

Делегацию выбрали в составе четырех человек: от офицеров — подполковник князь Абхазий и ротмистр Гутьев, от солдат — мой товарищ Давыдов и я.

Нам с Давыдовым наказ дан был ясный: узнать, когда будет заключен мир и когда передадут землю крестьянам, и потребовать, чтобы при дележе земли обязательно учитывали тех, кто сидит сейчас в окопах, выделяли им положенный пай, как всем другим крестьянам.

У делегатов-офицеров были, конечно, другие планы. Накануне нашего отъезда меня и Давыдова вызвал к себе князь Абхазий. Говорил он с нами мягким, отеческим тоном, но слова его нам не понравились. Он сказал, что по приезде в Питер мы все четверо первым делом пойдем к военному министру Временного правительства Гучкову и доложим ему о том, что личный состав 5-го Каргопольского кавалерийского полка полон решимости продолжать войну, что состояние духа у солдат боевое. Мы с Давыдовым перечить пока что не стали, а когда вышли, Давыдов пробурчал:

— Боевое-то оно боевое, только в другую сторону.

В общем, мы договорились в пустые пререкания с офицерами не вступать, а действовать по старой фронтовой привычке, осмотрительно, всегда сообразуясь с обстановкой, но помня главную задачу — выполнить поручение наших товарищей-солдат.

Мы вышли на вокзальный перрон в Петрограде — это было числа 5 или 6 апреля по старому стилю. Столица оглушила нас шумом. Везде сновали юркие мальчишки с газетами и так орали, что хоть уши затыкай.

Когда мы освоились с обстановкой и вникли в то, что кричали мальчишки, их голоса показались нам райским пением. Подумать только: они на весь перрон выкрикивали наши собственные мысли и желания, которые мы так долго таили, боясь, как бы о них не узнало начальство.

Грамота Моссовета, врученная И. В. Тюленеву 23 февраля 1922 года на чествовании красных командиров.

— Долой войну! — во все свое звонкое горлышко призывал светловолосый шкет, штопором ввинчиваясь в толпу.

— Долой войну! — откликался рядом другой мальчуган.

Эти два слова мы слышали как одно слитное заклинание:

— Долойвойну! Долойвойну! Долойвойну!

Чем дальше, тем больше мы поражались: мальчишки-газетчики, оказывается, шли в своих требованиях так далеко, как солдатам 5-го Каргопольского и не снилось:

— Долой министров-капиталистов!

— Мир без аннексий и контрибуций!

Мы, серые, даже и слов-то таких не знали...

Столкнувшись с богатой возможностью получить информацию, мы сначала растерялись: привыкли, что достать газету — целое событие. Но к тому времени, когда наши офицеры вышли из своего «первого класса», у нас в руках было уже по охапке газет.

Князь Абхазий, поморщившись, кивнул нам головой, мы подошли.

— Сейчас прямо отсюда пойдем к военному министру, — сказал он. — Газетами займетесь на досуге.

Мы, перебивая друг друга, сказали, что должны сначала побывать в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Князь усмехнулся.

— В таком случае прикажете считать, что вы не солдаты, а я не ваш офицер?

Переглянувшись между собой, мы с Давыдовым молча последовали за Абхазием и Гутьевым...

Военное министерство помещалось в Мариинском дворце. Атмосфера там была такая, что Давыдов и я шли за своими офицерами на цыпочках: непривычно после окопной грязи, да и не успели мы еще как следует стряхнуть с себя робость «нижних чинов» перед барским великолепием.

В приемной министра князь Абхазий пошушукался с адъютантом, потом отозвал меня в сторону и сказал полушепотом:

— Сейчас нас примет помощник военного министра Маниковский. Самого министра нет. Вы, Тюленев, должны от имени личного состава нашего полка заверить высшее начальство в верности высоким идеалам отечества. Говорите просто, не волнуйтесь, скажите, что мы готовы воевать до конца. Это сейчас главное. Ваше слово, как солдата, будет убедительнее.

Я слушал, поглядывая на Давыдова. Тот подмигнул мне.

Когда вошли в кабинет, навстречу нам из-за стола поднялся строгий военный. Он был торжественно серьезен.

Князь Абхазий доложил, кто мы такие, а потом приветливо кивнул мне:

— Говорите, Тюленев!

Я откашлялся, вытянулся по стойке «смирно» и начал так:

— Ваше превосходительство!..

Стоявший за столом человек снисходительно улыбнулся, а князь Абхазий поправил меня:

— Не надо говорить «ваше превосходительство».

Но как надо говорить, он не научил, и поэтому я продолжал, как мне казалось подходящим моменту:

— Ваше превосходительство! Солдаты, которые послали сюда нас с Давыдовым, — я кивнул на товарища, — велели спросить, когда же кончится война. Надоело! А об офицерах говорить я не уполномочен.

Улыбка исчезла со строгого лица. Князь бросил сквозь зубы: «Мерзавец!» И адъютант вывел нас вон из кабинета...

Больше мы наших офицеров не видели: мы спешили в Таврический дворец, где находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Таврический дворец был похож на улей. С большим трудом мы, растерявшиеся, нашли комендатуру. Получив талоны на питание и ордер в общежитие, пошли потолкаться по коридорам. Именно потолкаться, потому что движение во дворце было оживленнее и многолюднее, чем на Невском. Военные, штатские в кожаных куртках, холеные господа в касторовых костюмах и золотых очках — об кого только не ударишься плечом! И у всех во взгляде одинаковый, как нам казалось, огонек, словно все эти люди только что прибежали с большого пожара и отсвет пламени, на которое они там смотрели, еще не погас в глазах.

На одном из «перекрестков» стояла группа пожилых людей, по виду из рабочих, и у них шел оживленный разговор. Мы с Давыдовым остановились, стали слушать. Содержание разговора нам было непонятно, но мы обратили внимание, что каждый начинал свою реплику одинаково: «Он сказал...» В конце концов один из группы, усатый, в замасленной кожанке, обратил на нас внимание:

— Видать, недавно из окопов, война?

«Война» — так звали друг друга солдаты на фронте. И это обращение сразу расположило нас к усатому.

— Сегодня прибыли, — сказал я.

— А по какой нужде?

Мы коротко объяснили, откуда и зачем приехали.

Усатый цокнул языком и сказал:

— Эх, опоздали маленько! На два дня пораньше — Ленина послушали бы.

Этого имени мы до тех пор не знали, но оно было произнесено так, что наша симпатия к усатому рабочему мгновенно распространилась и на человека, носившего имя Ленин. Человек, уважаемый рабочими, и нам, крестьянам в солдатских шинелях, плохого не пожелает.

— А где ж его можно послушать? — спросил Давыдов.

Усатому такой вопрос показался, вероятно, наивным. Он улыбнулся:

— Этого я вам, мужики, сказать не сумею. Вы вот что: газету такую, «Правду», знаете? Нет? Познакомьтесь. А все остальные газетки читать надо с поправкой на ветер. Понятно?

Очень понравился нам этот рабочий-питерец!

Мы не замедлили воспользоваться его советом, стали покупать «Правду».

Как-то побывали на одном большом собрании в Таврическом. Председательствовал не понравившийся нам с Давыдовым высокомерный гражданин. Как нам потом объяснили, это был меньшевик Чхеидзе. На трибуну по очереди забирались разные ораторы, каждый очередной говорил прямо противоположное тому, что сказал предыдущий. Но теперь, после того как мы потолкались в коридорах и залах Таврического, наша позиция определилась. Люди, называвшие себя большевиками, говорили то, что могли бы сказать я, Давыдов, любой солдат из 5-го Каргопольского.

Мы уезжали из Петрограда в свой полк с великой надеждой. Мы везли нашим товарищам нечто такое, что считали ценнее любого оружия, — имя Ленина. И мы знали теперь, что нам делать.

Солдаты встретили восторженно: заждались! И хотя собрание, на котором мы отчитывались, вел офицер, а резолюцию писать поручили нашему полковому попу — пьянице и самому неудачливому картежнику, — все решилось так, как постановили солдаты.

Довольно криков о войне! Довольно обманывать крестьян!

Отныне весь полк знал, чей голос надо слушать. И если даже Ленин подписывал статью или заметку одним из своих псевдонимов, мы узнавали его, потому что никто так не знал наших дум, как он.

Лето семнадцатого года прошло в полку напряженно. Офицеры, которые были повинны в воровстве солдатского пайка, предпочли улизнуть. С другой стороны, та часть офицерского состава, которая не собиралась сдаваться и которой пришлись по вкусу порядки Временного правительства, а также ярые монархисты, не терявшие надежд на восстановление царской власти, вели упорную борьбу против солдатских комитетов, старались всякими путями избавиться от активных солдат.

Так случилось, что в августе меня перевели в Сызрань, где находился запасной полк нашей дивизии. Уставы армии еще продолжали по инерции действовать — я подчинился.

НАША АКАДЕМИЯ

Казалось бы, чем удаленнее от столицы, тем тише и спокойнее жизнь. Но хотя Сызрань втрое дальше от Петрограда, чем Двинск, обстановка в городе была веселая, боевая.

Вскоре я подал рапорт об отпуске. Меня не задерживали, и через несколько дней я приехал в родное село Шатрашаны, Архангельской волости, Буинского уезда, тогдашней Симбирской губернии, к своему брату.

Нетрудно понять, как всколыхнула нас весть, что в соседней Самаре 27 октября установлена власть Советов. Что это означает, мы поняли немного позже, когда узнали, что за два дня до этого, 25 октября, в Петрограде произошла новая революция.

По всему Буинскому уезду заволновался народ. Каждый день собирались в деревнях сходки. Богачи смекнули, чем пахнет для них лозунг «Вся власть Советам!», стали вносить смуту. Тут и возник диспут: «Кому должна принадлежать власть — Советам или Учредительному собранию?»

Земляки послали меня делегатом от Шатрашан на собрание, которое должно было решить этот вопрос в масштабах волости. И так как делегаты на волостном собрании подобрались в большинстве из бедняков, мы постановили: признать власть Советов. Так и написали в наказе, который вручался делегатам, ехавшим на губернский съезд в Симбирск. Правда, во втором пункте значилось, что надо все-таки заслушать доклады делегатов в Учредительное собрание от Поволжья.

Волостное собрание выбрало меня в числе других делегатов на губернский съезд.

Здесь мы получили первый урок конкретной политической борьбы.

У всех делегатов были на руках писаные наказы от избирателей. А так как во многих селах и городках было сильно эсеро-меньшевистское влияние, то в большинстве наказов в той или иной форме высказывались симпатии к Учредительному собранию.

И вот на съезде выступает делегат в Учредительное собрание от Поволжья, некий Алмазов. Он всячески агитирует за «Учредилку», ругает «невоспитанных» большевиков. Его все время перебивают ядовитыми замечаниями с мест, но это не смущает докладчика. Общий его вывод: долой Советы...

Начинаются прения. Один за другим поднимаются на трибуну посланцы из волостей, и из пяти четверо заканчивают свои краткие выступления словами:

— Власть Советам!

Тогда опять берет слово Алмазов и предлагает такую штуку: раз у каждого выступающего есть писаный наказ, то нечего тратить время на разговоры, а следует просто зачитывать наказы, а секретариату — подсчитывать, сколько за какую власть получится мандатов. Вероятно, этот деятель и его соратники были хорошо осведомлены о содержании липовых наказов, не отражавших истинной мужицкой воли.

Президиум съезда воспользовался минутным замешательством и принял предложенный Алмазовым порядок. Но тут на сцену поднялся стройный, подтянутый молодой человек, красивый, темноволосый, с бледным лицом. Я сидел близко, все видел. Он начал говорить:

— Товарищи делегаты! Разве вы собрались здесь для того, чтобы читать по бумажке? Тогда зачем было ехать? Прислали бы по почте — и нечего на дорогах грязь месить. Выходит, вас послали не обсуждать дело, а просто курьерами? Но вопрос, который вы должны здесь решить, слишком серьезен. Вы полномочные представители народа, вы сами обязаны сказать слово, а не читать по бумажке, которую неизвестно кто составлял.

По правую руку от меня сидел какой-то делегат-горожанин. Я шепотом спросил у него:

— Кто это такой?

Он быстро ответил:

— Куйбышев, большевик. Это он в Самаре Советскую власть установил.

Зал зашумел. Предложение Алмазова было поставлено на голосование и отвергнуто абсолютным большинством голосов. Выступления делегатов продолжались. А в конце заседания съезд принял решение: установить по всей Симбирской губернии власть Советов...

В марте восемнадцатого года меня приняли в партию большевиков, и это было окончательным утверждением пути, на который я поначалу вступил, повинуясь только голосу крестьянского сердца.

Задача тогда стояла одна — защищать Советскую власть.

Положение на Восточном фрон-

те было тяжелое, с юга тянуло грозой. Все мы рвались на фронт. И вдруг губвоенком Петренко говорит мне однажды:

— А ты, Тюленев, саблей не размахивай, тебе пока воевать не придется.

Я не понял, в шутку это или всерьез. Молчу.

— Да, товарищ, — уже без улыбки продолжал он,— поедешь в Москву учиться. Губком и губвоенкомат посылают тебя в Военную академию.

Я оторопел. Какая еще академия! Какая тут учеба, когда надо драться! Петренко спокойно выслушал и сказал:

— Чудак ты, Тюленев! Тебя затем и посылают, чтобы ты выучился бить контру по-научному: тогда от тебя будет больше пользы. И еще учти: академия создана по личному указанию Ленина, так что, если не подчинишься нам, — считай, что не подчинился непосредственно ему. Делай выводы...

Красная Военная академия помещалась в бывшем Шереметьевском переулке, в охотничьем клубе. Сдав документы, я получил направление в общежитие и пошел устраиваться. Комната, в которую меня направили жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. В два ряда вдоль стен стояли узкие кровати, штук десять. В проходе между ними взад-вперед шагал, вернее, не шагал, а метался, как тигр в клетке, щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно на пробор причесанный. Увидев меня, он резко остановился и громко, с едкой издевкой сказал:

— Ха, еще одна птичка пожаловала! Как на мед летят! Что тебе, фронт надоел?

Я только махнул рукой, и он тут же все понял.

— Что, приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую штуку — боевых людей за парту!

Это был Василий Иванович Чапаев.

Мне досталась койка через одну от него. Много вечеров просидели мы вместе над учебниками и топографическими картами.

В первых числах декабря состоялось официальное открытие академии. Накануне прошел слух, что, может быть, приедет Владимир Ильич. У нас начался аврал.

Мне повезло: в день открытия я был дежурным по академии. Легко понять, с каким нетерпением я ждал вечера. Ведь повязка дежурного давала мне возможность вместе с начальством встречать Ленина.

Длинный был день. Я столько раз подходил к нашему швейцару, стоявшему в дверях, и так подробно инструктировал его, чтобы он не задерживал человека в штатском (следовало описание внешности), что старик в конце концов рассердился и накричал на меня.

Часов в пять вечера в вестибюле собралось начальство академии. Все думали, что Ленин приедет на машине, поэтому прислушивались к гудкам и шуму моторов на улице. На улицу решили не выходить, чтобы не создавать излишней «помпы»: все знали, что Ильич этого не терпел.

И вот без десяти минут шесть дверь неожиданно открывается, и перед нами — Ленин. С ним еще два товарища, не помню, кто это был. Оказывается, Ильич пришел пешком. Он был бледен: вероятно, тот памятный всем подлый выстрел еще давал себя знать.

Начальник академии, оправившись от растерянности, что-то начал докладывать, но Ленин перебил его, быстро протянул ему руку, потом коротким кивком сделал общий поклон и сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Если наши академики собрались, лучше сразу пройти в зал.

Когда он появился на сцене, зал дрогнул. Овация была такая, будто тут находилось не сто, а по меньшей мере тысяча человек.

Мне не запомнилось дословно, что сказал Ильич, ибо я больше смотрел на него, чем слушал. Речь его была короткой. Он говорил о трудностях, переживаемых республикой, о том, что республика позволила себе такую «роскошь», собрав здесь на учебу в самый ответственный момент боевых командиров, только потому, что ей нужны для будущей борьбы опытные полководцы, которые хорошо разбирались бы в сложной обстановке гражданской войны, которые умели бы бить врага по всем правилам военного искусства.

С того дня прежние наши настроения улетучились: раз партия и сам Ленин говорят, что надо учиться, значит, так необходимо.

Даже Василий Иванович Чапаев, хотя и упрямствовал в своем стремлении, решил, что нужен веский предлог, без которого уйти на фронт неудобно. В конце концов предлог был найден.

Военную историю преподавал нам старый царский генерал Свечин. Дело он свое знал, конечно, безукоризненно, учил нас хорошо. Это был один из тех специалистов-военных, кто трезво оценил обстановку в России и поставил себя на службу той настоящей родине, за которую воевал народ, а не белая гвардия. Но у него имелся, как говорят, один «пунктик»: каждый раз, когда речь заходила о каком-нибудь историческом событии, связанном с революционным выступлением масс, он неизменно именовал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуну умудрился назвать «скопищем бандитов». Мы, все сто двадцать красных «академиков», каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно зол был на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях Свечин предлагает Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганнибала наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходившие их по численности римские войска, показав классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. Между прочим, Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, выражал неумеренный восторг по поводу действий предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которые во многом определили исход сражения.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятами. Тем самым он развенчивал кумир Свечина, и тот не мог удержаться от ядовитого замечания:

— Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет нашей сегодняшней лекции назывался бы так: «Разгром Ганнибала римлянами».

Василий Иванович вспылил:

— Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочехословаками и белоказацкими частями, Чапаев предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск (теперешний Пугачев), взял этот пункт и тем самым не позволил соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была для нас образцом руководства боевыми действиями. Для маститого же стратега рейд Чапаева был презренной прозой.

Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам. Чапаев хлопнул дверью. В январе 1919-го он покинул академию, получив направление на Восточный фронт. Больше я его не видел.

В апреле моя учеба прервалась. В числе сорока человек меня направили в действующую армию. Через несколько дней я был в ставке Южного фронта в Козлове, а там получил приказ ехать в Щигры, что недалеко от Курска, в качестве помощника начальника штаба дивизии, которую предстояло сформировать. Значит, опять не везет: надеялся попасть непосредственно на фронт, а тут — формируйся. Но один случай, не совсем приятный, повернул все в желанную для меня сторону...

Чтобы стало понятнее, надо вернуться к событиям 1915 года. Тогда наш полк стоял на реке Бзуре, западнее Варшавы. Однажды мне и моему товарищу татарину Мухамеджанову командир эскадрона приказал идти в разведку. Раньше мы с Мухамеджановым никогда не отказывались (в разведку ходили добровольцы), а тут решили не пойти: только что вернулись из поиска, устали, еле держались на ногах. Эскадронный доложил о нашем отказе командиру, полковнику Шмидту, и тот приказал дать каждому из нас по 25 шомполов. В условиях фронта на такое был способен только офицер, зверски ненавидящий солдат. Уж лучше, если на то пошло, расстрел!

Полк был на марше, и нас с Мухамеджановым оставили в каком-то хуторе, сдав под надзор офицеру из другого эскадрона, с тем чтобы он обставил экзекуцию как полагается. К счастью, офицер оказался более порядочным, чем полковник Шмидт: он отпустил нас на следующий день с миром. Но случай этот запал в душу горькой обидой.

Михаил Иванович Калинин вручает орден Ленина Ивану Владимировичу Тюленеву. 1940 год.

И вот приезжаю в Щигры, захожу в кабинет комдива — и не верю своим глазам: за столом сидит полковник Шмидт. Будь на нем погоны, аксельбанты и орденские ленты, я подумал бы, что видел его в последний раз не далее как вчера.

— Здравия желаю, товарищ Шмидт! Прибыл в ваше распоряжение. — Слово «товарищ» я произнес так, что он подозрительно вскинул брови.

— Откуда вы знаете мою фамилию? — медленно, с расстановкой спросил он.

— Имел честь служить под вашим командованием и удостоился лично от вас двадцати пяти шомполов в 1915 году на реке Бзуре.

Шмидта передернуло. Я разговаривать не мог и вышел вон из кабинета. Что делать? Сколько я ни убеждал себя, ничего не получалось: не могу работать с человеком, который приказывал пороть солдат.

В комнатах штаба я увидел множество бывших офицеров, — глаз у меня на них был наметанный. Это показалось странным. Хотя в то время молодая наша армия не отказывалась от услуг бывших царских военспецов, но здесь, в Щиграх, с этим явно «перехватили». Штабной писарь, с которым я поделился своими сомнениями, сказал:

— Сплошное офицерье! Вот сформируем дивизию, а куда они ее поведут, еще неизвестно.

Где-то, вероятно, действовала предательская рука.

В общем, я написал длинное письмо в Москву, сообщил о положении в дивизии в академию, объяснил, почему не могу оставаться в Щиграх, и просил помочь мне получить направление в какую-нибудь действующую кавалерийскую часть. Скоро пришел ответ: «Направляетесь в 4-ю кавалерийскую дивизию С. М. Буденного в Покровск» (теперешний Энгельс). А впоследствии я узнал, что Шмидт и его свита, еще не успев сформировать дивизию, переметнулись к белым.

О дивизии Буденного и о нем самом мы в академии знали, слышали о ее боевых действиях. К тому времени, когда я полу-

чил новое назначение, до меня дошло известие о неудаче двух наших «академиков», посланных ранее к Семену Михайловичу. Они ему не понравились, так как проявили некоторое малодушие в бою и неспособность к энергичным действиям. Семен Михайлович терпеть не мог «чистоплюев» и трусов. Поэтому ехал я в 4-ю кавалерийскую с чувством неизвестности: а ну как и я придусь не к месту?..

Буденный встретил меня в штабе иронически. Окинул острым, насмешливым взглядом с головы до ног — от гимназической фуражечки до старых сапог — и сказал:

— Ну что ж, товарищ помначштаба, на рассвете идем в бой.

И, звякнув шпорами, вышел из комнаты.

Вот-те раз! На улице уже стемнело, а у меня ни коня нет, ни оружия, кроме старой моей драгунской шашки.

Пришлось употребить всю солдатскую хитрость и сноровку. Утром, когда Семен Михайлович явился в штаб, у меня уже имелись богатый набор огнестрельного оружия и горячий конь под прекрасным казацким седлом.

Буденный выслушал мой доклад о том, что я, помначштаба дивизии, готов идти в бой, усмехнулся и сказал:

— Вижу, что готов. Только коня ты расседлай, никуда мы сегодня не выступаем. Проверял тебя... Вижу...

Так быстро происшедшую перемену в отношении ко мне я пол-

Товарищи по первой мировой войне К. К. Рокоссовский (справа) и И. В. Тюленев. Сочи. 1948 год.

ностью оценил спустя несколько дней, когда воочию убедился в его презрении к малейшему проявлению трусости.

Из ставки фронта в дивизию приехала комиссия проверить компетентность штаба в руководстве боевыми операциями. Буденный принял ее вежливо. Сели за стол, развернули карту, и комиссия предложила обрисовать обстановку на участке дивизии.

Семен Михайлович встал, отдернул занавески на окне, из которого хорошо была видна передовая линия, и говорит:

— Вот, смотрите сюда. Вон там, правее мельницы...

— Позвольте, — перебил его один из членов комиссии.— Вы покажите нам на карте!

— А зачем на карте? — возразил Семен Михайлович. — В окно все видно гораздо лучше.

Тут как раз на передовой линии началась перестрелка. Члены комиссии с минуту слушали эту «музыку», а затем их председатель заявил:

— Вы воюете не по правилам!

— Да уж как умеем! — сказал Семен Михайлович. — По правилам или не по правилам, а пока что мы себя бить не давали. Скажите уж лучше, что вам не нравится там, где стреляют!

Комиссия в тот же день вместе со своими «правилами» уехала восвояси.

Моя судьба накрепко спаялась с судьбой буденновской дивизии, которая вскоре была преобразована в корпус, а затем в 1-ю Конную армию.

Однако и Военная академия в Шереметьевском переулке не забывала нас. Время от времени меня вызывали в Москву на месяц — другой, и приходилось учиться, пока не кончалась короткая передышка на фронтах, а затем — снова в бой.

Нашей академией до конца гражданской войны был больше фронт, чем особняк в бывшем Шереметьевском переулке. Только закончив бои, мы по-настоящему засели за военные науки. Не очень-то легко было менять шашку на циркуль.

Вспоминается, как довелось разговаривать с Владимиром Ильичем на одном торжественном заседании.

В числе других военных я был приглашен в президиум. Ленин подозвал нас к себе. Он был весел, шутил, смеялся. Узнав, что мы из академии, он спросил:

— Ну как? Что тяжелее было: учиться или воевать?

— Учиться, Владимир Ильич, труднее, — честно признались мы в один голос.

Владимир Ильич долго смеялся, а потом сказал уже серьезно:

— Красная Армия била врагов революции хорошо, умело. Но все-таки теперь наша главная задача — учиться и учиться. Учиться по-настоящему.

Он оглядел нас, словно спрашивая, согласны ли мы, покачал головой и добавил со своей доброй усмешкой:

— Это надо же придумать: воевать легче! — и снова рассмеялся.

Таким и запомнился на всю жизнь наш Ильич — веселым, смеющимся...

Литературная запись О. ШМЕЛЕВА.

Писатели и книги

ДОБРАЯ ВСТРЕЧА

Все чаще читатель встречает на страницах толстых журналов, в списках новых книг центральных издательств произведения писателей, живущих в городах Российской Федерации. Это явление свидетельствует о заметном творческом росте русской литературы. С. Сартаков, много лет хорошо известный своим читателям в Сибири, широкую популярность завоевал талантливым романом «Хребты Саянские». Читатели приняли и полюбили эту книгу.

На страницах журнала «Октябрь» С. Сартаков опубликовал повесть «Горный ветер». В ней читателя порадует многое: талантливость автора, своеобразие почерка, умение развернуть интересный сюжет, любовь, пронизывающая страницы повести, к своему сибирскому краю.

В центре повести, которая ведется от первого лица,— девятнадцатилетний матрос Костя Барбин. Это интересный и хорошо выписанный характер. Буйная сила, еще не нашедшая себе исхода, кипит в этом крепком сибирском пареньке, жизнелюбце, романтике. Физически он очень силен, любая работа ему по плечу. «Силу свою применить совершенно не на чем»,— говорит о себе Костя. Ему многое хочется сделать, но еще не видит Костя своего пути. Вот он пишет: «На кого только не хотелось быть похожим! И на Чапаева, и на Павку Корчагина, и на Алексея Мересьева, и на Олега Кошевого, а не то вдруг на «мин херц»—Алексашку Меншикова, или на Кола Брюньона, или даже на Труфальдино».

Таким представляется нам герой повести с первых страниц ее. Сложный путь проходит Костя Барбин, пока не находит своего места, пока не приобретает первого жизненного опыта, который поможет ему правильнее разбираться в людях, определить свое место среди них.

Очень интересна композиция повести. Плывет пассажирский теплоход «Родина» вниз по Енисею. Раскрываются картины края, трудовой деятельности людей возле этой великой сибирской реки. А рядом, на теплоходе, развертываются события, полные внутреннего драматизма.

Костя Барбин, который чуть ли не на каждого знакомого хотел походить, попадает под влияние товарища — матроса Ильи Шахворостова. Эгоист, любитель легкой жизни, Илья ловко играет на самолюбии Кости, незаметно подчиняет его себе, делает невольным соучастником темных махинаций. Костя Барбин, попавший матросом на теплоход «Родина», совершает тяжелые служебные проступки, но симпатии читателя на стороне Кости: эти проступки невольные, человек он внутренне чистый, цельный, сам отлично понимает свою вину перед коллективом и готов принять справедливые взыскания.

В тугой узел завязал автор линии сюжета. И читатель с неослабевающим вниманием следит, как же разрешит все противоречия Костя, каким путем он пойдет, какой извлечет опыт из своих первых жизненных столкновений. И хотя Костя разрубает это все по-своему, очень резко, совершая новый служебный проступок, но мы уже верим в него, как и сам он теперь верит в себя. За этот рейс он духовно вырос, окреп.

И пейзаж С. Сартаков умеет выписать эмоционально, передать настроение героев. Во всей своей красе встает суровая и могучая сибирская природа на Енисее, широта этой реки, величественные берега, таинственные леса. Как и для Кости Барбина, так и для автора «Енисей — та же соловьиная песня».

Книга наполнена воздухом времени, это книга широкого дыхания, светлого мира деятельности советского человека.

Состоялась новая встреча с писателем, уже заслужившим широкое признание читателя. Это хорошая, добрая встреча.

С. Сартаков. Горный ветер. Повесть. «Октябрь» №№ 2—3, 1957.

В. СТАРИКОВ

ГОД ЖИЗНИ

— Я хочу видеть Октябрьскую революцию и гражданскую войну, хочу видеть, как рос Магнитогорск, как построили когда-то Амурский туннель, хочу увидеть Ленина...

Так говорит, размечтавшись, герой повести Александра Чаковского «Год жизни» молодой горный инженер Андрей Арефьев.

Да, легендарные подвиги героев Великого Октября, героев пятилеток всегда были и будут источником вдохновения для наших современников. И большим достоинством повести А. Чаковского является то, что в ней как бы раскрывается эта замечательная преемственность поколений борцов и строителей нового общества. Андрей Арефьев — наследник славного племени корчагинцев.

Закончив институт, Арефьев едет туда, где всего труднее,— в Заполярье. Верный себе, он и там, на далеком Севере, выбирает самый трудный участок — прокладку туннеля в горах. Всего один год в биографии своего героя показывает писатель. Но сколько событий вместил этот первый трудовой год, сколько пережито юношей за это время! Первые огорчения и радости, заблуждения и поиски, неудачи и маленькие, но такие важные победы, разочарование в любимой девушке, столкновение с человеком, которого считал другом,—в этой каждодневной борьбе с трудностями, с самим собой, в этой «лихорадке будень» мужает и закаляется характер Арефьева.

О людях, подобных герою повести Арефьеву, хорошо сказал сам писатель: «Эти люди идут под дождем и солнцем, сквозь лесные завалы, сквозь горы, через туннели, которые они пробурают. Эти люди тоже спотыкаются и падают, получают раны, солнце видит их улыбки, и ветер осушает их слезы... Но эти люди знают, зачем и куда идут. И каждый километр пути и каждый год жизни обогащает их душу, разжигает их желания, обостряет зрение...»

Писатель выбрал надежных спутников на своем творческом пути — настоящих героев нашего времени. Об этом свидетельствует повесть «Год жизни».

А. Чаковский. Год жизни. Повесть. Москва. Изд-во «Советский писатель». 1957. 224 стр.

К. ВЛАДИН

У ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

Тысячи людей собрались на станции Кошице встретить Партийно-правительственную делегацию Советского Союза.

В июле 1957 года Чехословацкую Республику посетила Партийно-правительственная делегация Советского Союза.
Ниже мы печатаем цветные фотографии, запечатлевшие отдельные моменты пребывания Советской делегации в Чехословакии, ее встречи с руководителями и народом этой прекрасной страны.

Фото А. ГАРАНИНА.

На Староместской площади. Товарищи Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин приветствуют жителей Праги, собравшихся на митинг.

← Товарищи А. Новотный, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. Запотоцкий на прогулке в Королевском саду Пражского Кремля.

Товарищи В. Широкий, А. Новотный и А. Запотоцкий.

Товарищи Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. Новотный и О. И. Иващенко рассматривают преподнесенные членам делегации подарки.

аэродроме в Остраве.

И ребята приветствовали советскую делегацию в Праге...

После торжественного спектакля оперы Б. Сметаны «Проданная невеста». Товарищи Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. Запотоцкий среди участников спектакля.

← Один из домов рабочего поселка Поруба в Остраве, украшенный флагами Советского Союза и Чехословацкой Республики.

После выступления художественного ансамбля «Лучница» в Братиславе члены советской Партийно-правительственной делегации поднялись на сцену, где артисты преподнесли им подарки. На снимке: Н. А. Булганин среди артистов ансамбля.

На приеме, устроенном Центральным Комитетом Коммунистической партии Словакии, Корпусом уполномоченных и Словацким национальным советом в Братиславе. Товарищи А. Новотный, К. Бацилек и Н. С. Хрущев помогают готовить национальное блюдо.

ДАЛЕКИЙ КОНТИНЕНТ

Путевые заметки

Статуя у дома Пабло Неруды.

Международный гроссмейстер Александр КОТОВ

Фото автора.

В доме Пабло Неруды

— Куда вы едете? Смотрите, что там делается! — предупреждали нас некоторые осторожные аргентинцы, когда стало известно, что мы получаем визы на въезд в Чили. Речь шла, конечно, не о землетрясениях, происходивших в Сант-Яго,—наши собеседники имели в виду бурные политические события, развернувшиеся в Чили в те дни.

«Танки на улицах Сант-Яго!», «В столицу Чили введены войска!» — кричали заголовки аргентинских газет. Действительно, до шахмат ли в эти дни? Не лучше ли прямо из Буэнос-Айреса вернуться домой? Но мы приняли приглашение чилийской шахматной федерации.

Раньше нам, советским шахматистам, доводилось бывать в странах, где есть наши посольства и торговые представительства, теперь же предстояло посетить государство, где нет ни одного советского человека. Как нас там встретят?

Однако уже на аэродроме Сант-Яго сомнения рассеялись. Встречали нас многочисленные представители чилийских шахматистов и чилийско-советского института, видные общественные деятели. Мы сразу же попали в круг друзей.

Первый день в Чили закончился приемом, устроенным в нашу честь в маленьком ресторане. К нашему столику подошли два гитариста и затянули мелодичную, немного печальную, но торжественную песню. Присутствующие наградили исполнителей дружными аплодисментами.

— Это «Песнь о Манузле Родригосе», национальном герое чилийского народа,— сказал мой сосед по столу.— Любимая песня чилийцев, слова ее написал Пабло Неруда.

Мы разговорились о жизни и творчестве этого замечательного поэта и пламенного борца за мир. Мы знали, что его в те дни не было в Чили: он уехал в Москву, по пути подвергшись однодневному аресту в Буэнос-Айресе. Мы рассказали чилийцам, как популярен Пабло Неруда в нашей стране.

— О, в этом я сам убедился,— поддержал нас чилийский мастер Вальтер Адер, в дни прошлогодней шахматной олимпиады побывавший в Москве.— Однажды я спросил у какого-то москвича, по виду рабочего, дорогу. Он объяснил мне, куда пройти, и затем спросил: «Вы откуда?» «Из Чили»,— ответил я. «Это ведь в Южной Америке?» — неуверенно сказал мой собеседник. «В Южной Америке,— ответил я и решил добавить: — Там живет Пабло Неруда». «А, знаю, знаю! — радостно воскликнул москвич.— Как же, Пабло Неруда! Хорошо знаю...»

В день 1 Мая мы выехали к побережью Тихого океана, на Черный остров, где находится дом Пабло Неруды. Машину вел известный чилийский адвокат и общественный деятель Серджио Бариос.

— Извините, что я не встретил вас на аэродроме,— сказал он,— у меня в последнее время было много хлопот.

И он рассказал историю, характерную для Чили сегодняшнего дня, для той напряженной и энергичной борьбы, которую ведут здесь демократические силы.

Во время последних событий полиция разгромила типографию газеты левых партий «Оризонте». Был рассыпан набор, похищены типографские машины. Командование вошедшей в столицу армии решило показать свою «объективность» — арестовало полицейского, у которого было обнаружено в доме украденное типографское оборудование.

Шефы полицейского, решив отомстить, в свою очередь, арестовали четырех адвокатов, стоящих на стороне демократического лагеря, в том числе и Серджио Бариос. Арестованных уже собрались отправить в лагерь для заключенных, когда на их защиту поднялись все адвокаты страны. Министр внутренних дел был вынужден заявить, что арест адвокатов — «случайность». Это не избавило министра от ухода в отставку. Президент республики освободил адвокатов и затем, по их настоянию, приказал арестовать восьмерых полицейских вместе с шефом политической полиции...

Впереди зазеленела волнистая поверхность Тихого океана. Мы были уже на западном побережье южноамериканского континента. Полюбовавшись несколько минут красивыми прибрежными пейзажами, мы заехали в портовый городок Сан-Антонио. На центральной площади шел первомайский митинг местных рабочих.

— Это выступает мой товарищ, он коммунист,— сказал нам Серджио, показывая на очередного оратора, только что поднявшегося на импровизированную трибуну. Звучали над площадью призывы к миру, к завоеванию демократии. Хотя митинг был официально разрешен, полиция не оставила такое важное событие без своего внимания, и немало полицейских было расставлено группами в различных местах площади.

Отведав в приморском ресторанчике лакомства чилийского побережья — специальный вид икры «Эрисо», «сумасшедшую» рыбу локус и огромного рака-лангуста,— мы отправились дальше, к Черному острову. Дорога шла по самому берегу океана, мимо бурых утесов, самым фантастическим образом разбросанных у края воды. Кипучая пена яростно бросалась на скалистый берег и, обессиленная, уползала обратно...

Последнюю часть пути мы шли пешком по каменистой дороге.

Небольшой участок пустынного берега огорожен простым плетнем, какие часто можно встретить в русской деревне. Из каменистого грунта с трудом пробиваются кактусы и какие-то другие, неизвестные нам шиповидные растения. У самого обрыва из камней выстроен небольшой, низенький домик. Это и есть жилище Пабло Неруды.

Девушка, живущая в доме, показала нам комнаты. Все здесь говорило о большой любви хозяина к морю: картины и гравюры на морские сюжеты, модели кораблей. Да и сам дом чем-то напоминал часть корабля с возвышающимся мостиком. Вместо флюгера на крыше — железный лист с вырезанным профилем огромной рыбы. В довершение рядом с домом висит на столбе колокол, наверное, отбивающий склянки на манер настоящих корабельных.

Нетрудно было определить, где в этом маленьком приморском уголке любимое место хозяина.

Оно на самом обрыве, откуда открывается широкая перспектива моря. Здесь стоит удобная скамеечка, на которой поэт, должно быть, не раз обдумывал будущие произведения. Невдалеке скульптура, фигура женщины; такие обычно помещали на носу быстроходных парусных судов. Стоит она, подверженная океанским штормовым ветрам, сильная и светлая, вся устремленная вперед.

Наши чилийские спутники с гордостью произносили имя своего любимца здесь, в его доме. И невольно разговор зашел о Москве, где был в эти дни Пабло Неруда, о том, что расстояния не мешают встречам истинных друзей, что искреннее стремление народов к дружбе преодолевает все препятствия.

Профессор Александр Любшютц.

«Красный» профессор

Горы захватили нас в плен, и казалось, не выпустят никогда. Буро-зеленые массивы притаились где-то впереди, грозя раздавить наш хрупкий самолет; они величественно проплывали мимо, блеснув ослепительными снежными шапками, и вновь уходили вдаль, усмиренные, уже не опасные. Искусные пилоты уверенно вели машину сквозь узкие ущелья, где лишь далеко вверху виднелась полоска синего южного неба. Столица Чили раскинулась у самого подножия Кордильерского хребта; поэтому самолет в конце пути уже не забирается высоко над горами, чтобы потом не терять времени на излишнее маневрирование при заходе на посадку.

Пассажиры давно поднялись со своих удобных кресел и припали к окнам, чтобы лучше рассмотреть неслыханной красоты горные пейзажи. Многие столпились у переднего кресла, где сидел маленький старичок, оживленно объяснявший что-то слушателям. Из его речи на испанском языке мы уловили — увы! — лишь одно слово — «Аконкагуа». Вспомнилось из учебника географии, что это высочайшая точка Кордильер, одна из самых высоких гор земного шара.

Среди встречавших самолет оказалось много знакомых того самого старичка, который давал пояснения пассажирам. Нас представили ему; это был крупнейший чилийский ученый Александр Любшютц, возвращавшийся с международного конгресса медиков в Монтевидео.

Мы выразили профессору через переводчика наше глубокое сожаление по поводу того, что не знаем испанского языка: это помешало нам услышать его интересные объяснения. Профессор весело рассмеялся:

— Действительно, жаль! Ведь мы с вами могли два с половиной часа говорить... по-русски! Мне одно время послышалась в кабине самолета русская речь, но шум моторов помешал разобрать как следует. Но ничего, мы это компенсируем...

Профессор Любшютц родился в Риге, с 1919 по 1926 год жил и работал в Тарту. Поэтому он сразу же засыпал вопросами моего эстонского коллегу, гроссмейстера Пауля Кереса, о своих сверстниках и сотрудниках по Тартускому университету.

Через несколько дней машина наших чилийских друзей подвезла нас к домику профессора, расположенному на окраине Сант-Яго. У входа нас встретили хозяин и его приветливая супруга Маргарита Джустиновна. Обед был сервирован в саду, под тенью высоких южных деревьев. Должно быть, специально к нашему приезду были приготовлены европейские кушанья, по которым мы уже изрядно соскучились.

— На каком же языке мы будем вести беседу? — спросил профессор.

Он с женой говорит обычно по-испански или по-французски, мы же с Кересом этих языков не знали. Кроме того, Александру Ароновичу не терпелось поговорить с нами по-русски. В конце концов было решено так: мы с профессором будем говорить по-русски, а с его женой — по-английски; в «тяжелых» случаях профессор будет переводить английские фразы на французский.

Вскоре, однако, за столом зазвучали еще два языка: приехали секретарша профессора, урожденная эстонка, и еще двое его знакомых — чилийцы. Теперь мы уже с трудом разбирались в разноязыком течении беседы.

Профессор с интересом слушал рассказ о наших шахматных выступлениях в Южной Америке, а затем мы атаковали его вопросами о его многосторонней деятельности.

Кроме большой работы в области медицины, профессор известен как крупнейший знаток истории американских индейцев и передовой борец за попранные права этих коренных хозяев американского континента.

— Это получилось случайно, — говорил нам гостеприимный хозяин.— Однажды группа молодых писателей попросила меня написать статью о положении индейцев. Я согласился. Пришлось коечто прочитать. С тех пор я увлекся и, право, не знаю, чем теперь больше занимаюсь: медициной или этнографией. Я искренне полюбил индейский народ,— продолжал профессор.— Да и как его не любить, такой талантливый, но притесняемый! Вот смотрите: в Чили в общинах живет 130 тысяч индейцев. По теперешнему закону они не имеют права продавать общинную землю. Однако нашлись демагоги из числа дельцов, которые кричат: «Дайте свободу индейцам, дайте им право свободно продавать свою землю!» Все это — с целью выселить индейцев, изгнать с земли, окончательно разорить, завладев единственным источником их существования. Вот и приходится помогать им в правовом отношении, разъяснять, защищать их по закону. А для этого надо хорошо знать историю этого народа.

Он повел нас в дом, где на втором этаже есть три комнаты, олицетворяющие три вида деятельности профессора Любшютца.

— Здесь я занимаюсь медициной,— говорит профессор, показывая среднюю комнату, стены которой уставлены шкафами с медицинскими книгами на всех языках мира.— А здесь я уже социолог,— говорит он в комнате, где висит портрет Энгельса и на полках стоят работы Маркса, Ленина, Плеханова.— А вот это мой любимый уголок,— сообщает профессор, вводя нас в третью комнату.— Здесь у меня собрано все по истории и праву индейцев Южной и Северной Америки.

Он показывает нам древние фолианты, немного разрушенные временем, но еще прочные.

— Вот это «Свод законов для Америки», выпущенный в 1681 году, при Карле Втором,— говорит профессор, доставая с полки толстый, изрядно обветшавший том.— А вот еще такая же книга, но она еще старше — середины шестнадцатого века. Все это нужно для доказательства прав индейцев.

Его добродушное, открытое лицо загорается энтузиазмом. Из-за роговых очков смотрят умные серые глаза, лишь слегка затуманенные возрастом. Пышная, белая, без единого пятнышка шевелюра и такого же цвета узкая бородка резко подчеркивают темные, густые, почти без проседи брови.

— Смотрите,— продолжает он с насмешливой улыбкой,— вот книга для индейцев, выпущенная их белыми «покровителями». Это евангелие, изданное на языке одного из индейских племен. Забавно, что издатели, выпустив тысячу экземпляров, не умудрились подсчитать, что всего-то живых людей от этого племени осталось пятьсот человек!

В «музее» профессора Любшютца мы увидели бусы, ожерелья, всевозможные тонко изготовленные предметы бытового обихода индейцев, луки, стрелы.

— Это из Перу, это из Колумбии, а вот это подарок из Венесуэлы...— перечисляет наш хозяин.

Это замечание неожиданно меняет русло беседы.

— Как раз из тех стран, куда нас не пустили,— говорит Керес, имея в виду, что нам в эти страны не дали виз правительства, хотя мы получили приглашения от местных шахматных федераций.

— Как эти сложности с визами мешают успешной работе! — сокрушается профессор.— Вот, например, интересная история. Несколько лет назад мы ездили с экспедицией на Огненную Землю изучать быт индейцев. С нами была одна сотрудница. Вскоре после этого она запросила визу на въезд в США. Ей отказали. Мотив? «Вы ездили с «красным» профессором»,— так сказали ей. Меня ведь там тоже считают «красным»,— улыбается Александр Аронович.— Еще бы: был в Советском Союзе, Китае, борюсь за права индейцев! Хорошо, что мне не нужно ехать в Нью-Йорк, а то не дадут визы, ни за что не дадут...

Несколько минут профессор увлеченно рассказывает о своей поездке в Советский Союз, говорит о статьях, написанных им специально для советских журналов.

Пора прощаться: за нами уже приехала машина. Хозяева просят передать приветы московским и ленинградским друзьям. Специальную «порцию» приветов получает Керес для эстонских коллег и старых друзей профессора.

Вот мы уже за воротами дома, но тут неожиданное происшествие вносит сумятицу. Неосторожно открыв калитку, мы выпустили на улицу любимца хозяев — рыжего пса Сэмми, который немедленно устремился вдоль улицы, задрав коротенький хвостик.

— Это ужасно, ужасно! — волнуется профессор.

Мы успокаиваем его: оба мы носим звание заслуженного мастера спорта. Через две минуты Сэмми пойман и отнесен к своему другу Рубио, удивительно похожему на него псу такой же породы. Спокойствие в доме восстановлено.

Вместе с профессором мы доезжаем до места его работы — Института экспериментальной медицины. Теплое прощание, и вот мы уже одни в машине. Несколько секунд Александр Аронович приветливо машет нам рукой, затем быстрыми шагами уходит за решетчатую изгородь.

Когда вопиют стены

Чили весьма оригинально выглядит на карте земного шара. Растянувшаяся вдоль побережья Тихого океана и Кордильер, она насчитывает в длину свыше четырех тысяч километров, а в ширину всего лишь сто восемьдесят. Если делать полную карту страны, то лучше всего выполнить ее в виде киноленты. Чилийские картографы поступают проще: они режут территорию Чили на три короткие части и помещают отдельные «колбаски» рядом друг с другом.

Нам при ограниченности времени и занятости игрой в шахматном турнире не удалось выезжать за пределы средней «колбаски» на карте Чили, куда входит столица Сант-Яго и прилегающие к ней

центральные районы; однако и там мы посетили много интересных мест.

Побывали мы в крупнейшем порту Чили — Вальпараисо с прилегающим к нему красивым курортом Винья-дель-Мар. В Вальпараисо нам сообщили, что прогремевшее на весь мир путешествие норвежца Хейердала на «Кон-Тики» встретило теоретические возражения со стороны француза Эрика Дебишофа. Тот заявил, что индейцы пришли не из Перу в Полинезию, как утверждает Хейердал, а, наоборот, из Полинезии в Южную Америку. Чтобы доказать свою теорию, Дебишоф построил точно такой же плот, как «Кон-Тики», и более четырех месяцев плыл на нем со своими коллегами из Полинезии в Южную Америку. Плавание окончилось неудачей: плот потерпел крушение в бурю, и посланный корабль с трудом доставил путешественников в Чили.

Больше всего нам запомнился визит к известному чилийскому писателю, депутату парламента Бальтазару Кастро. Он заехал за нами на автомобиле и отвез в свой родной городок Ранкагуа, расположенный у подножия Кордильер, километрах в девяноста от столицы.

Ранкагуа—город горняков. Примерно в семидесяти километрах от города, в сердце гор, расположены знаменитые чилийские медные рудники. Добыча этого важного металла целиком передана в руки промышленных компаний Соединенных Штатов. На рудниках безраздельно властвуют американцы: директорат, охрана, законы — все американское; даже полицейские, хотя они чилийцы, жалованье получают от американской компании. Высоко в горы к рудникам можно проехать по прекрасно оборудованной электрической дороге; однако плата за билет принимается только в долларах. Чилийский песо в этой американской вотчине не признается.

Когда мы спросили у Бальтазара Кастро, нельзя ли нам проехать в рудники, он махнул рукой:

— Что вы! Даже мне — депутату парламента от этого района — нужно просить специальное разрешение посетить рудник, как визу в США. Вам не дадут, не пустят!

— Здесь настоящая колония,— с горечью заметил сопровождавший нас корреспондент чилийской газеты.

У американцев есть причины не любить писателя Бальтазара Кастро. Избранник рабочих, он все свои силы отдает борьбе за улучшение жизни своих избирателей. Во время прогулки по городу мы видели, с каким почтением встречают рабочие своего депутата. Свои литературные произведения писатель посвящает быту рабочих. Его книга «Сьюэлл» посвящена жизни шахтеров города того же названия; другие произведения: «Мой товарищ — отец», «Человек на дороге», «Камень и снег» — также рисуют жизнь чилийского пролетариата.

— Как же американцам любить меня? — говорит писатель. — Им я ненавистен хотя бы за то, что ездил в Советский Союз и после этого писал и говорил правду о вашей стране.

И он, как обычно все, кто побывал в СССР, пускается в подробные рассказы о том, как его принимали в Москве, где он был и что видел. Он с гордостью рассказывает, что в Москве он выступил по радио на испанском языке для своей страны.

— Только я увлекся,— улыбается писатель,— и вместо положенных мне пяти минут говорил сорок...

Первомайский митинг в Сан-Антонио.

Церковь Ля Мерсед в Ранкагуа.

Потом мы едем осматривать окрестности Ранкагуа. Проезжаем мимо огромной территории, отданной под склады меди и заводоуправление рудников. Отсюда готовые сплавы направляются через Сан-Антонио пароходами в Соединенные Штаты. Гигантская система выкачивания богатств из Чили действует безотказно.

Наши хозяева ведут нас в старую, уже немного разрушающуюся церквушку Ля Мерсед, расположенную в черте города Ранкагуа. Это дорогое чилийцам место: здесь, вокруг церкви, в 1814 году шли ожесточенные бои за свободу и независимость страны. Мы прошлись по старинным нефам и приделам, забрались на дряхлую колокольню. И вдруг в панораме открывшегося нашему взору городка мы увидели быстро приближающийся красный вагон электрички. Это была та самая американская железная дорога в сердце Кордильер, о которой нам с такой горечью говорили чилийцы.

Быстро покрывая пространство, электропоезд приблизился к нам, с грохотом пронесся мимо и вскоре исчез в горах. Он мчался за новой порцией чилийского богатства. Древние стены церкви Ля Мерсед содрогнулись от потревожившего их чужеземного лязга и отозвались недовольным гулом...

Писатель Бальтазар Кастро в кругу семьи.

«Нажмите кнопку Берты...»

Еще не успели сойти со страниц американских газет фотографии обезьяны Бетси и ее «художественных полотен», как эту сенсацию сменила другая. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (парижское издание) отвела большое место сообщению агентства Юнайтед пресс под броским заголовком:

«Автоматика в области творчества! Электронная счетная машина «Берта» пишет песни со скоростью четыре тысячи в час!».

Изобретатели аппарата Мартин Клейн и его соавтор Дуглас Болито, по словам Юнайтед пресс, сообщили, что из их «шарманки» новые мелодии льются «со сногсшибательной скоростью».

Агентство рассказывает далее, что Джек Оуэнс, модный в США автор популярных песенок и композитор, прослушав одну из мелодий, сработанных машиной, вдохновился и написал к ней слова. Песню окрестили символически: «Нажмите кнопку Берты...».

Особенно большие просторы для своей машины авторы видят в области оркестровки. «Здесь,— заявляют они,— «Берта» будет в своей стихии...» Меньше минуты потребуется ей «для того, чтобы оркестровать популярную мелодию; композитору же для этого потребовалось бы почти три дня».

Итак, мощные музыкальные залпы «Берты» (в свое время так назывались крупнейшие пушки Круппа) должны, видимо, потрясти до основания шаткое прибежище муз, которые явно выходят из моды в США. Где уж бедной Эвтерпе, греческой богине музыки, с ее кустарными методами сочинения песен тягаться с «Бертой», обладающей столь высокой производительностью!

Н. ЮРЬЕВ

Актер в пути (С. В. Шумский в роли Счастливцева — «Лес» А. Н. Островского). Рисунок А. П. Ленского.

Конец театральной провинции

В. ГАЛИЦКИЙ,
главный режиссер Тамбовского областного драматического театра, заслуженный деятель искусств РСФСР

— Аркашка!
— Я, Геннадий Демьяныч.
Как есть весь тут.
— Куда и откуда?
— Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?
— Из Керчи в Вологду.

(А. Н. Островский «Лес»).

Я просыпаюсь от толчка. Станция. Под потолком вагона мерцает оплывшая свеча в фонаре. Рядом на лавках спят отец и мать. Мы едем! С тех пор, как я себя помню, это ощущение было основным. Оно составляется в моей памяти из калейдоскопа несвязных воспоминаний.

Актерство старой России не сидело на месте. Приходила весна, а с нею и передвижение. Даже такой талантище, как похороненный у нас в Тамбове Николай Хрисанфович Рыбаков, всю свою жизнь провел на колесах. Сезоны с «антрепризами», мытарства по городам и городишкам, бродяжничество — удел актерской провинции в старые годы.

Отец мой свыше сорока лет отдал провинциальной сцене, прослужив суфлером немало времени у чудесного артиста и режиссера Н. И. Собольщикова-Самарина. Суфлер в старом театре — фигура немаловажная: спектакли пеклись, как блины, и только подсказка помогала выйти из положения.

Весь вечер, бывало, не умолкал шепот суфлера. Тяжел был его труд, но не легче было и артистам. Сколько трагедий похоронено вместе с этой стариной, в которую мне удалось заглянуть краешком мальчишеского глаза! Ведь даже забота о сценическом костюме лежала на артисте. Провинциальные хапуги-антрепренеры грабили артистов без зазрения совести. Вот один из рассказов отца:

— Летний сезон в маленьком южном городишке. Сборов нет. Однажды утром актеры обнаруживают: антрепренер сбежал, забрав остатки выручки. После долгих мытарств артистов отправляют по месту жительства этапом...

В скованном узами частнопредпринимательской практики дореволюционном провинциальном театре бытовало ремесло. Как правило, артист русской провинции имел на своем вооружении десяток ролей одного амплуа, большое количество штампов, принятых для выражения чувств, состояний, сословий и характеров, и мало-мальски терпимый гардероб. Конечно, много было в провинции и настоящих дарований, но их жизнь проходила в борьбе с хищными, невежественными антрепренерами, и зачастую обстановка губила талантливых людей. Настоящее творчество было доступно только в столицах и в нескольких больших городах: в Киеве, Харькове, Одессе, Нижнем и некоторых других, где такие выдающиеся театральные деятели, как Соловцов, Синельников, Собольщиков-Самарин да, пожалуй, Бородай, соединяли в себе и дельных организаторов-предпринимателей.

В преддверии сорокалетия Октября особенно остро ощущаются разительные перемены, происшедшие в нашем театральном искусстве. Нечего и говорить о том, что в корне изменилось положение артиста. Глубочайшие изменения произошли и в самом характере творчества. Создается новый тип артиста-художника с большим чувством гражданственности. Складывается новая дисциплина труда, новое отношение артиста к своей профессии.

Глубокая перестройка театральной периферии, правда, произошла не сразу. Путь периферийного театра поначалу был внешне подражательным. Сохранилось немало анекдотов о провинциальных «новаторах», ставивших все на сцене дыбом и сочинявших невероятные положения даже для сугубо реалистических пьес Островского.

Начало перестройки было положено со дня, когда состоялось решение правительства о повсеместном стационировании театральных трупп. Театр становится самостоятельным творческим организмом, ищущим свой стиль, создающим свои актерские кадры, художников, свой репертуар.

Тип актера «представляющего», актера-ремесленника все дальше уходит в прошлое. На его место пришел артист мыслящий, творящий, «перевоплощающийся». Актер сегодняшней периферии стремится создать свою роль в общении (ансамбле) с товарищами по сцене, он знает пьесу, замысел режиссера, чувствует жанр и стиль будущего спектакля.

Советская театральная школа, построенная на новаторских принципах Станиславского, сыграла громадную роль и в перестройке периферийных театров. Большинство наших режиссеров — воспитанники Московского и Ленинградского ГИТИСов либо театральных институтов Киева, Тбилиси, Ташкента. Непрерывно растет число артистов, закончивших средние и высшие театральные учебные заведения. Правда, образование только предполагает творчество, оно не дает патента на всю актерскую жизнь. Но как важно молодому артисту получить твердое направление для будущей деятельности!

Величественно гигантское здание нашего периферийного театра, если попытаться представить его раскинувшимся на всем необъятном пространстве страны. Именно в обычных областных периферийных театрах наиболее разительны и приметны сегодня коренные изменения в сценическом искусстве.

Разве можно забыть, например, о замечательном эстонском театре «Ванемуйне» из маленького городка Тарту?! Этот театр показывал свои работы в 1956 году на гастролях в Москве. Сам по себе он яркое доказательство существования нового, сегодняшнего сплава — высокого профессионализма, идейности, неустанных творческих поисков. Побывав недавно в Рязани, я увидел спектакль «Оптимистическая трагедия» — яркий, высокохудожественный. А Чкаловский областной драмтеатр, создающий целостные и одухотворенные творения режиссера и артистов! Я уверен также, что два — три вечера, проведенные любым из нас в зале Саратовского ТЮЗа, дадут каждому чистое и глубокое художественное удовлетворение.

Изменяется на наших глазах сама, так сказать, география искусства. Отныне не только принадлежность к столичному театру гарантирует уровень творчества. В разных точках нашей великой Родины горят светлые огоньки этого творчества, складываются в коллективы талантливые, ищущие, творящие люди. Было бы грешно утверждать, что этот путь легок и безоблачен, что на пути таких коллективов нет никаких трудностей. Трудности есть, но они должны быть и будут преодолены. Не о них сейчас идет разговор.

Десять лет я проработал в Тамбове, поэтому не могу не сказать и об этом старейшем русском театре. Сто семьдесят один год существует областной Тамбовский театр. Начало ему было положено в 1786 году гениальным русским поэтом Гавриилом Романовичем Державиным. До наших дней сохранился написанный Державиным специальный аллегорический пролог на открытие в Тамбове театра и уездного училища. Много поучительного видели его стены. Кстати, в книге В. Гиляровского «Люди театра» немало страниц отведено красочному описанию жизни Тамбовского театра в прошлом с его антрепренерами, артистами, меценатами...

Сегодня в красивом здании, возвышающемся в центре Тамбова, на площади Ленина, идет другая, качественно отличная, новая жизнь.

Мы свято храним добрую па-

«Клоп» В. В. Маяковского в Челябинском областном драматическом театре. Присыпкин — заслуженный артист РСФСР П. Кулешов.

«Это было недавно» Д. Девятова в Тамбовском областном драматическом театре. Тимофей — А. Берладин, Параша — В. Филатова.

«Гимназисты» К. Тренева в Саратовском театре юного зрителя. Сцена из II акта.

мять о тружениках старой сцены, которые в тяжелейших условиях, наперекор тысячам препятствий, несли со сцены слово Гоголя, Островского, Шекспира, Шиллера. И все же это был подвиг одиночек, отдельных трупп. Теперешний театр — часть большого общегосударственного дела по идейно-художественному воспитанию народа, и именно это прежде всего определяет смысл жизни советского сценического искусства.

Связи нашего советского театра с действительностью, как никогда и нигде, широки и многообразны. Мы не только иначе репетируем и играем, но и живем иначе и думаем.

Большинство наших артистов связали свою судьбу с Тамбовом и многолетним своим трудом в театре сложили его творческое лицо. Для нас, как, впрочем, и для многих других периферийных театров, характерны сегодня постоянные репертуарные поиски. За последние годы мы поставили шесть спектаклей по пьесам авторов-тамбовцев.

Сыграть новую пьесу местного автора на современную тему — это значит основательно окунуться в жизнь своего города, района, области. Так, во время репетиции пьесы «Родник в степи» мы не раз выезжали в деревню, бывали на полевых станах. Мы искали там прототипов своих героев. Вот артист нашел человека, судьба и облик его напоминают образ, над которым он работает. Часами сидят они вместе на завалинке у избы, идет долгая беседа, а с нею приходит и ощущение жизненной правды. И приятно было, когда потом говорили, что наши трактористы, колхозники в пьесах Д. Девятова «В Лебяжьем», «Родник в степи» были как бы выхвачены из жизни: ведь все, вплоть до деталей костюма, артист находил там, среди своих друзей в деревне.

На репетиции пьесы «Упорные сердца» произошел интересный эпизод. В центре будущего спектакля — девушка, ослепшая во время войны. Репетиция идет трудно, не дается артистке ощущение слепоты, автор актерам кажется жестоким, многие сцены бестактными. Вдруг отворяется дверь, и драматург Н. Архангельский вводит слепую женщину-музыканта Марину Н. Три часа беседы — и мы все влюблены в это чудесное, бодрое, жизнерадостное существо. Она с милой улыбкой на лице предупреждает, чтобы ее не жалели, рассказывает о себе, о муже, об истории их любви. И пьеса начинает жить...

Много у нас друзей и в Тамбове и в районах. И эти друзья ждут от нас каждый сезон новых спектаклей, новых перевоплощений любимых актеров. В этом скрыт особенный смысл труда периферийного актера.

Широки и разнообразны наши связи со зрителем. Зимой можно видеть у театрального подъезда автобусы и грузовики из Горелого, Лысых Гор, Знаменки и других сел и районных центров. Жалко, что не нашлось нового Гоголя, чтобы описать тот чудесный «разъезд после представления новой комедии», которым часто любуемся мы. Веселые, возбужденные люди из колхозов, в валенках, полушубках, теплых шапках и платках, взбираются в свои машины. Смех, песни, подхваченные уже реплики и остроты из пьес. Вот уж где повесили бы носы многие зарубежные «критики» нашей жизни!

Выходной день. Но артисты собираются как обычно: сегодня в областном комитете партии обсуждение новой пьесы о деревне. Идет горячая беседа. Опытные люди, знающие жизнь, бывающие в селах бóльшую половину своего рабочего времени, высказывают свои мысли, приводят примеры из жизни.

Одна из пьес обсуждалась в госпитале, и врачи, сестры, собравшись вокруг автора, с интересом слушали читку. Потом в обсуждении многое вскрылось, стало ясным и ему и театру. Можно ли было в прошлом видеть такую практику? Пьесы читали разве что в гостиных у меценатов. Наши «меценаты» совсем другого рода!

Годами выковывал наш театр свой стиль. Мыслимо ли было ставить подобные задачи раньше, до революции, при постоянно сменяющихся труппах?

Наши артисты учатся, совершенствуются в практике и в теории. Сколько бурных дебатов видели у нас стены просторного красного уголка, где обычно происходят все обсуждения и конференции! В горячих спорах скрещивают свои аргументы сторонники «яркости во что бы то ни стало» со сторонниками «жизненной правды». В спорах рождается истина, и они помогают нам освобождаться от серости, натуралистического правдоподобия.

В 1954 году нашему театру досталась большая честь — открывать летние гастроли областных театров в Москве, ставшие ныне прочно утвердившейся прекрасной традицией. Вслед за нами прошли спектакли Дзержинского районного, в последующие годы областных — Чкаловского, Владивостокского, Смоленского театров,— театра из Кимр... Для периферийного театра появилась манящая перспектива: работай так, чтобы сочли достойным показ твоего спектакля в Москве!

Не могу не сказать в связи с этим, что и столичным театрам — такова особенность нашей жизни — сейчас приходится то и дело оглядываться на периферию. Эстафета в выборе репертуара переходит из рук в руки, то доставаясь столице, то надолго застревая на периферийной сцене. «Баня» Маяковского впервые возобновлена была в Пскове, «Пучина» Островского пошла в Тамбове за два года до ленинградского спектакля, «Дмитрий Калинин» Белинского «открыт» в Пензе, «Филумену Мартурано» Э. де Филиппо первым поставил Свердловск. Недавно переведена пьеса немецкого писателя Э. М. Ремарка «Последняя остановка», и она уже идет у нас, в Ставрополе и в Калинине. Вместо былого копирования Москвы — широкая инициатива в выборе репертуара.

Замечательное явление — советский периферийный театр! Многие молодые создатели его сейчас уже седы, маститы и не заметили, как прошумели годы над головами.

Театральная провинция не кончилась, выражаясь фигурально,— ее прикончили. Но сражение за передовой периферийный театр еще продолжается. Хотя армия деятелей периферийной сцены пополняется новыми силами и растет вклад наших областных театров в строительство советской театральной культуры, ремесло еще живет. Так называемый провинциализм может передаваться «по наследству». Поэтому очень важно, чтобы организации, руководящие искусством, вовремя откликались на нужды периферийного театра, глубоко разбираясь в тенденциях его развития.

Мне — да и не только мне — кажется, что давно пора перестроить взаимоотношения между директором и главным режиссером. Лицу, направляющему художественную жизнь театра, должна быть предоставлена вся полнота власти. От этого многое зависит. Очень важно для периферийных театров иметь единый журнал или газету. Разве не обидно, что нынешняя театральная печать не охватывает по-настоящему всего, что делается в этих коллективах, не отмечает их многообразное творчество!

Нужно также создать специальную площадку в Москве для показа лучших спектаклей периферии. Необходимы постоянно действующие курсы, где хотя бы раз в десятилетие наш актер мог пополнить свои знания. Давно есть нужда в специализированных предприятиях по поставке театрам деталей к декорациям, различной бутафории, чтобы облегчить и ускорить труд малочисленных технических цехов. Нужно и многое другое.

В нашей стране мечта и действительность тесно переплетаются между собой. Мы верим, что многое еще будет сделано, чтобы радостным и всегда перспективным оставался наш повседневный труд и чтобы все более прекрасным рисовалось нам будущее нашего театрального искусства!

СТАРЫЙ ПАМЯТНИК НА НОВОМ МЕСТЕ

Многие хорошо помнят памятник великому русскому писателю Николаю Васильевичу Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева. Более 40 лет — с 1909 по 1951 — простоял он в Москве, на Гоголевском бульваре.

В 1952 году на бульваре установили новое скульптурное изображение писателя — работы народного художника РСФСР Н. В. Томского. Старый же памятник перекочевал на территорию бывшего Донского монастыря, в расположенный здесь Архитектурный музей.

Вскоре этот старый памятник обретет новое постоянное местожительство. Исполком Московского городского Совета депутатов трудящихся принял предложение Министерства культуры СССР и решил установить его во дворе дома № 7-а по Суворовскому бульвару, где умер великий писатель. Двор этот будет благоустроен и превращен в сквер.

Все работы по переносу и установке памятника должны быть выполнены в этом году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАХТЕРА

Рассказ

ВО ХЮИ ТАМ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

После нескольких лет, проведенных на чужбине, Тхеп не мог не волноваться, подходя к знакомому дому. Все ту же песенку журчал прозрачный ручей, бежавший около дома; ветки трех деревьев, росших перед ним, сгибались под тяжестью плодов; чайные кустики в саду поблескивали на солнце маленькими лакированными листьями. Тхеп подошел к двери и остановился в нерешительности. Вдруг из дома вышел старик и, вглядевшись в юношу, воскликнул:

— Тхеп, ты ли это? Почему ты не возвращался все это время? Ты снова работаешь на шахте?

— Нет, я еще не был на шахте, думаю пойти туда завтра.

Радостно улыбаясь, старый Банг пригласил Тхепа войти в дом и протянул ему чашку крепкого чая. Тхеп пил не спеша и наслаждался приятным, терпким вкусом чая. Медленно переводя взгляд с одного предмета на другой, Тхеп вспоминал, как несколько лет назад он чуть ли не каждый день бывал в доме старого Банга. Иногда Тхеп приходил сюда вместе с Тхан, девушкой, которую любил с детства. Они прятали в доме Банга листовки и газеты, доставленные из освобожденных районов. Постепенно старый Банг и его семья сделались настоящими подпольщиками и активно помогали Тхепу и его друзьям. А о политике Банг стал рассуждать со знанием дела, удивлявшим даже опытных товарищей.

После того, как ищейки оккупантов напали на след организации, Тхеп вынужден был скрыться из поселка. Он перебрался в освобожденный район и с тех пор не был дома. Старый Банг, обрадовавшись гостю, торопился изложить ему все, что произошло за время его отсутствия.

Банг подробно рассказывал, как был схвачен жандармами, как его избили в полицейском управлении, но старик не сказал бандитам ни слова, и они вынуждены были отпустить его.

Банг вышел на минуту, чтобы набрать плодов для гостя, и Тхеп, глядя на зеленеющий сад, в котором ему был знаком каждый кустик, снова вспоминал те дни, когда он скрывался в густых зарослях возле этого дома.

Вернувшись, старик пошутил:

— Не забыл ли ты, Тхеп, что ты мой должник? Вот уже семь лет, как потерял мою фанеру...

Этот кусок фанеры Банг положил в кустах на берегу ручья, чтобы Тхеп мог укрыться от дождя. Но Тхеп утром очень торопился, забыл спрятать фанеру, и поднявшаяся от дождей вода ручья унесла ее. Улыбаясь, старик протянул Тхепу пачку газет «Внутренняя жизнь» и сказал:

— После освобождения я выкопал их и сохранил для тебя, но вот «Правду», которую мы закопали, я никак не мог отыскать.

Вошедшая в это время старшая дочь Банга не успела даже поздороваться с Тхепом, как вдруг в дом вбежал маленький мальчик с веселыми, блестящими глазенками и громко спросил у нее:

— Кто этот товарищ, мама?

— Это тот, кто когда-то приносил тебе сладкий рис и конфеты, — улыбаясь, ответила женщина.

— А, я знаю, знаю! — закричал мальчик.— Это дядя Тхеп!

И он немедленно вскарабкался гостю на плечи.

Со дня освобождения здесь все ожидали Тхепа, и в семье Банга часто вспоминали о нем. Когда-то Тхеп откладывал ежедневно по одной монете из своего скудного шахтерского заработка для того, чтобы в выходной день угостить своих друзей рисом с каракатицей и сластями. И когда дочь ставила на стол эти блюда, старый Банг, вздыхая, говорил:

— Эх, Куай, сколько людей уже возвратилось домой, одного только Тхепа все нет и нет!

Теперь Тхеп наконец вернулся, и малыш ни на минуту не отходил от долгожданного гостя.

Думая все время о Тхан, Тхеп не решался спросить о ней, а старый Банг, лукаво глядя на юношу, сказал вдруг:

— Ну-ка, скажи нам, не женился ли ты еще?

Тхеп отрицательно покачал головой и, помолчав некоторое время, спросил Банга:

— Помните ли вы девушку Тхан?

— Какую Тхан? Здесь многие носят это имя. На моих глазах выросло столько девушек, что я уже не могу их всех запомнить.

Когда-то Тхан приходила в дом Банга, но бывала она редко, и старик забыл ее; он хорошо помнил только Тхепа. Дочь Банга спросила:

— Ты говоришь о Тхан, у которой на щеке был маленький шрам? Я слышала, что враги, отступая, угнали ее вместе с другими на Юг.

Тхеп не хотел верить ее словам, он решил зайти в старый дом Тхан, хотя и знал, что там сейчас живет другая семья.

Те немногие соседи старого Банга, к которым Тхеп заглянул, тоже говорили, что Тхан угнали на Юг. Тхеп не мог понять, отчего Тхан не скрылась, подобно многим другим. Ведь Тхан участвовала в подпольной работе еще с 1945 года, она распространяла выходившую в свободном Вьетнаме газету «За спасение Родины» и была одним из самых активных членов организации.

Тхеп так углубился в свои мысли, что не заметил, как дошел до дома, в котором когда-то жила Тхан. Здесь все было, как прежде. На грядках около дома зеленели листья капусты, ветви сливового дерева были покрыты белоснежными цветами...

Нагнув усеянную цветами ветку сливы, Тхеп проводил глазами несколько упавших белоснежных лепестков, и в его памяти с необычайной отчетливостью пронеслись те дни, когда Тхан жила рядом с ним.

Он помнил Тхан с того времени, когда они еще совсем маленькими детьми жили в поселке Ха Лам. Оба росли сиротами, без отцов; матери их трудились не покладая рук, и все же обе семьи едва сводили концы с концами. Тхан и Тхеп были слишком малы и не могли еще работать на шахте, но они каждый день ходили в карьеры, чтобы собирать уголь.

Однажды детям попался большой кусок угля, каждый потянул его к себе, и они препирались до тех пор, пока Тхеп, разозлившись, не стукнул девочку. Тхан заплакала и медленно пошла к дому, волоча по земле пустую корзинку. С этого дня они были в ссоре.

Как-то раз Тхеп, собирая на дороге уголь, увидел веселых детей, одетых в новые красивые костюмы. В руках у них были сумки с книжками. Это были дети богачей, они шли в школу, и Тхеп проводил их завистливым взглядом. Он тоже хотел учиться в школе. Вздохнув, мальчик провел рукой по своей разорванной рубашке и штанам, которые, казалось, состояли из одних разноцветных заплат, и снова взглянул на дорогу. Неподалеку от него, согнувшись, брели такие же, как и он, бедные дети, собиравшие уголь для очагов. Среди них он заметил и Тхан; она, понурившись, стояла на краю дороги и печальными глазами следила за нарядными мальчиками и девочками. Потом она с трудом подняла корзину и побрела к дому; девочка выглядела такой беспомощной, что Тхеп, уже давно раскаивавшийся в своем поступке, еще больше пожалел о том, что обидел ее.

На другой день Тхеп подошел к Тхан и предложил ей взобраться по крутому обрыву, где было много угля. Девочка боялась упасть и не решалась подняться вслед за ним. Тогда Тхеп взял у нее корзинку и, наполнив ее крупными блестящими кусками угля, вернул Тхан. С тех пор они никогда больше не ссорились.

Тхеп вспоминал, как они встречались с Тхан каждый день, как, раздобыв где-нибудь мелкую монету, он покупал пирожок со сладкой начинкой и они, разделив его пополам, ма-

ленькими кусочками поедали лакомство. Матери их тоже подружились и даже стали называть друг друга сестрицами. Когда мать Тхепа прогнали с работы и она с сыном уходила из поселка, тетушка Чау (так звали мать Тхан), волнуясь, говорила на прощание:

— Хозяева и их прислужники очень жестоки; ты уходишь, сестра, но как только ты найдешь работу, напиши мне, и мы с дочкой тоже приедем к вам.

Вскоре после того, как мать Тхепа устроилась на шахту, в Кам Фа Мин, туда перебрались и Тхан с матерью. Теперь Тхеп и Тхан тоже работали, но, несмотря на это, бедность была постоянной гостьей в их семьях. Их дома стояли рядом, и обе семьи жили дружно, помогая друг другу. Как говорит старая пословица, «у них все было общим: и рис, и вода, и очаг».

Однажды, когда Тхеп заболел, Тхан собрала целебные травы и приготовила лекарство, излечившее больного. Девушка и больной еще больше привязались друг к другу и теперь уже почти не расставались.

В оккупированных районах все труднее становилось дышать. Каждого, кто осмеливался выражать недовольство, забирали солдаты, и таких людей оплакивал весь поселок, потому что никто из них уже не возвращался. Постепенно у Тхепа раскрылись глаза, он понял, почему шахтеры, весь день не разгибающие спины в сырых, темных забоях, не имеют куска хлеба. Юноша отлично помнил, что после революции, когда в их районе была установлена народная власть, хозяева не осмеливались грабить рабочих. В переполненном ненавистью сердце Тхепа созрела решимость бороться против тех, кто вырывал у людей последние крохи, кто топтал свободную землю его страны. Тхепу удалось связаться с членами подпольной партийной организации, и он стал активным подпольщиком. Тхеп вместе с Тхан вступил в профсоюз. Когда Тхеп уходил на тайные ночные собрания, девушка прятала для него в кустах лепешки и рис, чтобы он мог поесть перед работой.

Четыре года совместной борьбы еще больше сблизили Тхепа и Тхан; за это время оба они стали совсем взрослыми, все было у них общим: и работа, и борьба, и мечты. Их детская любовь выросла в большое и светлое чувство, и благодаря ему жизнь казалась Тхепу и Тхан прекрасной, несмотря на все трудности. Их сердца бились верой в победу и счастье.

Тхан и Тхеп решили отпраздновать свадьбу после освобождения. Но когда над Тхепом нависла угроза ареста, он вынужден был уйти в освобожденные районы. Тхан принесла ему в горы одежду для дальней дороги и рюкзак.

Зубцы гор, освещенные луной, напоминали спину сказочного дракона. Кругом было тихо, только ветер шелестел в расщелинах камней. Тхан, вздохнув, сказала:

— Ты можешь не беспокоиться, я буду заботиться о твоей маме так же, как о своей. Пиши мне письма, я буду ждать тебя все время.

Рыдания сдавили горло Тхан, и она вытирала платком слезы, бежавшие по щекам. Они молча прошли несколько шагов. Вдруг Тхан взволнованно спросила:

— Знаешь ли ты колодец Тай Ден?

— Конечно. Но почему ты вспомнила о нем?

— Многие люди, любившие друг друга, но обреченные на разлуку, бросались в этот колодец, чтобы найти там смерть.

Тхеп схватил девушку за руки.

— Но ведь они не любили так жизнь, как мы!— Заглянув в глаза Тхан, полные слез, он продолжал спокойнее:— Да, многие бросались в этот колодец, доведенные до отчаяния безнадежной любовью, но их счастью мешали старые обычаи, воля семьи, тяжелые законы. Что у нас общего с ними? Разве матери противятся нашему счастью, разве не в наших руках наша жизнь, наше будущее? Пусть мы сейчас расстаемся, но как только солнце свободы засияет здесь, мы снова встретимся и никогда уже не будем разлучаться!

Он указал рукой на море. Серебристые волны залива сливались вдали с темно-синим ночным небом. Прозрачный свет луны отражался в воде, которая плескалась вокруг скалистых островков. Тхеп сказал:

— Неужели ты не видишь, как все прекрасно вокруг? Скоро вся наша земля будет свободна, народ станет хозяином шахт. Мы будем счастливы, я верю в это!..

Звук шагов прервал воспоминания юноши. Подняв глаза, он увидел старика, который медленно брел между грядками. Тхеп спросил у него, не знает ли он что-нибудь о жившей здесь девушке Тхан. Старик не торопясь ответил:

— Эта девушка вышла замуж, и у нее уже есть сын. Муж ее — человек богатый, и она больше не работает, смотрит за хозяйством и воспитывает ребенка. Я слышал, что муж ее дает деньги в рост и что он откармливает прекрасных свиней...

«Неужели это правда?— с болью подумал Тхеп.— Но что же могло заставить ее так поступить?»

Он поблагодарил старика и быстро зашагал к дому старого Банга.

В этот вечер Банг был в ударе и рассказывал самые занимательные свои истории. Тхеп почти не слушал его, он думал о том, как отыскать мать Тхан. Когда-то она очень любила Тхепа, и юноша был к ней привязан.

Рано утром Тхеп отправился в путь. После долгих расспросов он узнал у соседей, случайно встретивших на рынке тетушку Чау, что она живет в соседнем поселке.

Солнце совсем еще низко стояло над горами, окружавшими шахту, когда Тхеп подходил к поселку. Возле дома с ярко блестевшими стеклами он увидел мать Тхан. Она варила рис. Когда Тхеп подошел к ней, тетушка Чау подняла на него глаза и, приняв его, вероятно, за кого-нибудь из соседей, спросила:

— Вы сегодня работаете в ночную смену?

Тхеп, засмеявшись, воскликнул:

— Как, вы не узнаете меня? Ведь я же Тхеп!

Тетушка Чау вскочила, едва не опрокинув свой рис, подбежала к юноше и, сжав его руку, несколько секунд разглядывала, будто желая убедиться, что это действительно он.

— Это ты? Ты вернулся?— сказала она наконец. Потом выпустила руку Тхепа и заплакала.— Горе, сынок,— сказала она сквозь слезы.— Я до сих пор не могу успокоиться. Если бы ты знал, как болит за тебя мое сердце!..— Тхеп побледнел, ожидая, что она скажет дальше.— Почти четыре года назад, вскоре после того, как мы перебрались в Уонг, умерла твоя мать...

Тхеп, проглотив подступивший к горлу комок, сказал тихо:

— Я знаю, тетя, я был на маминой могиле...

Тетушка Чау, всхлипывая, вытирала глаза своим знаменитым платком, на котором был вышит павлин, казавшийся Тхепу в детстве чудом красоты. Тхеп вспомнил, что его мать подарила тетушке Чау этот платок, и сердце его сжалось от горя.

Вытерев слезы, тетушка Чау пригласила Тхепа войти в дом. Тхеп увидел на кровати спящего человека, укрытого легким одеялом.

— Кто это?— спросил он.

— Кто? Конечно, Тхан. Она вернулась утром с ночной смены и сейчас отдыхает. Подожди, я разбужу ее; интересно, узнает она тебя или нет.

Тхеп, сердце которого сильно билось от волнения, остановил тетушку Чау:

— Может быть, не стоит будить ее, ведь она очень устала.

Но тетушка Чау властно махнула рукой, и Тхеп, с детства привыкший слушаться ее, вышел в сад. В тени дерева, уставив на Тхепа круглые от любопытства глаза, сидел маленький мальчик. Тхеп подошел к малышу и спросил, замужем ли Тхан. Мальчик очень серьезно сказал:

— Тхан была женою Хьена, но со дня освобождения и до сих пор они больше не живут вместе.

Тхеп тяжело вздохнул.

«Как же могло так случиться?— думал он.— Я должен узнать обо всем, все проверить».

Мать разбудила Тхан и сказала ей, что пришел гость. Девушка сбросила одеяло и, поднявшись с постели, вышла из комнаты, протирая ладонью заспанные глаза.

— У вас есть какое-нибудь дело ко мне?— спросила она.

При виде Тхан сердце Тхепа радостно забилось, он улыбнулся, но потом, приняв серьезный вид, сказал:

— Я шел ловить рыбу и заглянул в ваш дом, чтобы выпить глоток воды.

Тхан пристально глядела на него и вдруг воскликнула:

— Тхеп, что это за притворство! Ты вернулся! Какой на тебе костюм!..

Тхеп засмеялся, он был счастлив увидеть Тхан. Но через минуту горькое чувство сжало сердце юноши, и он спросил, покраснев:

— Где же твой муж и сын?

В ту же минуту в дом вбежал маленький мальчик и попросил у мамы Тхан конфету. Тхан нагнулась и что-то сказала ему. Тхеп смотрел на нее, но перед его глазами стояла Тхан, такая, какою она была в день их разлуки. «Колодец Тай Ден! — вспомнил Тхеп.— Неужели человек может так забыть обо всем?»

В это время пришли несколько стариков, помнивших Тхепа; они радостно жали руки юноше. Гости уселись в кружок на бамбуковой циновке, и завязалась беседа. Тетушка Чау, суетясь, приготовляла чай, рис и закуски.

Старики рассказали Тхепу о том, как боролись шахтеры против захватчиков, пытавшихся разрушить шахты, как спасали каждую машину, каждый дом. Они рассказали ему о девушке Лан, которую предатель Тье силой и угрозами заставил стать его женой и которая после свадьбы повесилась от горя...

Пока Тхеп их слушал, у тетушки Чау поспело угощение. Тхеп встал и помог ей внести тяжелый котел с рисом. Гости, учтиво приглашенные хозяйкой, принялись за еду, а сама она, посмеиваясь над печальным видом Тхепа, стала рассказывать:

— После того, как ты, Тхеп, ушел, жить стало еще тяжелее. Тхан работала день и ночь, почти не зная сна, и все-таки мы никогда не ели досыта. В те же дни, когда захватчики вербовали солдат в свою армию, многие девушки и женщины выдавали молодых людей за своих мужей, чтобы спасти их. На собрании женщин Тхан говорила: «Защита молодежи — это защита родины...» Когда полицейские схватили нашего соседа Хьена, чтобы отвести его на вербовочный пункт, Тхан легла на землю и кричала: «У нас дома старая мать и маленький ребенок! Если вы заберете в солдаты моего мужа, вы убьете нашу семью, мы все умрем от голода!» Полицейские поверили моей дочери и отпустили Хьена. Хьен был очень благодарен, а его маленький сын, который и раньше часто прибегал к нам, очень привязался к Тхан.

Застенчиво взглянув на Тхепа, Тхан сказала:

— Бедный мальчик, его мать разбилась, упав в шахте, и умерла; он сначала очень тосковал, но потом успокоился. Малыш так привык ко мне, что называет меня мамой... Отец его всегда занят на работе, и мальчик приходит к нам: ему скучно одному дома.

Со смехом глядя на изумленное лицо Тхепа, тетушка Чау сказала:

— Помнишь, ты послал нам письмо? Я получила его, но сама прочесть не могла, а Тхан не было дома, и я спрятала его в сундук. На другой день ливень затопил наш дом, и когда мы достали письмо, в нем нельзя было разобрать ни одной строчки. Поэтому мы и не смогли написать тебе ответ...

Тхеп, который, как говорили когда-то, «держал теперь в руках голову и хвост истории», чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Он с любовью смотрел на Тхан, и глаза девушки улыбались ему. Она сказала:

— Я расспрашивала о тебе всех, кто приходил к нам в поселок, я даже знала, что тебя послали в деревню проводить аграрную реформу, но адреса твоего не было ни у кого.

Старик, сидевший рядом с Тхепом, сказал, ласково переводя взгляд со счастливого лица Тхепа на сиявшую радостью Тхан:

— Ну, что ж, вы оба уже совсем взрослые, пора вам и о свадьбе подумать.

Тхан, покраснев, опустила глаза, а Тхеп ответил:

— Мы с Тхан уже давно обо всем договорились. Ты помнишь, Тхан?

— Да,— чуть слышно произнесла девушка, еще больше покраснев...

За беседой и угощением время пролетело незаметно; уже начинало темнеть, и гости стали прощаться. Тхан и Тхеп вышли проводить их на улицу. Вместе со стариком-соседом они дошли до его дома.

— Ты, конечно, снова будешь работать на шахте?— спросил Тхепа старик.

— Да,— ответил юноша,— завтра я пойду договариваться...

— Тогда обожди, сынок,— сказал старик. Он вошел в дом и через несколько минут, выйдя обратно, протянул Тхепу шахтерский молоток.— Вот, возьми,— сказал он,— у тебя молодые и сильные руки. Я уже стар и не могу работать, хотя именно теперь, когда народ стал хозяином жизни, я больше всего хотел бы трудиться. Я прожил жизнь в нужде, проводя дни и ночи в сыром забое ради куска хлеба; но теперь я смотрю на то, как радостна жизнь наших детей, и я счастлив. Приходи ко мне в воскресенье, сынок. Ты, наверное, многое позабыл, я расскажу тебе все, что нужно, о нашем шахтерском деле...

Улыбаясь, старик протянул Тхан камень для точки шахтерских инструментов.

— Это Тхепу, — сказал он, — но ведь у вас все будет общее.— И, пожав на прощание руки молодым людям, он ушел.

Взявшись за руки, Тхан и Тхеп медленно пошли обратно. Впереди, освещенные луной, возвышались горы, окружавшие шахту; оттуда доносился ровный гул машин. Легкий ветер играл волосами Тхан. Тхеп заглянул ей в глаза, и они улыбнулись друг другу.

Перевел с вьетнамского М. ТКАЧЕВ.

Рокуэлл Кент

Однажды Рокуэлл Кент сказал: «Если искусством я смогу передать хотя бы часть моей любви к природе и человечеству, я буду полностью удовлетворен». Эта любовь с самого начала и навсегда определила путь большого художника.

Не в тиши мастерской, среди репродукций и гипсовых слепков, рождались замыслы его работ, а в гуще народа, в сутолоке городских улиц, в шуме портовых причалов, в рыбачьей шаланде, в снежных гренландских просторах. И потому повседневная жизнь, северная природа, простые люди Америки обрели в его лице одного из вдохновенных своих певцов.

Рокуэлл Кент родился в 1882 году в Нью-Йорке. Учился на архитектурном факультете Колумбийского университета, но не закончил его: увлекся живописью. Когда ему было двадцать лет, состоялась первая выставка его работ. К молодому художнику пришел успех. В поисках средств к существованию Рокуэлл Кент переменил десятки профессий: занимался архитектурой, плотничал, ловил крабов, был владельцем молочной фермы. Человек большой энергии, он жил в Патагонии, на Огненной Земле, обошел все штаты своей родины, побывал в Ирландии, на Аляске и в Гренландии. И все виденное художником нашло свое воплощение в его картинах. Ему принадлежат проникновенные пейзажи Канады, Гренландии, атлантического побережья Соединенных Штатов и антивоенные плакаты, иллюстрации книг и одухотворенные рисунки, посвященные миру и дружбе на земле.

У себя на родине и за рубежом Рокуэлл Кент известен не только как выдающийся художник. Он является и видным общественным деятелем США. Рокуэлл Кент — председатель Национального совета американо-советской дружбы, один из тех честных американцев, кто выступает против агрессии, за мир и дружбу между народами. В 1949 году он приезжал в составе американской делегации в Париж для участия во Всемирном конгрессе сторонников мира, а в 1950 году был на сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Стокгольме и принимал участие в работе Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве.

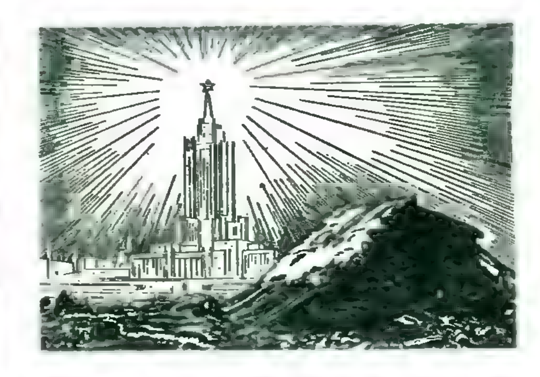
В 1950 году художник приезжал в Советский Союз. Один из рисунков, выполненных Кентом в нашей стране, публикуется в этом номере журнала. Сам художник назвал свою работу «Светлое будущее поднимается над темным прошлым». Это символическая зарисовка — ветхий деревянный дом на фоне высотного здания, увенчанного пятиконечной звездой.

В связи с 75-летием со дня рождения Рокуэлла Кента Всесоюзное общество культурной связи с заграницей недавно устроило выставку его работ и пригласило его приехать в Москву. Но государственный департамент США не выдал художнику визы на выезд за пределы страны. Рокуэлл Кент прислал в Москву несколько своих работ, часть которых воспроизводится в журнале, и теплое, дружеское письмо советским людям.

«Мои картины посвящены главным образом различным районам Дальнего Севера, — пишет он. — Они отражают мою любовь к этому суровому и заброшенному краю, любовь к горам, лишенным растительности.

Тот факт, что американский художник, художник-реалист, был приглашен в качестве гостя в Советский Союз,— продолжает Рокуэлл Кент,— является для меня и для миллионов других людей делом огромной важности. Советские люди увидят, поймут и, может быть, полюбят мои картины — картины человека, родившегося и выросшего в Америке. Итак, пусть наши народы узнают, поймут и полюбят друг друга».

А. ЛИТВИНОВ,
А. УЛЬЯНОВ.

Рокуэлл Кент.

Светлое будущее поднимается над темным прошлым.

Вторая весна

Поэма

Игорь КОБЗЕВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1

В мае березки в Сокольниках белые,
Чуть опушенные зеленью раннею.
Кажется, будто нарочно так сделали,
Чтоб на березках писали признания.
Залиты солнцем стихи неумелые,
Что на коре нацарапали школьники,
Эти сердца их, пронзенные стрелами,
Больше похожие на треугольники...
Праздничным днем
(видно, им не до праздников!)
Бродит здесь стайка девятиклассников,
Роясь в тетрадках и книжках своих,
А иногда забывая про них.
Сядут... Начнут повторять...
Не выходит!..
Вот Ольга, не дочитав главу,
Тугую планшетку
(портфель был не в моде)
Беспечно бросила на траву.
А Ленька заметил:
— Вы только взгляните!
Скажете, может быть, сходства нет?
Ведь это же ты,
ну, признайся, Витя,
Выжег на лавочке Ольгин портрет?
У Лены от хохота даже веснушки
Затанцевали, запрыгали вдруг.
Что с ней поделаешь? Хохотушка.
Солнечный зайчик, скользящий из рук.
Виктор
друга
толкнул
легонько,
Нахмурился и ничего не сказал.
— Какой противный болтун ты, Ленька! —
Шепнула Ольга, пряча глаза.

2

Кто в нашей школе
Не знал об Оле!
Оля чуть-чуть в мальчишку играла.
Слыла она свойской,
что значит — простой.
Когда футболистов у нас не хватало,
Ей даже кричали: — В воротах постой!
Была она первой красавицей в классе
И тайной мечтою была для всех,
Но, кажется, не было в том разногласий,
Что Витька имел наибольший успех.

Витька был парень на вид суровый.
Чтоб выглядеть старше, курил без конца.
К тому же имел он густейшие брови,
В наследство доставшиеся от отца.
В душе он надеялся стать командармом,
Хотя и опаздывал наверняка.
Вот быть бы ему
по примеру Гайдара
В 17 лет командиром полка!

3

Виктор и Ольга дружили с детства.
Ходили на лыжах в зимние дни.
С детства жили они по соседству,
С детства книжки читали одни...
Вдвоем они бегали в консерваторию,
После же, в тихие вечера,
Шли по Москве, напевали и спорили,
За руки взявшись, как брат и сестра.
Что еще?
Шахматы.

«Враг не сдается?»
Битва за битвой, за туром тур.
Они встречались, как два полководца,
Над строем пешек своих и фигур.
А фото?
Дверь на крючок защелкнута.
Мрак. Проявители. Красный свет.
И вот уже тихая ванная комната
Похожа на фаустовский кабинет.

Сколько решенных вместе вопросов,
Общие огорченья и смех,
И первые Витькины папиросы,
И турпоходы, и велопробег.
Правда, Ольга ходила на танцы,
А Виктор на вещи смотрел, как боец:
— Ты еще, Оля, имеешь шансы
Сделаться фифочкой наконец.
Что ж! Не беда, если мнения борются,
Если ругаются, зла не тая,
Если и спорят, но после не ссорятся —
Так и должны поступать друзья.

Ленька же был «ординарцем» у Вити.
Всегда он острил. Лез из кожи вон.
— Ты что все сияешь? — спросит учитель.
— А что мне, плакать? — ответит он.
Но от последней его остроты
Виктору с Ольгой пришлось покраснеть:
У них недосказано было что-то,
И зря он решился это задеть...

4

Ребята смеялись...
А рядом с ними,
Лишая влюбленных покоя и сна,
В вишнево-сиреневом
солнечном дыме
Над городом колдовала весна.
Гроза прошумела, развесив по веткам
Одну за другою, как бусинки, в ряд
Стеклянные, искристые подвески,
Такие ж, как в залах на люстрах звенят.
Еще не успели покрасить заборы,
Еще стебельки набираются сил,
Но май, как алхимик, весь мир без разбора
В весеннее золото преобразил.

5

Вот так все и было
до той минуты,
До той неожиданности, когда
На них
(есть любители глупых шуток!)
Фонтаном
Обрушилась вдруг вода.
Шел по аллее какой-то парень,
Березку —
всю в каплях дождя —
встряхнул,
Учтиво вымолвил: — С легким паром! —
И на прощанье рукой махнул.
Был бы мальчишка — дело другое.
Что ж этому надо? Какая цель?
Что-то враждебное было, злое
В смуглом смазливом его лице.
Видя, как, бледная от возмущенья,
Ольга отряхивается платком,
Виктор, не мешкая ни мгновенья,
Кинулся следом за тем «шутником».
Но
ухватила его за куртку
Ленькина
(«Брось, говорю!»)
рука.
— Тихо. Постой. Не сердись на шутку.
Плюнь ты на этого дурака!
Не понимаешь?
Скажу иначе.
(Голос друга сделался глух.)
Это ж тот самый Колька-Красавчик!
Его все собаки знают вокруг.

6

...Колька-Красавчик.
Он был как легенда.
Помню, не раз во дворе вечерком,
В темных подъездах укрывшись от ветра,
Мы шепотком говорили о нем.
Где-то, мол, Кольку случайно толкнули...
Парень прощенья просить не стал...
А Колька сразу ж:
— Идем потолкуем! —
И чуть его бритвой не «расписал»!..

Колька, он чаще ходил в одиночку,
Но в тупиках, во дворах проходных,
Чуть только свистнет,
на выручку тотчас

Прямо как с неба
ватага «своих».
Сами мы не были с ними знакомы,
Но о таких мы слыхали не раз:
Есть у них собственные законы,
И эти законы пугали нас.

— Что с них возьмешь?
Им ничто не в
новинку!
Дай ты такому Кольке отпор,
Он тебе в спину засадит финку —
И опоздает твой прокурор.
Все это Ленька втолковывал другу.
Он убежденно верил сейчас
В то, что он Виктору сделал услугу,
Может быть, даже от смерти спас.
Девушки тоже смотрели сердито,
И Лена твердила ему об одном:
— Что ты, Витенька,
драться с бандитом?
Да он же зарежет тебя потом!

7

А Виктор притих
и сделался грустен.
Видно, с собой он хитрить не стал:
«Что там скрывать? Если б ты не струсил,
Ты бы себя удержать не дал!
Где же былая твоя отвага?»
Виктор до боли губу прикусил.
Ему казалось,
что с каждым шагом
Колька
гордость его
уносил.

«Силой» тебя называли в школе,
А ты, оказалось, труслив и слаб!
Так опозориться перед Олей!
Рыцарь! Ее защитил хотя б!»

Горькие мысли терзали парня,
Не покидая его ни на миг.
Уже фонари загорелись в парке,
А Виктор сидел и не видел их...

8

...А потом экзаменов тревога,
Разных книг несметное число.
Это все забылось понемногу,
Все быльем-травою заросло.
Незаметно пролетело лето.
Вот и снова школа кличет нас.
Как-то странно: даже сам директор
Говорит нам «вы».
Десятый класс!
Голос колокольчика веселый,
На доске сверкающий чертеж.
И везде —
от потолка до пола —
Окна, солнцем залитые сплошь.
Солнечные зайчики на парте,
На стене, на книгах, на цветах,
Оба полушария на карте
Тоже в щедрых солнечных лучах...

Ленька в настроении прекрасном,
Как всегда, острит:
мол, весь секрет
В том и состоит, чтоб первоклассник
Сразу понял, что ученье — свет!
Виктор другу вовсе не перечит,
Только шепчет: — Ладно, не бубни!
Тут вот снова и случилась встреча,
Ждать которой не могли они...

9

За прогулы и за хулиганство
Выгнанный уже из многих школ,
Колька вновь
с железным постоянством
В районо
устраиваться шел.
Если ж фальшь его смиренной позы
Начинала здесь надоедать,
Извлекал свой самый главный козырь:
— Что ж мне остается? Воровать?
И тогда испуганные тети
Руки вверх: — Ах, что вы! Мы сейчас! —
В результате
Кольку переводят
В нашу школу,
в наш десятый класс.

10

Он вошел, на всех с улыбкой глядя,
В полосатом «мощном» пиджаке,
Чуть стесняясь книжек и тетрадей,
Что для виду нес в своей руке.
Изо всех товарищей по школе,
С кем столкнулся там,
среди аллей,
Он узнал одну лишь только Олю
И сейчас же поклонился ей.

Здесь она была совсем другая:
Вдумчивые, строгие глаза,
И на темной кофточке — тугая
Тускло-золотистая коса.
А сидел с ней,
робкий и приличный,
Как сказал о нем один остряк,
Из кефира сделанный отличник,
Вечный стенгазетчик и добряк.
Чтоб соседку не задеть коленкой —
До того отличник был несмел! —
Он буквально вплющивался в стенку,
Вчетверо сжимался и краснел.
Кольке это показалось странным.
(«Девочка что надо! Высший класс!»)
Предложил билет ей на «Тарзана»,
Улыбнулся,
выслушав отказ...

11

В общем, оказался он веселым.
Анекдоты сыпал, как зерно.
Всех ребят, учителей, всю школу
Сравнивал с героями кино.
А ребятам что?
Те льнут к речистым.
Возле Кольки сгрудятся в кружок.
— Как у нас директор?
— Декабрист он!
От народа страшно он далек.

Об учительнице литературы,
Женщине пятидесяти лет:
— Здорово поет.
Колоратура!
Ей бы с этим голосом... в балет!
Зазвенит звонок:
— Ты мое счастье!
Запоет: «Иду я в моряки...»
В «дальнем плаванье» бывал он часто,
Молчаливо стоя у доски.

Все довольны. Все кругом смеются.
— Ну и Колька!
— Ну, брат, и чудак!
И уж вовсе с ним не расстаются,
И уж вроде он у них вожак!
Вместе с ним в кино —
билеты тут же!
Вместе в парк —
на танцы под баян.
А потом и дальше
(«Что мы — хуже?») —
Вместе с ним
под вечер
в ресторан...

12

Колькину удаль
(вернее, грубость!)
Виктор и сам наблюдал не раз
В темном фойе молодежного клуба
В самый поздний вечерний час.
Вот в заграничном плаще стиляга
С длинным, как штык, мундштуком в зубах,
Под впечатленьем картины «Бродяга»
Буйствует и шумит в дверях.
Рядом девчонка в платочек плачет.
А робкий завклубом твердит с мольбой:
— Ну, погулял и кончай, Красавчик,
Выпил лишку, ступай домой.
Но Николай ухмыляется, ухарь,
Гордо подняв воротник плаща:
— Гляньте-ка, братцы, водку разнюхал.
А ты
меня
угощал?
Меряет взглядом, как все хулиганы,
Злобно, свирепо: уйди, мол, не трожь!
Дерзко засунуты руки в карманы,
Где (все уверены) спрятан нож...

Виктор думал
(и разве не прав он?):
«С таким бесполезно язык чесать,
Ему бы по челюсти двинуть с правой,
Чтобы в нокаут на полчаса!»
Но обходил стороной:
мол, ладно!
Недостает, чтоб в историю влип?
Что мне,
больше всех прочих надо?
Меня же не трогает этот тип...

13

Но и его
ревнивою болью
Вскоре обжег один разговор...
Как-то на днях он поссорился с Олей,
И ссора не кончилась до сих пор.
Во всем виноват был тот вечер горький,
Когда он по парку бродил дотемна
И вдруг увидел:
шагает Колька,
А рядом... Неужто Ольга?.. Она!..
Вместе, в ногу, идут куда-то.
Какой у Ольги взволнованный вид!
Верно, про все, что таил он свято,
Колька запросто ей говорит.

Утром он хмуро спросил:
— Влюбилась?
Она спокойно в ответ:
— А что ж?
— Чем же я заслужил немилость?
— Ты для меня чересчур хорош.

...Когда она стала такою грубой?
Дерзкое, злое, чужое лицо.
Лиловой помадой подмазаны губы,
И на руке золотое кольцо.
Ей на уроке сказал учитель
(Брови дрогнули у старика):
— Оля. Вы ваше кольцо снимите
И положите в портфель
пока.
Как это сразу ее задело!
Как она резко в ответ ему:
— Носить кольцо —
мое личное дело,
И я его
не сниму!
Тут Колька ей громко шепнул:
— Молодчина!
Но класс
был против
на этот раз.
Даже Леночка,
красная, как малина,
Молчала, не поднимая глаз.

14

Виктор видел: развязность Кольки
Уже начала раздражать ребят,
Уже они злятся в душе,
да только
Всерьез с ним ссориться не хотят.

Здесь бы
сказать свое
комсомолу,
Чтоб закипела вокруг борьба!
Но наша хорошая в общем школа
В этом вопросе была слаба.
Про Кольку твердили:

— Учится парень?
Стекол в школе не бьет? Так чего ж?
Ваш коллектив его переварит:
В классе здоровая молодежь!

15

Однажды
Виктор с отцом,
чуть не ссорясь,
Спорил, руки уперши в стол.
Отец громыхал:
— Гимназисты! Горе!
Разве таким был наш комсомол?

Сам он стоял
прямой, крупнолицый,
Испытанный стройками и войной,
Под пятьдесят, а такой же, как в тридцать,
Лишь тронутый первою сединой.
— Вы бы в книжках хоть почитали,
Чтобы уметь презирать врагов,
Как ваши отцы на своем стояли,
Когда кулаки нам в спины стреляли,
Когда, озверев, в чернозем зарывали
Нас,
комсомольцев двадцатых годов!

В споре и Виктор огнем зажегся:
— Неужто мы сами уж так слабы?
Мы мерили смелость
футболом и боксом,
Не испытав настоящей борьбы.
А если тревога погранохраны
Ночью опять
поднимет народ,
Нам ведь с боями шагать по странам,
Грудью падать на пулемет!

И таяли призраки всех сомнений,
Страхов, обид и ненужных фраз.
Он чувствовал:
надо идти в наступленье,
Иначе Красавчик
разложит класс!

...Но утром
уже
на доске расписаний
Приказ директора вещал со стены:
«За учиненный скандал в ресторане
Николай...
и Ольга...
исключены».
С какой неожиданной, острою болью
Виктор слова эти прочитал!
«Оля! Ты слышишь?
Прости меня, Оля!
Я, кажется,
здорово
опоздал».

16

...Столько на улицах веток пахучих!
Столько ручьев не звенело давно!
Это в холодных, нахмуренных тучах
Май прорубил голубое окно.

Снова повсюду —
куда ни гляньте! —
Взгляды синей и улыбки светлей,
Снова все девушки, как по команде,
Сняли пальто
и стали стройней.
В шумных сокольнических аллеях
Сосны горят золотым огнем,
И молодые березки белеют,
Ласковым вымытые дождем...
И возмужавшее поколенье,
Определяя чувства свои,
Пишет на лавочках
уравненья,
Формулы юношеской любви...

17

Долго Виктор в Сокольниках не был:
Просто былого будить не хотел,
Но раздразнило веселое небо,
Бросил учебники, не усидел.
Вот он бредет под березками парка,
Вновь вспоминает любовь свою.
Только уже незнакомая пара
Заветную облюбовала скамью...
Грустно без милой в такую погоду
В нежных потемках зеленых аллей.
Видно, закон есть:
чем краше природа,
Тем одиночество тяжелей.
С виду посмотришь: одно и то же —
Солнце и щебет вернувшихся стай...
Но до чего ж они не похожи,
Нынешний и прошлогодний май!

18

Виктор нашел автоматную будку
И, вспоминая былые права,
Робко
и вроде как будто бы в шутку
Промолвил в трубку:
— Ну, как ты? Жива?
Он думал, что Ольга ответит смущенно:
Он же с тех пор ее не встречал;
Но, как и прежде, по телефону
Уверенно голос ее звучал:
— Ах, это ты? Что ж звонишь так редко?
Опять экзамены? Вот беда!
Что нового в школе? Как отметки?
Все четверочки, как всегда?..
Где сама я? Тружусь на заводе.
Никто мне здесь двойками не грозит...
(Весь разговор был такой,
что вроде
Взрослая с мальчиком говорит.)

Она не пыталась хитрить нисколько,
И Виктор всю правду решил узнать:
— Оля! Ты все еще помнишь Кольку?
— Мне о нем некогда вспоминать.

Потом добавила не без грусти:
— Знаешь, я давно поняла,
Если б ты в парке тогда не струсил,
Я бы тебя разлюбить не смогла.
Впрочем, теперь это дело прошлого.
— Что ж, до свиданья!
— Всего хорошего!
Щелкнуло в трубке... Значит, прощай!..
Ну, отчего же
так не похожи вы,
Нынешний и прошлогодний май?..

Строительство жилых домов из пенобетона в Березниках.
Фото Ф. Короткевича.

Дома из пенобетона

...Огромный цех высотой в несколько этажей. Не смолкает гул моторов. Почти беспрерывно движутся мостовые краны. То и дело они подхватывают баки с пенистым раствором. Нажат рычаг, выдернута пробка, и легкая пенообразная масса равномерно заполняет металлические формы, заряженные каркасами из арматурного железа... После обработки в специальных металлических котлах — автоклавах — строительные детали готовы к отправке.

Все они сделаны из нового строительного материала — пенобетона, который нынче широко применяется в молодом уральском городе Березники для сборки жилых домов.

В «Огоньке» № 51 за 1955 год уже сообщалось о применении пенобетона для сооружения бескаркасных жилых зданий. Сборка первого такого опытного трехэтажного девятиквартирного дома в Березниках продолжалась всего тридцать восемь дней. В прошлом году было собрано и второе опытное, уже пятиэтажное, жилое здание.

Первые его жильцы не без опаски поселялись в новых квартирах.

— Как карточный домик собирали: дунет сильный ветер — развалится,— слышались разговоры скептиков.

Но дома из пенобетона выдержали испытание временем. Они оказались прочными и удобными.

Прошло немногим больше года, и вот на одной из березниковских улиц уже высится целый квартал красивых многоэтажных зданий на сотни квартир, построенных с применением легких пенобетонных деталей.

В просторных, светлых комнатах не найдешь ни батарей центрального отопления, ни электрической проводки. Провода, как и специальные трубы-регистры, по которым течет горячая вода, вмонтированы в стены. По-новому сделаны и полы. На первый взгляд кажется, что они из линолеума. Но полы деревянные. Это плиты, спрессованные из отходов столярного производства. После специальной обработки такие плиты обладают большой прочностью и не рассыхаются.

Теперь в Березниках испытывается новый строительный материал — золопенобетон. С цементом и пенообразователем смешивается обычная зола, полученная в результате сжигания угля в ТЭЦ. Панели из такой смеси не требуют специальной автоклавной обработки и могут делаться на обычном полигоне в любом размере. Уже готов комплект золопенобетонных деталей для опытного дома.

Г. АРОНОВ

Шофер такси Михаил Яковлевич Жилейкин на линии.

Фото Ю. Кривоносова.

Зеленый ГЛАЗОК

Я. МИЛЕЦКИЙ

Был ранний утренний час, когда шофер 1-го таксомоторного парка Михаил Яковлевич Жилейкин свернул с Новоалексеевской на широкую магистраль Ярославского шоссе. Автомашина с шахматной лентой на кузове легко понеслась по умытому асфальту, и зеленый глазок весело и призывно поблескивал через стекло. К нескольким тысячам машин с зелеными глазками, сновавшим по улицам, набережным и проспектам столицы, прибавилась еще одна: такси ЭЖ 17-36 начало вписывать свою долю километров в громадный общий суточный пробег московских таксомоторов.

Михаил Яковлевич не остановился возле Рижского вокзала, а поехал дальше: на привокзальной площади уже стояло несколько свободных такси.

Однако далеко ехать ему не пришлось. Возле Банного переулка поднял руку молодой человек. Он уселся рядом с водителем и коротко бросил:

— Часовой завод! Ленинградское шоссе! И побыстрей!

— Опаздываете? — улыбнулся Жилейкин.

— К восьми успеем?

— Успеем, — заверил шофер, взглянув на часы: они показывали без двадцати восемь.

Не успел Михаил Яковлевич отъехать от завода, как его машину нанял солидный мужчина с толстым портфелем:

— На Большую Калужскую, пожалуйста!

Он развалился на заднем сиденье и, не отрываясь, читал всю дорогу газету. «Ученый», — решил про себя Жилейкин. И действительно: пассажир вышел у подъезда научно-исследовательского института.

Но в последние годы Михаилу Яковлевичу становится все труднее определить, кто его пассажир.

...Часы «пик» подходили к концу, Жилейкин поехал на Добрынинскую площадь. Он знал, что из пятидесяти тысяч телефонных заказов, поступающих в месяц на диспетчерские пункты города, самая большая доля падает на Добрынинскую площадь и площадь Восстания.

На диспетчерских пунктах есть списки москвичей, которые изо дня в день пользуются услугами такси. Среди них не только видные артисты, писатели, профессора. Есть тут и инженеры, мастера, бухгалтеры, врачи, учителя.

...На Добрынинской площади Жилейкину долго ждать не пришлось. Диспетчер отправил его на Большую Серпуховскую. Вначале к машине вышел молодой, элегантно одетый человек и попросил подождать несколько минут. «Кто такой? — подумал Михаил Яковлевич.— Знакомое лицо. Где я его видел? Уж не в кино ли?» Вернулся он с миловидной и тоже нарядно одетой девушкой. Жилейкину и она показалась знакомой.

Но скоро выяснилось, что шофер видел их впервые в жизни: молодой человек был машинистом башенного крана и строил дома на Юго-Западе, а его синеокая спутница — ткачихой с «Трехгорки». Ехали они в загс. Возле загса машину уже ждали друзья новобрачных. И все веселой гурьбой скрылись за дверью.

Скоро они вышли, сияющие, с охапками цветов. Михаил Яковлевич поздравил молодых с законным браком и отвез их обратно домой. Они усиленно приглашали его в гости — выпить за их счастье, но он отказался: на работе это нельзя...

Жилейкину не удалось миновать и вокзалов: судьба посылала его туда несколько раз. Там-то и случилось с ним любопытное происшествие.

Было уже за полдень, когда он доставил мужчину с чемоданом в руке на Курский вокзал, а оттуда — целую семью на Киевский вокзал. После этого Жилейкин возил двух приехавших на выставку узбекских хлопкоробов, которые просили показать им город. Шоферу такси нередко приходится выступать в роли гида. И он отвез своих любознательных пассажиров на Ленинские горы, показал им новый стадион имени В. И. Ленина, высотное здание университета, потом прокатил по Садовой, поразил красотой улицы Горького и высадил возле Красной площади.

На стоянке Жилейкин, по выработавшейся у него привычке, осмотрел заднее сиденье. Там, забившись в угол, лежала дамская сумочка. Чья бы это? Невесты? Или женщины из той семьи, которую он отвез на Киевский вокзал? Жилейкин открыл сумочку. В ней оказалась большая пачка денег, ключи, железнодорожные билеты во Львов и паспорт.

Находки в такси — дело обычное. Рассеянные пассажиры оставляют тут покупки, пальто, зонтики, чемоданы, а то и ценные вещи. Находок так много, что для их хранения создана специальная камера. Был случай, когда в чемодане, оставленном в такси, оказалось около двадцати тысяч рублей... Все это так, но тут дело особое: развернув посадочные талоны, Жилейкин увидел, что до отхода поезда остается всего один час. Шофер немедля отправился снова на Киевский вокзал: он не сомневался, что сумочку потерял кто-то из пассажиров, которых он привез сюда с Курского.

Не без труда ему удалось уговорить начальника вокзала объявить по радио, что он разыскивает гражданку, потерявшую сумку с деньгами и билетами. Наконец по залам и платформам пронеслись слова: «Гражданка Борзова! Вас ищет товарищ Такси, чтобы вручить потерянную вами сумку!»

Объявление передавали несколько раз, но никто не отзывался. Тогда Жилейкин решил поискать рассеянную пассажирку на привокзальной площади. И действительно, знакомая семья сидела на тротуаре возле своих чемоданов.

— Вы ничего не потеряли? — спросил, подходя, Жилейкин.

Женщина посмотрела на него пустыми глазами и, не узнав, снова опустила голову.

— Это вы ехали с Курского вокзала? — еще раз спросил шофер.

Они не верили в свое счастье, пока он не показал им сумочку...

А «товарищ Такси» уже спешил снова занять свою очередь на стоянке. В цепочке рядом с ним оказалась машина Леонида Ивановича Оленина, известного в парке шофера, работающего здесь более четверти века. Жилейкин поведал ему о своем происшествии с сумочкой.

— Придется рассказать об этом господину Такси, — рассмеялся Оленин.

— Как так? — не понял Жилейкин.

— Да вот, еду в туристскую поездку во Францию. Кинокартину «Господин Такси» помнишь? Шофер парижского такси тоже сумочку нашел!

— Ну, у меня все проще вышло... Хотя у меня, как и у французского шофера, тоже собака есть, но я не вожу ее с собой: у меня боксер, его в машину не возьмешь... Однако привет господину Такси передай. И еще, если в Марсель попадешь, кланяйся моему старшему сыну, Борису.

— А он как туда попал?

— Борис у меня моряк, окончил Одесское высшее мореходное училище... Получил назначение помощником капитана на пароход «Илья Мечников»... Судно это для Советского Союза в Марселе строят. Вот и поехал туда.

— А французским он владеет?

— Не соврать, десять языков знает! Но я с Францией еще по одной линии связь имею.

— По какой же?

— Младший сын, Яша, окончил в Москве среднюю школу на французском языке. И с золотой медалью. Блестяще владеет языком!

— Что же он теперь делает?

— Как что? Учится в университете на втором курсе физического факультета. Научным работником будет.

— А у меня и сын, и дочь, и муж ее — все инженеры.

— Что ж, выходит, что товарищ Такси обогнал господина Такси!

— Выходит, так!

...И снова такси покатило по городу. Жилейкин возил женщину с покупками из магазина, какого-то солидного мужчину в Дом ученых на чествование академика, трех юношей с портфелями к цирку, футбольных болельщиков к стадиону, кассира с деньгами из банка, девушку, опаздывавшую на свидание, в сад «Эрмитаж».

Запомнился шоферу еще один пассажир, человек старый, седой, как лунь, в больших роговых очках. Сел он на стоянке у Колхозной площади, тяжело дыша, видимо, от быстрой ходьбы. Коротко сказав, куда ехать, замолчал. Потом, отдышавшись, набросился на Жилейкина с упреками:

— Скверно, батенька, работают такси. Скверно! Когда машина нужна, изволь бежать чуть ли не с километр! Стоят десятки машин в одном месте и ждут, пока пассажир к ним придет. Разве это — обслуживание? Получается так, что пассажир ищет такси, а надо, чтобы такси искало пассажира.

Машина подъехала к воротам дома, старик расплатился и сердито зашагал к подъезду...

К вечеру Михаил Яковлевич вновь оказался на Комсомольской

площади. В это время у Казанского вокзала дежурил общественный контролер, шофер того же 1-го таксомоторного парка Николай Николаевич Кудряшов. Общественные контролеры ведут борьбу с теми своими коллегами, которые поступают порой бесчестно, обманывают пассажиров, считая, что доверенные им государственные автомашины с зеленым глазком можно использовать и для личной наживы. У таких выработался даже свой блатной жаргон. «Сработать на старика» — это значит не сбросить показания счетчика от прошлой поездки и вести нарастающий счет. Пассажиры в их понимании делятся на две категории: «пиджаков» и «шляп». Первые — люди главным образом приезжие, которых легко обмануть, содрать с них втридорога против показаний счетчика. А «шляпы» — это те, кто не поддается ни на какие жульничества...

Такси подходили к вокзалу почти непрерывным потоком. Из одной машины вышло несколько взрослых и детей. Несмотря на жару, которая стояла в те дни в столице, они были одеты в теплые пальто,— видимо, приехали издалека и давно в пути. Именно таких пассажиров, усталых с дороги, ошеломленных шумом большого города, незнакомых с правилами пользования таксомоторами, и ловят на вокзалах любители легкой наживы.

Кудряшов видел, как шофер позвал пассажира в кабину и там произвел с ним расчет. На счетчике Кудряшов отчетливо разглядел цифру «9». Между тем пассажир вручил шоферу несколько десятирублевых бумажек.

— Сколько вы уплатили? — спросил Николай Николаевич.— Откуда вы ехали?

— Мы приехали с Белорусского вокзала, и я уплатил тридцать рублей, как условились...

— Я общественный контролер,— представился Кудряшов.— Вам надо было уплатить только девять рублей, как показывает счетчик.

— Я не просил, это он мне сам столько дал...— вмешался растерявшийся шофер.

— Верните двадцать один рубль! — Кудряшов строго посмотрел на него.

Деньги были возвращены без возражений.

Шофер 1-го таксомоторного парка Василий Гусев за провоз пассажиров по договоренности и получение денег сверх показания таксомотора предстал перед товарищеским судом.

Председателем суда был шофер Георгий Морозов, членами суда — техник Надежда Сахарова и слесарь Федор Чащилов. Шофера Гусева товарищи судили впервые. И суд вынес ему общественный выговор. Если бы это случилось во второй раз, решение было бы более жестким.

...Но вернемся к нашему рассказу о трудовом дне шофера Жилейкина. Этот день уже приближался к концу. Вот совершил он свой последний, пятьдесят третий рейс, и машина с зеленым глазком снова понеслась по Ярославскому шоссе — в парк. Наступал вечер, и улицы заполнила нарядная толпа, спешившая в сады, парки, за город.

И Жилейкин, изрядно уставший, тоже не без удовольствия предвкушал предстоящий отдых.

Не снимая телефонной трубки

Павло **МАКРУШЕНКО**

Каким станет телефон в недалеком будущем — допустим, через пять — десять лет?

— Стоит ли толковать о телефоне будущего, если у нас дома нет даже обыкновенного современного аппарата? — скажет иной читатель.

Да, читатель прав. Многие еще не могут пользоваться квартирным телефоном только потому, что в их районе «нет свободной пары». Так обычно отвечают тем, кто претендует на установку телефона. И, тем не менее, интересно знать, каким же должен быть и, несомненно, станет телефон недалекого будущего?

...На столе стоит небольшая коробка. Телефонной трубки не видно: она вмонтирована внутри. Диск для набора номера заменен кнопками. По другому варианту, нет даже и кнопок: достаточно громко «продиктовать» номер, а остальную работу выполнят полупроводники.

Созданием новой телефонной аппаратуры уже занялись организованный недавно Научно-исследовательский институт городской и сельской телефонной связи в Ленинграде и Центральный научно-исследовательский институт Министерства связи СССР в Москве, учебные институты связи, научно-исследовательские институты Министерства радиотехнической промышленности, конструкторские бюро.

— Мы стремимся создать новые типы АТС, в которых механические и электромагнитные устройства будут заменены электронными,— говорит директор ленинградского института Л. Фарафонов.— Обычная схема ручной телефонной связи такова: Иванов звонит на станцию и просит нужный ему номер. Телефонистка находит этот номер у себя на щите коммутатора и соединяет Иванова с Петровым. На существующих АТС работу телефонистки заменяет вращающийся автоматический механизм — искатель. Подняв трубку своего телефона, вы ждете, когда один из искателей найдет вашу линию и подаст непрерывный гудок, что означает: «Готов к вашим услугам». Тогда вы набираете букву, сигнализируя этим самым автомату: «Мой абонент Петров живет в таком-то районе города». Механизмы вращаются, отыскивая одну из линий, соединяющих вашу АТС с этим районом.

Механический искатель занимает много места, имеет малую скорость, требует постоянного ухода со стороны. Его скользящие детали несовершенны, из-за чего иногда прохождение сигналов связи нарушается, появляются шорохи, посторонние шумы, ухудшается слышимость.

Следующий этап развития телефонных станций — механоэлектронные АТС. Тут механизмы имеют более надежную конструкцию: поиски линий выполняют за них быстродействующие электронные устройства. Неисправности и помехи резко сокращаются.

Но еще более заманчивы возможности полностью электронных АТС. Создаваемые по принципам электронных или магнитных вычислительных машин, они мгновенно решают задачу выбора требуемого пути из нескольких миллионов линий.

Электронные или магнитные устройства находят вашу линию, «запоминают» набранный вами номер и осуществляют соединение, не производя видимых движений. Автоматизация процессов соединения тут доводится до совершенства. Небольшая электронная АТС уместится в ящике, смонтированном и запечатанном на заводе. Останется только пустить телефонную станцию в действие, после чего ее не нужно обслуживать.

Создание электронной АТС поможет также решить многие проблемы, связанные с автоматической сигнализацией в промышленности, с управлением на расстоянии.

Разрабатывается в нескольких научно-исследовательских институтах еще одна очень важная проблема — проблема линий городского телефона. От каждого аппарата до АТС сейчас идет по два провода. Это та самая злополучная «пара», из-за которой часто отказывают в установке нового телефона. Прокладка кабеля и его содержание обходятся значительно дороже, чем строительство и дальнейшая эксплуатация новой АТС. Вспомним, что для связи между городами применяется высокочастотное оборудование. Это дает возможность вести одновременно несколько десятков разговоров по одной паре проводов. Почему бы этот принцип не использовать для городских телефонов?

Где-то построен новый дом на сто квартир. К нему подведено три — пять пар проводов. К ним и подключили бы телефоны всех жильцов, никому не отказывая. Такие же линии соединяют между собой и телефонные станции. Это во много раз сократит число «отказов в соединении», сэкономит немало цветных металлов, удешевит содержание линий.

Ленинградский институт совместно с заводом «Красная Заря» создал несколько интересных вариантов АТС для села. Есть сельская телефонная станция, обслуживающая без телефонистки внутриколхозную и внутрирайонную связь. Есть АТС, предназначенная для машинно-тракторной станции, объединяющая телефонную связь нескольких сел. Разрабатываются экономичные сельские АТС с минимальным расходом электроэнергии и без всякого обслуживающего персонала. Сотни сельских АТС уже находятся в эксплуатации в ряде республик и областей нашей страны. Так, например, полностью автоматизирована телефонная связь Всеволожского района, Ленинградской области.

С 1952 года в Советском Союзе начали вводить полуавтоматическую связь между городами. Телефонистка столицы сама соединяет ленинградского или киевского абонента с Москвой. Отпала необходимость во второй телефонистке, обычно работавшей в паре с нею.

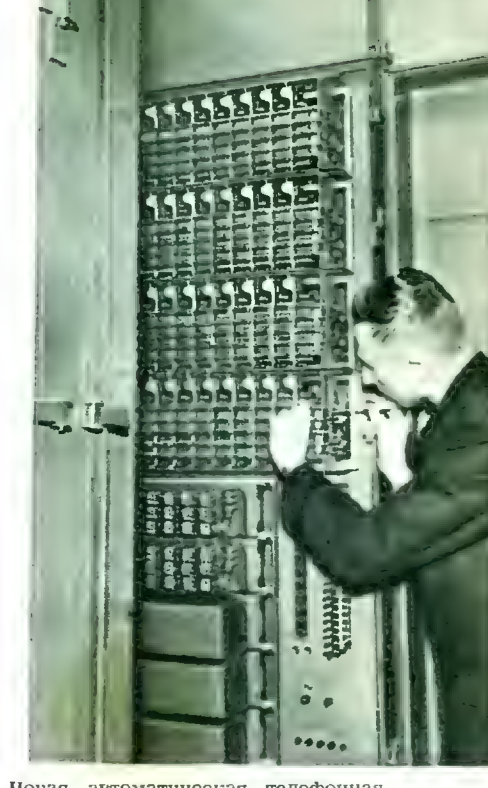
На полуавтоматике работают уже сотни линий. К концу пятилетки их будут тысячи. Освободится до пятнадцати тысяч телефонисток, которые перейдут на другую работу. Затраты на новое оборудование полуавтоматики окупятся за один год.

На очереди полная автоматизация междугородной телефонной связи СССР. Тогда новосибирцы, например, смогут сами, без предварительного заказа и без помощи телефонистки, набирать нужный номер, вызывая Баку или Сочи. Москвичи смогут соединиться с абонентами Владивостока, Минска, Риги. В первую очередь междугородная АТС свяжет Москву с Ленинградом. Москвичи будут набирать любой ленинградский номер, а ленинградцы — московский. В порядке опыта на такую работу будет переведена часть московских АТС в конце 1957 года. Потом к ним присоединятся Киев, Куйбышев.

При создании междугородной АТС возникает другая сложная задача: как учитывать продолжительность и стоимость разговора на большие расстояния?

Тут опять на помощь приходит электроника. С помощью электронных устройств, способных «запоминать» тексты целых книг, наши междугородные АТС смогут учитывать все сведения, необходимые для предъявления счета по нужному адресу. Автоматы определят номера телефонов и названия городов, дату и время вызова, продолжительность разговора, его стоимость...

Как видите, телефон ближайшего будущего не бесплодная фантастика, а реальность. Пожелаем же успеха новому институту и всем, кто занят созданием новых видов телефонной связи.

Новая автоматическая телефонная подстанция, установленная в доме на Московском проспекте в Ленинграде. Она обслуживает 100 квартир, хотя к зданию подведено всего 20 пар проводов.

Фото Б. Уткина.

На берегу Амура

Расположенный на правом берегу Амура, возле Парка культуры и отдыха, новый стадион Хабаровска скоро станет самым красивым уголком города. Здесь посадят свыше 3 тысяч деревьев, разобьют цветники и клумбы, украсят сад скульптурами и фонтанами...

Пока еще на месте стадиона огромная строительная площадка в 33 гектара. Но уже в будущем году 25 тысяч болельщиков смогут посмотреть здесь футбол. К услугам спортсменов 6 волейбольных и 4 баскетбольных площадки, площадки для городошников, тир, теннисные корты... Недалеко от берега Амура выстроят плавательный бассейн с открытыми трибунами на 2 500 зрителей. Для любителей зимнего спорта созданы лыжная станция, трамплины, каток.

Пока еще на месте стадиона огромная строительная площадка.

Фото Г. Санько.

Сергей **МИХАЛКОВ**

Общий язык

Сценка

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Действующие лица:

Захаркина Антонина Григорьевна — пожилая ткачиха.

Захаркин Федор Григорьевич — ее старший брат, колхозник.

Варя — ее дочь, тоже ткачиха, комсомолка.

Джон — делегат фестиваля.

Тетя Паша — соседка средних лет.

Действие происходит в Москве в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Скромно, но опрятно обставленная комната в одном из новых домов на окраине столицы. На стене портрет В. И. Ленина. У окна в горшках цветы. В углу на гвозде гитара. Направо—дверь в смежную комнату.

Вечер. Захаркина накрывает на стол. Ее брат сидит у окна с газетой в руках.

Захаркина (ворчит). Моя Варвара с этим фестивалем совсем с ума свихнулась. Вся в значках ходит! С работы придет, сухой кусок в рот — и на улицу... Нынче воскресенье, так ее уже с самого утра нет. Ну, она молодая, ей простительно, а тебя на старости-то лет куда леший принес? Или тоже в молодежь записался? Делать тебе нечего!

Захаркин (добродушно). Любопытно стало, вот и приехал.

Захаркина (продолжая ворчать). И все едут и едут... Чего только милиция смотрит?

Захаркин. Жалко тебе, что ли? Пусть едут!

Захаркина. Чисто нашествие какое!

Захаркин (рассудительно). Всякого человека интерес донимает. Всемирная молодежь в Москве собралась! Иной, небось, тыщи километров отмахал, пока сюда добрался, а что же нашим гражданам в такие-то дни в родную столицу не заглянуть? Если у кого есть такая возможность...

Захаркина (сердито). Вчера на Красную площадь вечером ходила, так не знаю, как и жива осталась! Затолкали совсем!

Захаркин (ехидно). И тебя, значит, туда потянуло? Дома не усидела?

Захаркина (оправдываясь). Все идут, и я пошла.

Захаркин (укоризненно). Стало быть, вам можно, а нам, как мы есть с периферии, стало быть, нельзя? Зачем, говоришь, понаехали? А периферия, она тоже плясать хочет! И для нее фестиваль!

Захаркина. Ну, пойди, пойди, попляши! Варвара тебя сведет. Она уже все площадки изучила, где у них танцы происходят. Ох, девка! Обедать пора, а ее все нет. Вчера во втором часу ночи заявилась.

Захаркин. Так ведь что ж тут такого? Кому, как не ей, нынче гулять! Комсомол!

Захаркина. Садись к столу. Ждать не будем.

Захаркин кладет газету на подоконник и пододвигает стул к столу. В комнату стремительно входит Варя. На ней яркая цветастая юбка. В волосах гвоздика. Новую вязаную кофту украшает большое количество разнообразных значков. По выражению ее лица заметно, что она чем-то возбуждена. Небольшая пауза.

Варя (стоя у порога). Мама! Вы только не ругайтесь!

Захаркина. Что стряслось?

Варя (смотрит на дядю). Я не одна.

Захаркина. А с кем ты?

Варя. С гостем. (Оборачивается и говорит кому-то, стоящему за ее спиной). Алло, Джон! Заходите! Плиз! Пожалуйста!

В комнату входит негр. Он приветливо улыбается. На лацкане его пиджака тоже много разных значков. Гость кланяется. Захаркин встает и отходит к окну, с нескрываемым любопытством глядя на вошедшего гостя. Неловкая пауза.

Варя (нарушая молчание). Мама! Его зовут Джон. Джон, это моя мама. (Показывает на мать). А это мой дядя, колхозный бригадир! Колхоз! Понимаете? Дядя Федя, не стесняйтесь! Знакомьтесь! Мама, протяните ему руку! Знакомьтесь!

Захаркина поднимается. Неловко протягивает гостю руку. Тот уважительно пожимает ее. Улыбается.

Джон (на ломаном русском языке). Мир и дружба!

Захаркина. Захаркина я... Антонина Григорьевна... Варина мать... Милости просим...

Захаркин (делая шаг вперед и пожимая гостю руку). Захаркин. Федор Григорьевич. Колхоз «Новая заря», Калининской области. Стало быть, вот так... (Отходит в сторону).

Варя (оживленно). Мама! Вы только не сердитесь! И не удивляйтесь, пожалуйста, а то он может обидеться. (Гостю). Это я своей маме о вас рассказываю. Понимаете? Садитесь, Джон! Вот на этот стул! (Пододвигает гостю стул).

Джон (продолжая улыбаться). Сэнкс!* (Садится. Осматривается).

Захаркин (протягивая гостю открытую пачку папирос). Курите? Папиросы. Русские. Прошу!

Джон (берет папиросу). Рашен сигаретс! Карашо!

Захаркин. Нет, нет! Это папиросы! Сигареты без мундштука, а эти, гляди-ка, с мундштуком! (Объясняет, показывает). «Беломор». Берите, берите! У меня еще есть. Прошу! (Сует несколько папирос в карман гостю).

Джон. О! Сэнк ю вери мач!**

Варя (неодобрительно). Дядя Федя! Так не надо. Вы ставите его в неловкое положение! Угостили — и хорошо! А класть ему в карман не надо. А то он еще бог знает что подумать может!

Захаркин (смутившись). Я от души. По-простому.

Джон (улыбаясь). Русс папирос — карашо! Мир и дружба — карашо! Бом-ба — не карашо! Бэд!***

Захаркин. Это правильно! От бомбы много бед! Уж мы-то знаем, что такое война! Повоевали! Мы войны не хотим. Капиталисты хотят войны. Верно я говорю?

Джон серьезно слушает, кивая головой, как бы понимая слова собеседника.

Варя. Дядя Федя! Что вы ему про войну объясняете? Он же вас не понимает!

Захаркин. Я понятно объясняю. Понимает.

Джон (серьезно). Иф олл зе пиплс оф зе уорлд джойн хэндс энд сей-ноу, зэр уилл би ноу уэй ту зэ уор!****

Захаркина. Что он сказал?

Варя (пожав плечами). Я не знаю, что он говорит. Он по-английски сказал. Только вы, мама, не беспокойтесь. Он прогрессивный! Работает грузчиком. Рабочий человек. Делегат из Черной Африки.

Захаркина. Это я вижу, что из Черной... А что нам с ним делать надо?

Варя. Ничего особенного. Я его нарочно сюда привела. Пусть посмотрит, как мы живем. Комнаты у нас хорошие, в новом доме. Пусть своими глазами все увидит. А то у них там в газетах бог знает что про нас пишут. У них ведь еще там колониальная политика! Им про нашу жизнь настоящую правду не рассказывают. Вы нас покормите, мы посидим полчасика и пойдем! У него сегодня выступление на Манежной площади. Он петь будет.

Захаркина (растерянно). Господи!

Варя (гостю). Джон! Сейчас будем обедать! (Показывает на обеденный стол). Обедать! Плиз!

Джон (поняв). Карашо!

Варя. Вы хотите вымыть руки? (Показывает). Руки! Вымыть! Перед обедом!

Джон (поняв). Ту уош май хэндз? Итс гуд ту уош хэндз бефор ланч! Энд уэр из зе соуп? *

Захаркина. Суп? Потом будет и суп. Щи свежие с мясом!

Варя. Мама! Где у нас чистое полотенце?

Захаркина подает чистое полотенце гостю. Тот смотрит на Варю. Ждет.

Захаркина. Мыло в ванной.

Варя. Алло, Джон! Идите за мной.

(Уходят).

Захаркина (растерянно, глядя на брата). Негра дождались. А?

Захаркин. А что? Хорошо. Это к счастью.

Захаркина. Нету такой приметы!

Захаркин. Новое время — новые приметы! Сам фестиваль к вам в дом пришел. Понимать надо! Такое не всем выпадает!

Захаркина (озабоченно). Чем же его кормить? Может, он нашего и не ест?

Захаркин. Что ты нынче наготовила?

Захаркина. Селедочку с молодой картошкой. Щи. Биточки. Компоту из вишен наварила.

Захаркин. Русское кушанье. Пусть по-нашему пообедает. Выпить-то ничего нет?

Захаркина. Есть немного беленькой.

Захаркин (бодро). Ставь на стол! Нашу московскую во всем свете уважают!

Захаркина ставит на стол водку. Захаркин откупоривает бутылку. Входят Варя и Джон.

Варя. Просто неудобно даже!

Захаркина. Что такое?

Варя. В коридоре лампочка перегорела. Не могли новую ввернуть! Тетя Паша из своей комнаты выходила, чуть с ног его не сшибла. Его же в темноте не видно!

Захаркина. Приглашай гостя к столу! (Гостю). Садитесь, Джон! (Пододвигает гостю стул. Тот садится).

Джон. Сэнкс!

Варя (матери). Как фестиваль закончится, обязательно на курсы языков поступлю.

Захаркин. Да-а-а... Без языков оно... трудновато с непривычки. (Гостю). Водка! Пьете? Употребляете?

Джон (неожиданно). Сто грамм!

Захаркин (весело). Гляди, гляди! Грамотный! (Разливает водку по рюмкам).

Захаркина (обращаясь к гостю). Простите, мы нынче для

* Спасибо.
** О! Большое спасибо.
*** Плохо.
**** Если народы всего мира возьмутся за руки и скажут «нет», войны не будет.

* Вымыть руки? Хорошо вымыть руки перед завтраком! Где мыло?

себя готовили! Не ожидали, что вы придете... Может, вам наша пища не понравится...

Варя (матери). Мама! Он все равно ничего не понимает, что вы там ему говорите! Положите ему на тарелочку кусочек селедки.

Захаркина (гостю). Вы селедочку уважаете?

Варя (сдержанно). Мама! Я вам сказала, что он вас не понимает! Положите ему кусок селедки и гарниру.

Захаркина (кладет на тарелку гостя селедку). А может, он ее не ест?

Варя (гостю). Вы это едите? (Показывает на тарелку).

Джон (улыбаясь). Йес! Йес!*

Захаркин. Ест! Ест! (Поднимает рюмку). Товарищ Джон! Камрад!

Джон (поднимает рюмку). Мир и дружба!

Все встают с рюмками в руках.

Захаркин (торжественно). Я поднимаю тост за весь ваш негритянский народ! Выпьем за равноправие и против рабства! Долой колонизаторов и империалистов! Варвара! Переведи ему, что я сказал!

Варя (сердито). Я же не говорю по-английски! (Гостю). Алло, Джон! Надо выпить! До дна! (Показывает, опрокидывая пустую рюмку).

Гость стоит в раздумье. Затем смотрит на портрет Ленина, висящий на стене. Становится серьезным.

Джон (стоя с рюмкой в руках). Ай куд нот андерстэнд уот ю хэв джаст сед, бат ай гесс ю сей э тру синг! Ай дринк ту зе совьет пипл!** Ленин! Москва! Карашо! Мир и дружба!

Все чокаются. Пьют. Садятся.

Захаркина (гостю). Кушайте на здоровье! Чем богаты, тем и рады.

Все молча едят.

Захаркин (нарушая молчание). Приеду в колхоз — буду рассказывать, как у тебя с негром за одним столом обедал. Ведь не поверят! Хоть справку бери!

Варя. А он у себя дома тоже будет про нас рассказывать. Хорошо, что он к нам пришел! Мир между народами! Верно?

Захаркин. Ясное дело, это ты его правильно пригласила. Он, видать, парень хороший.

Захаркина (протягивает руку за тарелкой гостя). Джон! Дайте вашу тарелочку, я вам еще положу!

Джон (протягивая тарелку). Плиз!***

Захаркина. Знала бы, что такой гость у нас будет, я бы черной икорки прикупила! (Угощает гостя). Кушайте! Картошечка молоденькая! Плиз!

* Да! Да!

** Я не понял, что вы только что сказали, но догадываюсь, что это правда! Я пью за советский народ!

*** Пожалуйста!

Варя выходит из-за стола и скрывается в смежной комнате. Возвращается оттуда с ярким шелковым платком в руках. Повязывает гостю платок на шею.

Варя. Сувенир. Это вам от нас с мамой! На добрую память. Такие платки на нашей фабрике вырабатывают. Наша работа! (Показывает на себя, на мать и на платок). Наша! Понимаете? Мы эти платки к фестивалю готовили! Сувенир!

Джон (улыбаясь). Сувенир? Карашо! Ай'л тэйк зис сувенир хоум уиз ми! Энд олл уилл энви ми энд зе полис олсо!* (Смеется).

Захаркин. Что он там про полицию сказал? Я не разобрал!

Варя. Наверное, он боится, что ихняя полиция у него этот платок отнимет. Здесь же на платке наш Кремль изображен.

Захаркин (гостю). Надо платок спрятать! В карман! От полиции!

Джон (качает головой). Ай'л уэр ит олуэйз!** (Прижимает ладонью концы платка к своей груди).

Варя. Только он, наверное, не боится полиции. Он грузчик!

Джон (показывает на гитару, висящую на стене). Мюзик?

Варя. Гитара! Ты играешь на гитаре?

Джон протягивает руку в сторону гитары. Варя встает и, сняв гитару с гвоздя, подает ее гостю. Джон осторожно берет ее в руки, дотрагивается до ее струн и начинает петь. Он поет грустную народную негритянскую песню. Поет ее вдохновенно, закрыв глаза, и его низкий, грудной голос волнует и трогает неискушенных и доброжелательных слушателей. В комнату заглядывает любопытная соседка тетя Паша. Захаркина знаком приглашает ее войти и не мешать. Соседка входит и присаживается на стоящий возле двери стул. В московской рабочей квартире звучит песня с плантаций Черной Африки. Негр кончил петь и открыл глаза. Он тихо перебирает струны гитары. Все взволнованно молчат. Захаркин, отвернувшись к окну, курит. Варя смахивает со щеки слезу. Старая московская ткачиха Антонина Григорьевна Захаркина молча поднимается со своего места, медленно подходит к гостю и, обняв его за шею, по-матерински целует в лоб, прижав к своей груди черную курчавую голову делегата из Черной Африки...

Медленно идет занавес.

* Я увезу этот сувенир домой! И все будут мне завидовать, даже полиция!

** Я всегда буду носить его с собой!

Рассказ сатирика

Эмиль СОКОЛ

Свой гражданский долг я стараюсь всегда исполнять на совесть. На собраниях к воздержавшимся не принадлежу, участие в добровольных бригадах во время жатвы или уборки свеклы считаю для себя просто удовольствием. Кажется, ясно: я являю собою положительный тип гражданина, даже больше — активно положительный.

В обществе меня охотно принимают ради моего таланта рассказчика. Мне это приятно. Но однажды кто-то удивленно сказал:

— Вы врожденный сатирик! А не родственник ли вы Ярослава Гашека?

Эта мысль втемяшилась мне в голову. Обуянный гордыней, я начал писать сатиру. И не только писать, но и публиковать. Одна школьница из нашего дома как-то даже обратилась ко мне: «Маэстро...»

Более других мне удался фельетон о несамокритичных руководителях. Он, очевидно, вызвал

значительный резонанс, потому что как раз в следующем месяце меня на работе лишили премии. Через некоторое время опубликовали еще один: «Прием... в ванной». Я описывал учреждение, занявшее комфортабельную квартиру. Этим поступком я надолго заслужил немилость жилуправления. Из некоторых источников мне стало известно, что наш кадровик начал подумывать о серьезном изучении моего прошлого. Рассказ о плохих дворниках вызвал вспышку лишь местного характера: я получил три анонимных письма от нашей дворничихи.

С тех пор в моей квартире частенько не шла вода. Но это меня ничему не научило. Я продолжал писать и бороться с недостатками. Правда, не называя имен, а так, в общем...

Отклики, однако, говорили, что мне везет на типичные явления.

После описания семейственности в управлении некоего завода меня перевели на самую маленькую должность. Жена моя уехала к своей маме. Она, дескать, и

представления не имела, какой элемент выбрала себе в мужья! Мой закадычный друг Штефан переменил квартиру и уехал в другой конец города, чтобы иметь причину для разрыва отношений. Дети с нашей улицы, как видно, под влиянием своих домашних, рисовали на моих дверях всяческую чепуху. Потом явился некто, осмотрел мою квартиру и заявил:

— Понаехали тут всякие в новые квартиры!

Это уже было слишком! Я перестал писать сатиру, несмотря на то, что мое сердце разрывалось на части. Перед лицом общественности я заявил, что не имею ничего общего с тем сатириком, что он просто однофамилец...

Теперь все в порядке. Премию получаю уже второй раз. Дворничиха вымыла у меня лестницу. Ходят слухи, что мне выдадут путевку в санаторий как лучшему работнику. И с женой все налаживается. Но без литературы я жить не могу. Поэтому я стал литературным критиком. Популярность мне принесла общественная лекция на тему «Вперед, за творческую смелость авторов!»

Со мной стали здороваться известные деятели и писатели. Сейчас я подготавливаю глубоко принципиальную статью «Кто хочет зажечь сердца, должен гореть сам!»

Поговаривают, что в ближайшее время меня назначат на новую должность.

Перевела со словацкого **В. ПЕТРОВА.**

Рисунки В. Соловьева.

ФОТОРОБОТ ИЗОБЛИЧАЕТ ПРЕСТУПНИКА

Фотография, как известно, играет большую роль при расследовании многих видов преступлений. Она дает возможность запечатлевать различного рода следы, позволяет суду, не выезжая на место происшествия, получить представление о положении тех или иных предметов и прочее. Недавно сначала во Франции, а вслед за этим и в некоторых других странах фотоснимки стали использовать еще в одном плане. Речь идет о так называемом фотороботе. Фоторобот помогает найти преступника, облик которого очевидцы случайно запомнили и могут рассказать о нем только в общих чертах, что часто оказывается недостаточным даже для составления так называемого словесного портрета.

Пример из швейцарского специального журнала. Некая Евгения Бертран была обнаружена убитой на пустыре близ Лионского ипподрома. На трупе имелись следы четырех выстрелов. Следствие установило, что Бертран в течение нескольких месяцев была связана с человеком, именовавшим себя Вельтеном. Все попытки установить его подлинную личность оставались бесплодными. Наконец полиции удалось обнаружить человека, который два раза видел того, кто называл себя Вельтеном, но ничего о нем не знал. Свидетелю предложили рассмотреть десяток — другой фотографий и указать черты, повторяющие лицо Вельтена. Тот выбрал на одном из снимков схожую форму лица, на другом — рот, на третьем — прическу и лоб. Опытный лаборант смонтировал все выбранные элементы воедино, изготовив своеобразный синтетический снимок, который отретушировали и послали в полицейское управление Парижа. Там его размножили, и несколько тысяч экземпляров распространили по полицейским учреждениям Франции и за границей. Однако мероприятие ничего не дало. Тогда синтетический снимок опубликовали в газетах. Вскоре в полицию явились два человека и заявили, что изображенный на снимке человек похож на известного им коммерсанта Грош Бернара. Негласная проверка дала полиции ряд данных, которые подтверждали правильность подозрений. При обыске на квартире Бернара нашли медицинский рецепт на имя Вельтена, а также три револьвера, один из которых, как показала экспертиза, явился орудием преступления...

Иностранные криминалисты отмечают, что фоторобот не претендует на воспроизведение черт лица в абсолютно идентичном виде. Цель метода — создавать сходство или аналогию, чтобы воскресить в сознании свидетеля воспоминание об изображении. Для следователя это сокращает работу по розыску, ограничивая его поиски определенным типом. Процесс изготовления фоторобота сравнительно несложен. Свидетель и следователь совместно участвуют в выборе фотоснимков, их монтаже и других деталях создания синтетического снимка.

Ф. КАМЕНСКИЙ

АВТОМОБИЛИ-МАЛЮТКИ

Мальчишки стайками бегут за миниатюрной «Чайкой», когда Сережа Ежов едет в детский сад или просто катается по тротуару. На крошечном автомобиле установлен настоящий двигатель внутреннего сгорания, есть коробка передач, руль, педали. Машину для сына сконструировал Г. П. Ежов, работающий шофером.

По Фрунзенской набережной Москвы разъезжает еще один автомобиль-малютка, построенный механиком автобазы А. И. Шаповаловым. Машиной уверенно управляет его сын Женя, ученик 3-го класса 129-й школы. На станции юных техников города Павловский Посад, Московской области, построен автомобиль «Звезда». Его скорость 20 километров в час. «Звезда» может плыть по воде. Машины для детей строят многие автолюбители.

П. ФЕДОРОВ

Фото Я. Шахновского.

На вкладках этого номера: репродукции картин А. Д. Кившенко «Съезд на ярмарку на Украине», В. Д. Поленова «Ока», две страницы репродукций картин американского художника Рокуэлла Кента и четыре страницы цветных фотографий.

НОВЫЕ МАРКИ

Египет выпустил новую почтовую марку с надписью «Газа — часть арабской нации» и с изображением географической карты.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Историческая область в Чехословакии. 8. Польский народный танец. 9. Буквоотливная наборная машина. 11. Элемент конструкции в крыльях и оперении самолета. 12. Металлорежущий инструмент. 13. Ставка оплаты, сборов. 15. Чистый глинозем. 16. Наука о человеке. 18. Прибор для обнаружения и измерения слабых электрических токов. 21. Озеро на границе СССР и Китайской Народной Республики. 23. Древнее стенобитное орудие. 25. Представитель основного населения автономной республики. 27. Рабочий стол для столярной, слесарной работы. 28. Остров в Большой Курильской гряде. 29. Напев. 30. Автор популярной теоремы.

По вертикали:

1. Кондитерское изделие. 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Река в Забайкалье. 4. Чешский писатель. 5. Жвачное животное. 6. Духовой инструмент. 10. Город на берегу Онежского озера. 11. Специалист по съемке местности. 14. Спортивная рубашка. 15. Довод, приводимый в доказательство. 16. Народный поэт — певец и музыкант. 17. Вид клена. 19. Растение, выращенное из сеянца, который пересажен на другой участок. 20. Персонаж из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. 22. Камера для работ под водой. 24. Плод южного растения. 25. Участок в пустыне у источника. 26. Сербский драматург.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 34

По горизонтали:

4. Атмосфера. 9. Поросль. 10. Андорра. 11. София. 13. Серебро. 14. Городки. 15. Этика. 17. Талон. 18. Балаклава. 19. Тюрки. 23. Земля. 25. «Недоросль». 28. Дилемма. 29. Штабель. 30. Крапива.

По вертикали:

1. Стиль. 2. Астрофизика. 3. Арена. 5. Концентрат. 6. Росчерк. 7. Гондола. 8. Траектория. 11. Соболь. 12. Ягдташ. 16. Абакан. 17. Табель. 20. Ювелир. 21. Блокада. 22. Плоешти. 24. Лекало. 26. Ермак. 27. Лиана.

В Пекине на площади Тяньаньмынь 1 октября 1956 года появилось десять новых машин. Их выпустил автомобильный завод в Чанчуне. Событие запечатлено на двух марках. На одной изображено главное здание завода, на другой — машины на конвейере. Чанчуньский завод в числе тех предприятий, строить которые Китаю помогает братский Советский Союз.

КНР. ЧЖУ ШИ-ЦЮАН.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия:** В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06655. Подписано к печати 21/VIII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 891. Заказ № 2104.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Шефы.

Фотоэтюд Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.